DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE "Transbaikal State University"

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Transbaikal Territory, Russia, 672039

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st., Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail. ru

http://www. zabvektor.com

Том 15, № 2
2020

Vol. 15, No. 2
2020

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Периодичность журнала – 6 раз в год

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
07.00.06 – Археология (исторические науки);
07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала
Философские науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» ***42407***

Редакционная коллегия

Главный редактор
Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающий редактор
Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Ответственный секретарь
Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала
Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks

Тематика журнала связана *с ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры*. Идейная канва контента журнала становится основанием для осмысления широкого круга социокультурных проблем в рамках таких наук, как философия, филология и история. Данный выпуск представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по проблемам истории философии, экзистенциальной философии, гуманитарной географии. Представлен культурологический анализ различных сфер человеческой деятельности, исследования по проблемам материальной и духовной культуры, истории и философии культуры.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2020

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 09.04.2020. Дата выхода в свет 13.04.2020.
Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".
Способ печати оперативный. Заказ № 20039.
Усл. печ. л. 16,9. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Founded in 1997
Publication frequency 6 times a year

Humanitarian Vector
Gumanitarnyi Vektor

The journal is registered
by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal
is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

07.00.02 – National history (historical sciences);
07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
07.00.06 – Archeology (historical sciences);
07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction
Philosophical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:
Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in “Press of Russia” ***42407***

Editorial Board

Editor-in-chief
Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editor
Subbotina, Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board
Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing
E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks

The dominant subject matter of the journal is connected *with key meanings, values and artifacts of culture.* This ideological outline of the journal’s content becomes the basis for understanding of a wide range of sociocultural problems within philosophy, philology and history. The issue is a collection of original and review scientific papers on the history of philosophy, existential philosophy, human geography. It presents culturological analysis of various spheres of human activity, the studies on topical issues of material and spiritual culture, history and philosophy of culture.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2020

Editorl O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 09.04.2020. Date of publication 13.04.2020.
Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset “Arial”.
Operative printing. Order No. 20039.
Conv. quires 16,9. Ed.-print quires 14,4. Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).
Free price

FSBEI HE “Transbaikal State University”
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);

Афанасьева Эльмира Маратовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);

Базаров Борис Ванданович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);

Батмаз Вейзель, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);

Бернюкевич Татьяна Владимировна, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);

Буржо Андре, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);

Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);

Воронченко Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Геруля Мариан, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовица, Польша);

Гомбоева Маргарита Ивановна, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Граля Хероним, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);

Дербишева Замира Касымбековна, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);

Диев Владимир Серафимович, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);

Жуковская Наталья Львовна, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Зубарева Вера Климовна, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);

Изухо Масами, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);

Иизука Фуми, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);

Камалова Алла Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);

Келли Бэрон, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);

Ковтун Наталья Вадимовна, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Константинов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Костырченко Геннадий Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);

Новиков Александр Николаевич, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия);

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Романова Екатерина Назаровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);

Саймонс Грег, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);

Сонг Чжон Су, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);

Сяобин Чжао, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);

Цэцэгма Жамбалын, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Монголия);

Черникова Ирина Васильевна, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);

Шапошник Вячеслав Валентинович, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

Alevras, Natalya N., Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia),
Afanas'eva, El'mira M., Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
Bazarov, Boris V., Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
Veysel, Batmaz, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
Bernyukevich, Tatiana V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
Bourget, Andre, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
Vanchikova, Tsymzhit P., Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
Voronchenko, Tatiana V., Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
Gierala, Marian, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
Gomboeva, Margarita I., Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
Grala, Hieronim, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
Derbisheva, Zamira K., Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
Diev, Vladimir S., Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
Zhukovskaya, Natalya L., Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Zakharova, Elena Yu., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
Zubareva, Vera K., Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
Izuho Masami, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
Iizuka Fumie, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
Alla A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
Kamalova, Alla A., Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
Karasik, Vladimir I., Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
Kelly Baron, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
Kovtun, Nataliya V., Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
Konstantinov, Mikhail V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
Kostyrchenko, Gennady V., Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Kulikova, Elena Yu., Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
Liga, Marina B., Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
Maslova, Valentina A., Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
Misonzhnikov, Boris Ya., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
Novikov, Aleksandr N., Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
Petrov, Aleksandr Yu. , Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Pimenova, Marina V., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, General of the Army A. V. Khrulev Military Academy of the Material and Technical Maintenance (St. Petersburg, Russia);
Rozov, Nikolai S., Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
Romanova, Ekaterina N., Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
Simons Greg, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
Song Chon Su, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
Strovsky, Dmitry L., Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
Xiaobing Zhao, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
Tsetsegma Zhambalyn, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Mongolia);
Chernikova, Irina V., Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
Shaposhnik, Vyacheslav V., Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
Shevtsov, Vyacheslav V., Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Гаврилова Ю. В., Горбунова Ю. А. Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России 8
Изуткин Д. А.Философско-этические аспекты взаимоотношений врача и больного 20
Пиляк С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов 26
Чеснокова Л. В. Право на приватность в либеральной философии Нового времени 33

АКСИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Субботина Н. Д. Устарели ли понятия «сущность женщины» и «сущность мужчины»? 43
Сычев А. А. Этапы морального нормотворчества 54
Фатенков А. Н. Антропологическая вертикаль: власть характера над амбициями и интересами 66

ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания 76
Даренская В. Н. Критика социального утопизма в работах С. Н. Булгакова 85
Смирнова Н. Е. Синтез логико-вербального и визуального мышления в контексте визуального поворота 95
Шаев Ю. М. Герменевтические проблемы человеко-машинной коммуникации 104

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

Гладкий А. В., Олифир Д. И. Онтология категорий «ландшафт» и «комплекс» в пространственной синергии 111
Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Общественно-географические и социально-философские подходы к изучению вексиллологических проблем 121
Красноярова Б. А., Кротов А. В. Диалектика стратегического развития Центрально-Евроазиатского трансграничного региона в условиях современных вызовов 131

CONTENTS

CULTURE AND SOCIETY

Gavrilova Yu. V., Gorbunova Yu. A. Religious Safety Practices in Normative Conflicts in Modern Russia 8
Izutkin D. A. Philosophical and Ethical Aspects of the Relationship Between a Physician and a Sick Person 20
Pilyak S. A. Hermeneutic Approach to the Study of Cultural Phenomena in the Works of Russian Philosophers 26
Chesnokova L. V. Right to Privacy in Liberal Philosophy of the Modern Era 33

AXIOLOGY OF CULTURE

Subbotina N. D. Are the Concepts of “Essence of a Woman” and “Essence of a Man” Out of Date? 43
Sychev A. A. Stages of Moral Norm-Creating 54
Fatenkov A. N. Anthropological Chain: Power of Character over Ambitions and Interests 66

PHILOSOPHY OF THINKING AND COGNITION

Ardashev R. G. The Irrationality of Public Consciousness 76
Darenskaya V. N. Christian Criticism of Social Utopianism in the Works by S. N. Bulgakov 85
Smirnova N. E. Synthesis of Logical-Verbal and Visual Thinking in the Context of Visual Rotation 95
Shaev Yu. M. Hermeneutic Problems of Human-Machine Communication 104

HUMAN GEOGRAPHY AND PHILOSOPHY OF TRANSBOUNDEDNESS

Hladkyi A. V., Olifir D. I. Ontology of Landscape and Complex Categories in Spatial Synergy 111
Martynov V. L., Sazonova I. E. Socio-geographical and Socio-philosophical Approaches to the Study of Vexillological Problems 121
Krasnoyarova B. A., Krotov A. V. Risks of Strategic Development of the Central Eurasian Region in the Context of Modern Challenges 131

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

УДК 304.2
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-8-19

Юлия Викторовна Гаврилова,
Российский экономический
университет им. Г. В. Плеханова
(г. Москва, Россия),
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Юлия Александровна Горбунова,
Московский университет им. С. Ю. Витте
(г. Москва, Россия),
e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru

Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России

В статье анализируется система авторитарных и гуманистических практик обеспечения религиозной безопасности в современной России. Авторы акцентируют внимание на том, что в основании деструкции существующей системы религиозной безопасности находятся нормативные конфликты. Сущностные особенности нормативных конфликтов заключаются в противоречиях либо между частями отдельной системы норм и ценностей, либо между нормативно-ценностными системами различного характера, но входящими в одну доминирующую культуру. Авторы определяют, что в целях обеспечения религиозной безопасности в современной России необходима минимизация деструктивных эффектов нормативных конфликтов через снятие противоречий. В статье предлагается авторская классификация практик, позволяющих снять остроту нормативных конфликтов, в том числе в сфере сегментов «светское» – «религиозное», тем самым способствовать установлению религиозной безопасности в современной России. Основываясь на принципах антропологического подхода, конфликтного функционализма, маргинальной антропологии и принципах кейс-анализа ряда нормативных конфликтов, происходящих в современном российском обществе, авторы выявляют систему авторитарных и гуманистических практик религиозной безопасности. К авторитарному типу практик относятся стигматизация, юридическая защита чувств верующих, запреты, цензурирование, коррекция поведения в соответствии с традиционной системой норм и ценностей. К гуманистическим практикам следует относить терпимость, ненасилие, призывы к мирному разрешению конфликтов. В основании классификации практик религиозной безопасности лежит трактовка понятия «норма», представленная двумя парадигмами: классической (Аристотель, Фома Аквинский, Г. Гегель и др.) и неклассической (З. Фрейд, Ф. Ницше, М. Фуко). Авторы приходят к выводу, что в современной России активно применяются все виды практик религиозной безопасности. Подробно рассматривается роль РПЦ в авторитарных и гуманистических практиках обеспечения религиозной безопасности.

Ключевые слова: религиозная безопасность, авторитарные практики, гуманистические практики, религии, религиозное сознание, нормативные конфликты, норма

© Гаврилова Ю. В., Горбунова Ю. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Yulia V. Gavrilova,
Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia),
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Yulia A. Gorbunova,
Moscow Witte University
(Moscow, Russia),
e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru

Religious Safety Practices in Normative Conflicts in Modern Russia

The paper deals with the system of authoritarian and humanistic religious safety practices in modern Russia. The authors focus on the fact that normative conflicts are the base of the destruction of the present religious safety system. The essential features of normative conflicts consist in the contradictions between the parts of a separate system of norms and values, or between normative and value systems of different nature, which are included in one dominant culture. The authors claim that it is necessary to minimize destructive effects of normative conflicts through the removal of contradictions in order to ensure religious safety in modern Russia. The authors suggest the classification of practices that make it possible to relieve the normative conflicts, including those in the "secular" – "religious" segments, and thereby facilitate to the establishment of religious safety in modern Russia. Based on the principles of an anthropological approach, conflict functionalism, marginal anthropology and the principles of case analysis of a number of normative conflicts taking place in modern Russian society, the authors identify a system of authoritarian and humanistic practices of religious safety. The authoritarian type of practices include stigmatization, legal protection of the feelings of believers, taboo, censure, correction of behavior in accordance with the traditional system of norms and values. The humanistic practices include tolerance, non-violence, calls for a peaceful resolution of conflicts. The classification of religious safety practices is based on the interpretation of the concept of "norm", presented by classical (Aristotle, Thomas Aquinas, G. Hegel and others) and non-classical (Z. Freud, F. Nietzsche, M. Foucault) paradigms. The authors conclude that both types of religious safety practices are actively realized in modern Russia. The role of the Russian Orthodox Church in authoritarian and humanistic practices of ensuring religious safety is considered in detail.

Keywords: religious safety, authoritarian practices, humanistic practices, religions, religious consciousness, normative conflicts, norm

Введение. Современное общество характеризуется наличием большого числа разнородных сообществ и социальных групп со своей системой ценностей, мировоззренческих ориентиров и норм. В рамках конкретного общества такое многообразие нормативных систем вызывает обострение противоречий между индивидами и социальными группами, приводя к противостояниям, столкновениям, войнам на почве несоответствия групповых культурных норм. Особо непримиримые позиции в таких конфликтах занимают приверженцы систем норм и ценностей религиозного и светского характера, что актуализирует задачу обеспечения религиозной безопасности в качестве одного из аспектов национальной безопасности.

В современном российском обществе Русская православная церковь становится всё более значимым институтом, регулирующим отношения в духовной сфере, выступая, в том числе, в качестве субъекта конфликтов, основой возникновения которых являются противоречия магистрального и маргинального, традиционного и нетрадиционного в интерпретации норм и ценностей. В условиях десекуляризации и политизации духовной сферы ценностный релятивизм, подвижность нормы и даже свобода ценностного выбора всё чаще рассматриваются религиозным сознанием как источник конфликтогенного поведения. Такие нормативные конфликты, как «скверный» конфликт в Екатеринбурге, скандал, связанный с возведением нового храма в Красноярске, протесты во время выборов в Московскую городскую думу, противостояние православных активистов и защитников художественных произведений («супрематического креста» Покраса Лампаса, оперы «Тангейзер», фильма «Матильда» и т. д.), судебные процессы над авторами мемов на религиозную тематику (Барнаул, М. Мотузная, Д. Маркин), движение феминизма, борьба за права сексуальных меньшинств и т. д., актуализируют проблемы свободы (выбора, творчества, слова, совести) и справедливости (социально-экономической, политической, правовой), границ нормального и ненормального и обеспечения религиозной безопасности. Религиозная элита и религиозные активисты зачастую создают подобные конфлик-

ты, либо вовлекаются в них в качестве активной «группы поддержки» какой-либо из сторон, предлагая собственный вариант оценки событий по шкале «норма – девиация», реализуя определённые стратегию и тактику разрешения ценностных противоречий, стремясь сохранить существующий нормативный порядок.

Для отечественного научного дискурса характерны фрагментарные представления о религиозной безопасности. Обеспечение религиозной безопасности рассматривается российскими исследователями преимущественно в аспектах противодействия политико-религиозному экстремизму и терроризму как типам девиантного поведения [22], снятия межконфессиональной напряжённости [6], функционирования религиозного синкретизма в трансграничных регионах [18], недопущения деструктивного влияния нетрадиционных религиозных движений [9] и дискриминации, ограничений религиозной свободы [10].

Зарубежные исследования религиозной безопасности и путей её обеспечения также не лишены недостатков. В исследованиях наблюдается перекос в сторону анализа исламского экстремизма и терроризма и методов защиты от них: проводится статистическое измерение и прогнозирование распространения «исламской угрозы» [17], анализируются факторы возникновения религиозного фанатизма, пути распространения исламского фундаментализма и специфика антимусульманского законодательства как механизма обеспечения религиозной безопасности [19]. Некоторые зарубежные исследователи объясняют возникновение религиозно-политических конфликтов несоответствием нормативно-ценностных систем их участникам. Однако основное внимание уделяется, прежде всего, анализу взаимодействия юридического и религиозного начал в содержании исламской нормативно-правовой системы [20]. Террористические акты, организованные представителями исламских неортодоксальных организаций, миграционные потоки представителей исламской культуры в США и Европу, опасения геополитических трансформаций объясняют особый интерес зарубежных исследователей к исламскому миру. В то время как для отечественных исследователей актуализируется проблема сохранения национального единства путём обеспечения религиозной безопасности.

Согласно исследованию Pew Research Center, Россия относится к группе стран с низким уровнем религиозной безопасности, что в течение последних 10–15 лет проявляется в терактах, вандализме, дискриминации религиозных меньшинств, предоставлении Русской православной церкви определённых привилегий [16]. В этих условиях ведущими практиками обеспечения религиозной безопасности становятся, с одной стороны, гражданское образование, патриотическое и духовно-нравственное воспитание как механизм ценностной идентификации, а с другой – социальный контроль отклонения от норм, в том числе правовое санкционирование.

Вместе с тем такой аспект религиозной безопасности, как минимизация негативных эффектов нормативных конфликтов, в основе которых лежат противоречия нравственных, эстетических ценностей и правовых норм, находится на периферии внимания исследователей. Традиционно безопасность общества связывалась с сознательным и целенаправленным соблюдением большинством общепринятых норм, предсказуемостью поведения большинства [12, с. 186]. Однако в условиях маргинализации норм, признания функциональности нормативных конфликтов (с точки зрения отрицания культурных стереотипов и обновления нормативного порядка) концепция безопасности, в том числе религиозной, требует своего переосмысления, прежде всего, в части исследования системы практик религиозной безопасности.

Методология и методы исследования. В качестве теоретико-методологической базы исследования выступает антропопрактический подход (Б. В. Марков, А. А. Попов, С. А. Смирнов, Г. Л. Тульчинский, С. С. Хоружий и др.), позволяющий рассматривать религиозную безопасность не только как концепцию, но и как практикование. Опираясь на принципы конфликтного функционализма (Л. Козер) и маргинальной антропологии (С. П. Гурин), мы полагаем, что проблема религиозной безопасности нуждается в дополнительном философском исследовании с учётом демаркации нормального и ненормального, оценки функциональности и дисфункциональности нормативных конфликтов.

Под практиками религиозной безопасности мы понимаем сложившиеся (как на уровне трендов, так и rare case) способы создания условий, обеспечивающих ста-

бильность и сохранение религиозной системы в рамках определённой парадигмы в понимании нормы. С позиции антиредукционизма предлагается отказаться от сведения маргинальности и релятивности норм к негативному и деструктивному, к угрозе безопасности, а практик религиозной безопасности – к нейтрализации таких угроз.

Материалом для анализа выступили отдельные кейсы, описывающие нормативные конфликты в современной России, что соответствует методологии качественного философско-конфликтологического исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В основании нарушения религиозной безопасности находятся нормативные конфликты, которые являются результатом противоречий между различными частями единой нормативной системы, либо между различными нормативно-ценностными системами одной доминирующей культуры. В целях снятия противоречий и минимизации конфликтогенных факторов применяются практики религиозной безопасности различного характера. В настоящее время в соответствии с существующими парадигмами трактовки понятия «норма» выстраиваются противоположные практики религиозной безопасности.

Классическая парадигма в понимании нормы и авторитарные практики религиозной безопасности. Классические представления о норме образуются путём отвлечения от конкретного, живого человека, основываются на исследовании «человека вообще», содержании общественного, либо группового сознания, путём абстрагирования от спектра индивидуализаций. Идея общего блага и нонконфликтогенного социального порядка также является результатом такого абстрагирования. Как отмечает отечественный философ С. П. Гурин, «в классических учениях о человеке норма определялась различными способами: как биологически оптимальное (здоровье), как психологически приемлемое, как рациональное (разум), как нравственно достойное (добро) или как эстетически привлекательное (красота) <...> норма всегда определялась через должное» [5]. В связи с этим, религиозное сознание как на концептуальном, так и обыденном уровнях, с его чётко выстроенной, жёстко определённой нормативно-ценностной системой (иудейский традиционный закон – Тора, законы шариата и нормы исламского права, десять заповедей Христа) вписывается в классическую парадигму понимания нормы. Любое отклонение человека от религиозной нормы, либо вовсе её несоблюдение в силу принадлежности к иной нормативно-ценностной системе даёт основание сообществу верующих определять поведение человека в качестве неугодного, враждебного, неверного, а его самого отстранить, отлучить от религиозного сообщества.

Для классической парадигмы (Аристотель, Сенека, Августин, Фома Аквинский, И. Кант, Г. Гегель) характерно противопоставление нравственной нормы и естественного стремления человека к удовольствию, оппозиция низменного и возвышенного, добродетели и порока, долга и склонности, культурного и природного в человеке. Норма в рамках данной парадигмы понимается как умеренность, золотая середина, а безопасное поведение – как самопринуждение, преодоление человеком собственной злой природы, подавление страстей. Человек здесь – «сам себе сторожевой пёс» [13], а быть нормальным – значит постоянно бороться с самим собой. В религиозном сознании это представлено борьбой духа и тела, целым комплексом механизмов победы духа над плотью, включающих практики поста, многочасовых молитв, аскетизма, ритуалы самобичевания, позволяющие подавлять естественные потребности организма и направлять человека к соблюдению принятых в той или иной религии норм.

Кроме того, классическая парадигма реализуется на уровне социальной практики, когда нормальное рассматривается обществом как безопасное, нормативные конфликты оцениваются как деструкции, а сама социальная система устроена так, что стремится исключить любое отклонение от нормы, чтобы поддерживать и сохранять порядок и целостность. Так, по мысли М. Фуко, «…нормализующая власть становится одной из основных функций нашего общества. Судьи нормальности окружают нас со всех сторон. Мы живём в обществе учителя-судьи, врача-судьи, воспитателя-судьи и «социального работника»-судьи; именно на них основывается повсеместное господство нормативного; каждый индивид, где бы он ни находился, подчиняет ему своё тело, жесты, поведение, поступки, способности и успехи» [14, с. 401]. Главным судьёй поведения верующих является Бог (боги и духи), однако в

действительности религиозная элита берёт на себя функции судьи, зачастую забывая о заповедях и предписаниях священных книг, внося в них собственное толкование, либо преследуя корыстные цели.

Таким образом, данной парадигме соответствуют авторитарные практики религиозной безопасности, которые включают в себя:

1) стигматизацию (нарушение идентификации религиозных групп, сообществ, индивидов, выражающееся в публичном «навешивании» на них ярлыков, наделяемых в общественном дискурсе негативными коннотациями). Так, например, губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев назвал противников строительства храма в сквере Екатеринбурга «общественными террористами», а фраза Владимира Соловьева «Екатеринбург – город бесов» стала мемом.

Как отмечает российский политолог Федор Крашенинников, «согласно данным МВД, в 2019 году богослужения во время таких важных православных праздников как Крещение и Рождество посетили от 2,4 до 2,6 млн россиян, что составляет менее двух процентов населения страны. Между тем власти ведут себя так, будто активно практикующие православные составляют большинство, а потому позицию инаковерующих и равнодушных к религии граждан России можно игнорировать вовсе или объявлять антипатриотичной и чуть ли не преступной»[1].

Ещё одним примером категоризации людей и определения набора качеств, которые считаются нормальными и естественными для каждой из категорий, является тезис протоиерея Димитрия Смирнова о том, что «женский ум слабее мужского», защищаемый священнослужителем в споре с феминистской Татьяной Никоновой.

Такие примеры объясняются тем, что стигматизация изначально заложена в нормативно-ценностных системах религий, рекомендующих и поощряющих отрекаться от неверных, предавать их неугодные отступнические дела всеобщей огласке и навешивать на них ярлыки «отступника», «приспешника дьявола», «антихриста». Так, например, в первом соборном послании святого апостола Иоанна Богослова в главе 3 стихе 8 написано: «Кто делает грех, тот от диявола, потому что сначала диявол согрешил...» [1, с. 181–182], далее, в главе 4 стихе 3, читаем: «А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста…» [Там же, с. 182]. К сожалению, часто возникают ситуации, при которых религиозные группы либо отдельные верующие без каких-либо действий/стимулов подпадают под стигматизацию. Особенно это касается новых религиозных движений и родовых шаманских культов, которых православная элита, а вслед за ней и сообщество православных верующих именуют язычниками и идолопоклонниками.

Практики стигматизации негативно сказываются на психическом здоровье людей. Так, зарубежные исследователи Г. Мильштейн, А. Маньерр и А. М. Яли исследуют особенности психических расстройств верующих, оказавшихся отвергнутыми теми или иными сообществами и стигматизированными с их стороны. В своих работах учёные советуют психологам и психиатрам учитывать религиозные особенности в процессе оказания медицинской помощи верующим [21]. Вместе с тем исследователи обращаются к священнослужителям и представителям религиозного сообщества не брать на себя функции судей и докторов;

2) практику юридической защиты чувств верующих. Законодательство, регулирующее деятельность религиозных организаций в обществе, является неотъемлемым компонентом нормативно-правовой системы многих светских государств. Регламентация взаимодействий светского и религиозного сегментов общества, а также внекультовой деятельности религиозных организаций отличается особой значимостью, прежде всего, для поликонфессиональных обществ, так как призвана сохранять стабильность пространства сосуществования множества конфессий с их специфическими системами норм и ценностей. На самом деле во многих странах принимаются и функционируют законы, противоречащие закреплённым в конституциях фундаментальным принципам свободы совести и свободы вероисповедания. Как, в частности, антиисламский закон в Словакии, закон о предоставлении гражданства иммигрантам немусульманам в Индии, законодательство Франции, согласно которому государство владеет всеми католическими постройками до 1905 г. и полностью финансирует их содержание, в

[1] Комментарий: россиян раздражает принудительная клерикализация. – URL: https://p.dw.com/p/3Ggzu (дата обращения: 02.01.2020). – Текст: электронный.

то время как здания других религий не подлежат государственной охране, законодательство ряда европейских стран и России, предусматривающее наказание за оскорбление чувств верующих, что дискриминирует атеистов.

В России санкции, предусмотренные ст. 148 УК РФ, применяются по отношению к авторам интернет-мемов на религиозную тематику, а также к тем, кто делает репосты и ставит «лайки» таким материалам, как, например, в деле жителей Барнаула Марии Мотузной, Даниила Маркина. При этом экспертиза данных материалов носит преимущественно ангажированный характер, а однозначной правовой оценки подобных мемов не существует. Отечественный конфликтолог Л. Н. Цой подчёркивает и субъективность оскорбления, зависимость данного чувства от интерпретации, связывает чувство оскорблённого достоинства с «ловушкой отождествления своих представлений и языка» [15, с. 212].

Стоит отметить, что от подобного рода законодательства страдают не только представители атеистического мировоззрения, но и адепты новых религиозных движений и культов, в том числе синкретического характера. Так, по решению Верховного Суда РФ в 2016 г. была запрещена деятельность «Свидетелей Иеговы», ликвидированы религиозная организация «Союз сотворцев святой Руси» и Саентологическая церковь Москвы, признанные в качестве деструктивных религиозных организаций. Ситуация осложняется тем, что в России отсутствует юридическое определение понятия «деструктивная религиозная организация (секта)», что позволяет представителям РПЦ считать и публично объявлять приверженцев иного, неправославного вероисповедания сектантами. Под определение «сектант» РПЦ подводит не только представителей протестантских церквей и новых религиозных движений, но и участников так называемых коммерческих культов – финансовых пирамид и сетевого маркетинга, по существу своему не имеющих никакого отношения к определённому вероисповеданию. Полный список коммерческих культов приведён на православном портале «К истине», он составляет более 200 наименований организации[1]. Тем самым формируется общественное мнение россиян, относящих себя к православию, но возможно, даже не исповедующих православие. Общество, вслед за представителями РПЦ начинает считать верующих иных религий сектантами. Это происходит потому, что многие россияне доверяют мнению РПЦ, считая православие исконно русским, традиционным вероисповеданием;

3) практику запретов, цензурирования, коррекции поведения в соответствии с нормативным проектом и борьбы за сохранение традиционных ценностей. Традиционная для России религиозная нормативно-ценностная система представлена православным вероучением, отличающимся консервативностью. Несмотря на то, что летом 2019 г. Святейший Патриарх Кирилл обратился к участникам богослужения со словами: «Мы должны научиться интерпретировать нашу традицию таким образом, чтобы она становилась понятной для современного человека»[2], – православная церковь продолжает занимать непримиримую позицию по отношению к некоторым реалиям современного общества.

Так, например, Русская православная церковь выступает против операций по коррекции пола. По словам митрополита Волоколамского Иллариона, занимающего пост главы отдела внешних церковных связей Московского патриархата, поддержка родителями своих трансгендерных детей должна рассматриваться как уголовное преступление. Согласно предложениям РПЦ, необходимо запретить усыновление детей представителями ЛГБТ-сообщества. В РПЦ заявили и о необходимости воцерковлять гомосексуалов для «исправления ориентации».

Подобные авторитарные практики религиозной безопасности реализуются и в конфликтах религии и искусства. В частности, опера Р. Вагнера «Тайнгейзер» в постановке новосибирского театра была раскритикована представителями РПЦ, которые призывали православных жителей Новосибирска выйти на митинг (молитвенное стояние), затем последовали увольнение руководителя театра и требования Министерства культуры внести сюжетные изменения. Депутат Государственной Думы Наталья Поклонская, заботясь о защите чувств православных верующих, направляла депутатский запрос генпрокурору России Юрию Чайке с просьбой проверить фильм

[1] Коммерческие культы и организации в России, чьи продажи построены на сетевом маркетинге. – URL: http://www.k-istine.ru/mlm/mlm_list-rf.htm (дата обращения: 02.01.2020). – Текст: электронный.

[2] Официальный сайт Московского патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5466805.html (дата обращения: 20.01.2020). – Текст: электронный.

«Матильда» Алексея Учителя на предмет оскорбления религиозных чувств верующих. Одним из основных требований Поклонской был запрет на показ кинофильма. В Екатеринбурге работу Покраса Лампаса (супрематический крест) залили гудроном, после, против восстановления работы выступили «православные активисты».

В целом авторитарные практики религиозной безопасности характеризуются приоритетом национальной безопасности над безопасностью личности, представлением о том, что некий авторитет, стоящий над личностью, является источником норм и гарантом их соблюдения. Такого рода механизмы обеспечения религиозной безопасности опираются на традиционные, консервативные системы норм и ценностей. Их сущность сама конфликтогенна, так как основывается на противопоставлении «свой – хороший, а чужой – плохой».

Неклассическая парадигма в понимании нормы и гуманистические практики религиозной безопасности. Неклассическая парадигма опирается на индивидуалистскую мораль, релятивизм норм (в противоположность моральному абсолютизму), условность границ между нормальным и ненормальным (З. Фрейд), субъективизм морального истолкования феноменов и понимание умеренности как посредственности (Ф. Ницше). Неклассическая антропология выступает против универсализации норм и ценностей. Таким образом, нормы, согласно Ф. Ницше, «обращаются ко “всем” …обобщают там, где нельзя обобщать; все они изрекают безусловное и считают себя безусловными» [8, с. 200]. В свою очередь постмодернистская антропология отрицает бинарную оппозицию нормы и отклонения, признавая ценность инаковости, плюральности. Актуальность этого очевидна в современном полирелигиозном обществе. Различные религии, прежде всего, возрождающиеся автохтонные верования некоторых народностей и новые религиозные учения, снимают с человека необходимость следования установленному свыше единому моральному закону, обеспечивают полную свободу индивиду в выборе поступков, указывают на отсутствие предопределённости человеческого и общественного бытия, на индивидуалистское толкование морального и аморального. Это освобождает религиозное сознание от доктринальных установок, выводит его на новый уровень независимости личности от трансцендентного. «Личная религиозность» позволяет индивидам быть, прежде всего, одухотворёнными, но не слишком религиозными, полностью свободными в выборе жизненного пути.

Для неклассической парадигмы в понимании нормы характерна также критика циничного подхода к оценке природы человека, в рамках которого нравственность, культура, добродетель рассматривается как «тонкий налёт лоска поверх кипящих в человеке отвратительных склонностей» [2, с. 53]. Нравственные нормы встроены в человеческую природу. Ненормальное не отождествляется более с природным, нечеловеческим, животным. Неклассическая антропология ориентирует человека не на вытеснение человеческого зла (что поощряется авторитарным подходом), а на плодотворное использование присущих ему первичных потенциальностей [13].

В рамках данной парадигмы безопасность связывается с гарантией свободы выбора личностью собственного жизненного пути, с возможностью противостоять тирании общественного мнения и правовому принуждению. Такая парадигма соотносится с основными идеями философии либерализма. Как отмечает Дж. Милль, «власть общества над индивидуумом не должна простираться далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим над самим собою – над своим телом и духом он неограниченный господин» [7]. В данном контексте возможна интерпретация глубинных оснований традиционных религий, которые содержат указания на свободу выбора человеком жить и поступать по воли Божьей либо оставаться во грехе. Многие религиозные деятели указывают на это. Однако такая интерпретация ценности индивида и его свободного выбора не совсем верна. Следует отметить, что в традиционных религиях ценность личности, её становление и развитие – это не самореализация, а отказ от «себя» в пользу служения Богу и другим людям. Понимание свободы выбора в христианстве многогранно и принципиально отличается от светского понимания свободы и власти индивида над собственной жизнью. Священник Григорий Григорьев пишет: «Человеческая свобода выбора, в отличие от абсолютной и безусловной Божественной свободы, ограничена, несовер-

шенна, “обусловлена” как Божественным замыслом о человеке, предполагающим его историческое развитие – путь к Богу, так и греховными страстями человека» [3, с. 22]. Таким образом, традиционное религиозное сознание понимает поведенческую свободу индивида весьма условно, подчиняя её Божественному закону. Вместе с тем христианский гуманизм призывает к мирному сосуществованию верующих и неверующих. Гуманистические христианские ценности (любовь к ближнему, сострадание, милосердие и др.), ориентированные на сохранение религиозной безопасности, не утратили своего смысла и в современном обществе.

В настоящее время в России наряду с авторитарными практиками религиозной безопасности активно применяются и гуманистические практики, в реализации которых задействованы как представители различных вероисповеданий, приверженцы религиозно-эзотерических учений, так и представители светского сегмента российского общества.

Гуманистическими практиками религиозной безопасности являются:

1) практики терпимости – терпимое отношение к наличию многообразия форм социального поведения. Практики терпимости необходимо рассматривать в индивидуально-психологическом и социально ориентированном аспектах. Грань между этими аспектами тонкая и весьма условная.

Индивидуально-психологическое содержание терпимости к инаковости характеризуется психологическими ощущениями индивидов, возникающими на основе психических процессов, психических состояний личности. Это, прежде всего, психологическая подавленность индивида вследствие ощущения жалости, сопереживания, ощущения причастности к переживаниям другого человека. Эмпатические переживания имеют в своём основании естественные предпосылки – инстинкт заботы о других и инстинкт взаимопомощи выполняют важнейшие функции развития и сохранения общества. Н. Д. Субботина справедливо отмечает: «Общество не могло бы существовать при отсутствии у людей качеств, противоположных агрессии и эгоизму, – альтруизма, эмпатии и инстинктивной заботы о близких. Эти черты так же, как и агрессия, имеют естественную предпосылку» [11, с. 58]. Поэтому минимизация опасности нормативных конфликтов в обществе иногда осуществляется за счёт неосознанного стремления индивидов защитить другого человека, по крайней мере, не причинять ему вреда, что в определённой степени стабилизирует социум.

Индивидуально-психологическим содержанием практик терпимости можно в определённой степени объяснить уход от конфликта, гашение конфликта со стороны представителей разных нормативно-ценностных систем: представителей различных религий либо верующих и неверующих.

Социальный уровень практик терпимости представлен религиозной толерантностью, во многом базирующейся на морально-правовом обеспечении религиозной безопасности. Религиозная толерантность предполагает терпимые взаимоотношения между верующими различных конфессий, терпимое отношение к представителям иных религий в ситуациях отсутствия контактов между верующими различных религиозных традиций, признание их права на религиозную деятельность иного характера. Однако о принятии нормативной системы другой религии речи не ведётся. В отличие от светского понимания толерантности, которая допускает принятие «чужих» ценностей и мировоззренческих ориентиров ввиду относительности любых идеалов и истин, религиозная толерантность, по справедливому замечанию профессора А. Ю. Григоренко, «означает лишь отсутствие высказываний или действий, которые могли бы быть расценены как уничижительные или оскорбительные для представителей другой религиозной традиции и были бы направлены на ущемление прав и свободы вероисповедания и отправления культа (закрытие храмов, запрет на миссионерскую деятельность и т. д.)» [4]. Важным моментом является то, что религиозная толерантность нашла своё закрепление в юридических нормах («Декларация о религиозной свободе», 1965 г.; «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», 1981 г. и др.).

В современной России представители традиционных конфессий признают необходимость применения практик терпимости к инаковерующим. РПЦ играет в этом процессе не последнюю роль. Так, Святейший Патриарх Кирилл обратился к населению России и всего мира с просьбой сделать религиозную толерантность важнейшей ценностью современного бытия, прививать

её с детства. В своём выступлении Патриарх отметил, что «греховная гордыня может облекаться и в личину религиозности, когда человек считает себя верующим настолько, насколько глубоко и фанатично ненавидит тех, кто придерживается иных взглядов. Рост религиозного экстремизма является оборотной стороной радикального секуляризма – они едины в своих подходах к инакомыслию и в попытках изменить окружающую действительность по примитивной схеме “свой – чужой”»[1]. Это подтверждает стремление духовной элиты традиционной для России религии обеспечить мирное сосуществование представителей различных конфессий, установить между ними терпимые взаимоотношения на основе взаимопонимания.

Призывам духовного лидера старается следовать паства. Так, в своём выступлении на казачьем кругу в городе Калач-на-Дону Волгоградской области протоиерей Дмитрий Климов, рассуждая о росте агрессии и ненависти в российском обществе, призывал к терпимости и недопущении конфликтов, раскалывающих общество;

2) практики призыва к мирному разрешению конфликтов. Призыв к прекращению конфликтов между враждующими сторонами, к устранению разногласий между различными мировоззренческими системами является важнейшим элементом миротворческого служения в традиционных религиях. В христианстве на необходимость миротворчества указывает Библия: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими» [1, с. 89]. Сами же факты конфликтов рассматриваются как греховное поведение. Однако в одном из интервью священнослужитель протоиерей Дмитрий Климов оценил нормативные конфликты в России как конструктивные, сигнализирующие о проблемах общества, при этом он раскритиковал распространённые в обществе представления об участниках протестов как о предателях и иностранных агентах.

В подавляющем большинстве случаев конфликтов, возникающих на основе противоречий между светской и религиозной нормативно-ценностными системами, РПЦ предпочитает отмалчиваться. Лишь некоторые представители православной элиты открыто комментируют конфликтные ситуации, призывая к миру. Так, Андрей Кураев, комментируя конфликт между сторонниками и противниками строительства храма в сквере в Екатеринбурге, в социальных сетях призвал муниципальные власти перенести стройку из центра в тот район города, где храм действительно нужен, чтобы улучшить жизнь людей.

Во время протестов в Москве, связанных с выборами в Московскую городскую думу, священнослужители Храма Космы и Дамиана в Шубине пустили протестующих, вытесняемых с улиц полицией и Росгвардией в храм, и призвали их вместе помолиться о мире. По словам иеромонаха Иоанна, церковь принимает с любовью каждого человека, пришедшего в храм, вне зависимости от его политических взглядов. Позже 40 священников Русской православной церкви написали открытое письмо в поддержку фигурантов «московского дела», указывая на несправедливость приговоров.

В целом специфика гуманистических практик религиозной безопасности заключается в их ненасильственном характере, признании благополучия личности единственным критерием нормативной оценки.

Заключение. В XXI в. мир остаётся религиозным, более того, возрастает количество новых религиозных движений, появляются религиозно-эзотерические учения, нацеленные на личностную, индивидуалистскую одухотворённость. Это неизбежно влечёт формирование новых нормативно-ценностных систем специфического характера, обостряя проблему противостояния и соперничества их приверженцев. В подобных условиях религиозный сегмент социума всё чаще оказывается втянутым в череду нормативных конфликтов. Такого рода конфликты отличаются цикличностью (затихают и вспыхивают вновь), им свойственен затяжной характер, они трудно поддаются урегулированию. Для минимизации нормативных конфликтов в современной российской практике применяются авторитарные и гуманистические методы обеспечения религиозной безопасности.

Практики авторитарного характера возникают в условиях господства классической парадигмы понимания «нормы». Они характерны для авторитарного звена управления (органов государственной власти, религиозных клерков) и носителей традиционного религиозного сознания. Ре-

[1] Патриарх Кирилл. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с участниками конференции «Свобода вероисповедания: проблема дискриминации и преследования христиан». – URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/1794559.html (дата обращения: 02.01.2020). – Текст: электронный.

ализация данного вида практик религиозной безопасности неоднозначна и зачастую приводит к обострению конфликтов.

Гуманистические практики религиозной безопасности возникают в русле неклассического толкования нормы. Преимущественно они реализуются носителями религиозного сознания «нового типа» с достаточно «подвижными границами» толкования нормативности той или иной системы. Гуманистическая сущность практик религиозной безопасности заключается в провозглашении свободомыслия, в уважении индивидуальности при выборе норм и правил.

В целом авторитарные и гуманистические практики описывают радикализм и умеренность в процессе обеспечения религиозной безопасности.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 2005. 1217 с.
2. Вааль де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов: пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 376 с.
3. Григорьев Г. Свобода: дар Божий и путь жизненного выбора человека // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2. С. 18–28.
4. Григоренко А. Ю. Религия и толерантность. Специфика религиозной толерантности. Текст: электронный // РОНО: электрон. журн. 2014. № 23. URL: https://www.sites.google.com/a/shko.la/ejrono_1/vypuski-zurnala/vypusk-23-maj-2014/tema-nomera-no23-osnovy-religioznyh-kultur-i-svetskoj-etiki-kak-novyj-resurs-duhovno-nravstvennogo-razvitia-i-vospitania-ucasihsa/religia-i-tolerantnost-specifika-religioznoj-tolerantnosti (дата обращения: 02.01.2020).
5. Гурин С. П. Маргинальная антропология. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2000. 202 с. URL: http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya#ss-1-ponyatiya-granicy-i-marginalnosti (дата обращения: 02.01.2010). Текст: электронный.
6. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. С. 66–71.
7. Милль Дж. О свободе. URL: https://www.royallib.com/book/mill_dgon/o_svobode.html (дата обращения: 20.01.2020). Текст: электронный.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Харьков: Фолио, 2009. 446 с.
9. Салихов Н. Р., Мустаев Р. Ш., Мисбахов А. А. Религиозная безопасность // Вестник Научного центра безопасности жизнедеятельности. 2012. № 3. С. 31–35.
10. Самыгин С. И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 6, № 4. С. 167–179. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.4.16.
11. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 58–66.
12. Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 181–187.
13. Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. и послесл. Л. А. Чернышевой. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
15. Цой Л. Н. Организационный конфликт-менеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. М.: Книжный мир, 2007. 352 с.
16. A closer look at changing restrictions on religion. URL: https://www.pewforum.org/essay/a-closer-look-at-changing-restrictions-on-religion/ (дата обращения: 02.01.2020). Текст: электронный.
17. Beller J., Kröger C. Religiosity, religious fundamentalism, and perceived threat as predictors of Muslim support for extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. No. 10. Pp. 345–355. DOI: org/10.1037/rel0000138.
18. Gavrilova Y., Shchetkina I., Liga M., Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions // Mental Health, Religion and Culture. 2018. No. 3. Pp. 231–245.
19. Green T. H. The fear of Islam: an introduction to Islamophobia in the West. Minneapolis: Fortress Press, 2019. 363 p.
20. Heene P. S., Klocek J. Taming the Gods: How Religious Conflict Shapes State Repression // Journal of Conflict Resolution. 2019. Vol. 63, Is. 1. DOI: org/10.1177/0022002717728104.
21. Milstein G., Manierre A., Yali, A. M. Psychological care for persons of diverse religions: A collaborative continuum // Professional Psychology: Research and Practice. 2010. No. 41. Pp. 371–381. DOI: org/10.1037/a0021074.

22. Mkrtumova I., Dosanova A., Karabulatova I., Nifontov V. The use of communication technologies to oppose political-religious terrorism as an ethnosocial deviation in the contemporary information-digital society // Central Asia and the Caucasus. 2016. Vol. 17, Is. 2. Pp. 54–61.

Статья поступила в редакцию 30.01.2020; принята к публикации 28.02.2020

Сведения об авторах

Гаврилова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер. 36; e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-8193-6622.

Горбунова Юлия Александровна, кандидат философских наук, Московский университет им. С. Ю. Витте; 115432, Россия, г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, 12, стр. 1; e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-4333-1945.

Вклад авторов в статью

Ю. В. Гаврилова – основной автор, осуществляла анализ, систематизацию и оформление статьи.

Ю. А. Горбунова проводила сбор данных, анализ и систематизацию материалов исследования.

Библиографическое описание статьи

Гаврилова Ю. В., Горбунова Ю. А. Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-8-19.

References

1. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. M: Russian Bible Society, 2005. (In Rus.)

2. Waal de, F. The origins of morality: in search of the humanism among the primates. M: Alpina non-fiction, 2015. (In Rus.)

3. Grigoriev, I. G. Freedom: a gift from God and the path of a person's life choice. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, vol. 15, Issue. 2, pp. 18–28, 2014. (In Rus.)

4. Grigorenko, A. Yu. Religion and tolerance. The specificity of religious tolerance. Electronic journal «RONO», no. 23, 2014. Web. 02.01.2020. https://www.sites.google.com/a/shko.la/ejrono_1/vypuski-zurnala/vypusk-23-maj-2014/tema-nomera-no23-osnovy-religioznyh-kultur-i-svetskoj-etiki-kak-novyj-resurs-duhovno-nravstvennogo-razvitia-i-vospitania-ucasihsa/religia-i-tolerantnost-specifika-religioznoj-tolerantnosti (In Rus.)

5. Gurin, S. P. Marginal Anthropology. Saratov: Publ. Center of SSESU, 2000. Web. 02.01.2020. http://www.anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya#ss-1-ponyatiya-granicy-i-marginalnosti. (In Rus.)

6. Zhukov, A. V. Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice, no. 12, pp. 66–71, 2017. (In Rus.)

7. Mill, Dzh. About freedom. Web. 02.01.2020. https://www.royallib.com/book/mill_dgon/o_svobode.html. (In Rus.)

8. Nietzsche, F. On the other side of good and evil. Kharkov: Folio, 2009. (In Rus.)

9. Salikhov, N. R., Mustaev R.Sh., Misbakhov A. A. Religious security. Bulletin of the NCBGD, no. 3, pp. 31–35, 2012. (In Rus.)

10. Samygin, S. I. The religious security of society in the context of ensuring religious freedom and countering religious extremism. Humanitarian of the South of Russia, vol. 6, no. 4, pp. 167–179, 2017. (In Rus.)

11. Subbotina, N. D. Natural and social components of empathy and altruism. Humanitarian vector, no. 2, pp. 58–66, 2011. (In Rus.)

12. Flier, A.Ya. Culture as a factor of national safety. Modern social Sciences, no. 3, pp. 181–187, 1998. (In Rus.)

13. Fromm, E. Man for himself. Minsk: Collegium, 1992. (In Rus.)

14. Foucault, M. Oversee and punish. Birth of a prison. M: Ad Marginem, 1999. (In Rus.)

15. Tsoi, L. N. Organizational conflict management: 111 questions, 111 answers. M: Knizhnyi mir, 2007. (In Rus.)

16. A closer look at changing restrictions on religion. Web. 02.01.2020. https://www.pewforum.org/essay/a-closer-look-at-changing-restrictions-on-religion/. (In Engl.)

17. Beller, J., Kröger, C. Religiosity, religious fundamentalism, and perceived threat as predictors of Muslim support for extremist violence. Psychology of Religion and Spirituality, no. 10, pp. 345–355, 2018. DOI.org/10.1037/rel00001381. (In Engl.)

18. Gavrilova, Y., Shchetkina, I., Liga, M. Gordeeva, N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions. Mental Health, Religion and Culture, vol. 21, no. 3, pp. 231–245, 2018. (In Engl.)

19. Green, T. H. The fear of Islam: an introduction to Islamophobia in the West. Minneapolis: Fortress Press, 2019. (In Engl.)

20. Heene, P. S., Klocek, J. Taming the Gods: How Religious Conflict Shapes State Repression. Journal of Conflict Resolution, vol. 63, issue 1, 2019. DOI.org/10.1177/0022002717728104 (In Engl.)

21. Milstein, G., Manierre, A., Yali, A. M. Psychological care for persons of diverse religions: A collaborative continuum. Professional Psychology: Research and Practice, no. 41, pp. 371–381, 2010. DOI.org/10.1037/a0021074. (In Engl.)

22. Mkrtumova, I., Dosanova, A., Karabulatova, I., Nifontov, V. The use of communication technologies to oppose political-religious terrorism as an ethno-social deviation in the contemporary information-digital society. Central Asia and the Caucasus, vol. 17, issue 2, pp. 54–61, 2016. (In Engl.)

Received: January 30, 2020; accepted for publication February 28, 2020

Information about authors

*Gavrilova Yulia V., C*andidate of Philosophy, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics; 36, Stremyanny per., Moscow, 117997, Russia; e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-8193-6622.

Gorbunova Yulia A., Candidate of Philosophy, Moscow Witte University; 12, 2nd Kozhukhovsky proezd, Moscow, 115432, Russia; e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-4333-1945.

Contribution of authors to the article

Yu. V. Gavrilova – the chief author, the organizer of the study, who formulates the concept of the article, analyzes and interprets fact, formulates conclusions.

Yu. A. Gorbunova conducted fact collection, analysis and systematization of research materials.

Reference to the article

Gavrilova Yu. V., Gorbunova Yu. A. Religious Safety Practices in Normative Conflicts in Modern Russia // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-8-19.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 614.253
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-20-25

Дмитрий Анатольевич Изуткин,
Приволжский исследовательский медицинский университет
(г. Нижний Новгород, Россия),
e-mail: dan55@mail.ru

Философско-этические аспекты взаимоотношений врача и больного

Взаимоотношения врача и больного представляют своеобразную коммуникативную сферу. Это своеобразие обусловлено специфичностью их коммуникативного пространства («замкнутая» среда, в которой больной должен следовать правилам и нормам, установленным в данном лечебном учреждении); изолированностью среды для больного (ощущение больным своей биосоциальной депривированности); определёнными субъектно-объектными отношениями (больной как объект действий врача как субъекта); изменениями в ощущениях больным своего тела (тело как объект биомедицинских технологий), телесности (ощущение зависимости и беспомощности) и образа тела (тело как биологический материал). В статье отражены три аспекта взаимоотношения врача и больного, требующие философского и этического осмысления: восприятие врачом больного как Другого; восприятие врачом больного как Чужого; трансформация самости больного в условиях его болезни. Образы больного, конструируемые в сознании врача (больной как Другой и больной как Чужой), имеют условный характер. Тем не менее, они позволяют врачу выстраивать определённую модель в его общении с больным. В данном случае делается акцент на понимании врачом инакости и самости больного. В состоянии болезни самость больного определённым образом трансформируется. В частности, различаются отождествление самости с болезненным состоянием на уровне редуцированной биологической природы с одной стороны и попытка больного противопоставить самость и болезнь в рамках собственной биосоциальности – с другой. Отмечается, что конструирование образов Другого или Чужого в сознании врача не должно отменять первостепенную значимость принципов медицинской этики. Осознание и принятие врачом самости больного является более важным компонентом в процессе их общения. В этом плане с этической точки зрения на первый план должен выступать образ больного как неповторимой и уникальной личности.

Ключевые слова: философия, этика, врач, больной, болезнь, Другой, Чужой, самость

Dmitriy A. Izutkin,
Volga-region Research Medical University
(Nizhniy Novgorod, Russia),
e-mail: dan55@mail.ru

Philosophical and Ethical Aspects of the Relationship Between a Physician and a Sick Person

The relationship between a physician and a sick person is considered as original communicative field. This originality is mediated by the specificity of communicative space (“limited” environment in which the sick person is obligated to follow rules and norms, established in the medical unit); isolated environment for the patient (a feeling of biosocial deprivation); definite subjective-objective relations (the patient as an object for the actions of the physician as a subject); changes in feelings of the patient’s own body (body as an object of biotechnologies), corporealness (a feeling of dependence and helplessness) and image of the body (body as a biological material). Three aspects of the relationship between the physician and the sick person are reflected in the article, which require philosophical and ethical reflections: perception of the sick person by the physician as Another; perception of the sick person by physician as Strange; transformation of the selfness of the sick person in conditions of his sickness. Images of the sick person constructed in consciousness of the physician have conditional character. Nevertheless, it allows the physician to build out a definite model in his communication with the patient. In this case, the basic focus should be made on the otherness and selfness of the sick person. In the condition of the sickness, selfness of the sick person is definitely transformed. In particular, two situations are differentiated: identification of selfness with sick condition at the level of the reduced biological nature, on the one hand, and on the other hand, effort of the sick person to oppose his selfness to sickness in the frame of his own biosocial essence. We notice that constructing of the images of Another or Strange in the consciousness of the physician should not abolish prior significance of the principles of the medical ethics. Realization and adoption of the physician of the selfness of the sick person is considered as the most important component in the process of their communication. In this respect, from ethical point of view, the image of the sick person as an individual and unique personality should be appreciated in the first order.

Keywords: philosophy, ethics, physician, sick, sickness, Another, Strange, selfness

© Изуткин Д. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Введение. Взаимоотношения врача и больного представляют весьма своеобразное, специфическое поле человеческих коммуникаций. Это своеобразие обусловливается следующими моментами: *1) коммуникативное пространство.* Общение врача и больного проходит в «замкнутой» среде, ограниченной правилами и нормами поведения, установленными данным медицинским учреждением. Больной принимает их априори, как объективную реальность, независимо от субъективных суждений и предпочтений; *2) изолированность среды.* В медицинском учреждении больной отчуждён от социально-культурной сферы жизнедеятельности, перестаёт осознавать себя как существо биосоциальное, рассматривается (в первую очередь) как объект биологический, тем самым, теряет в определённой степени свою социально-психологическую независимость и защищённость; *3) субъект-объектные отношения.* В рамках общения врача и больного определённым образом конструируются субъект-объектные отношения. В зависимости от конкретной модели взаимоотношения больной (как и врач) может выполнять роль как объекта, так и субъекта. В соответствии с этим существенно меняются цели, интенции и рефлексии обеих сторон по отношению друг к другу; *4) телесность и образ тела.* Спектр современных медико-технологических воздействий на человеческое тело неизмеримо расширился и углубился. Разнообразные фармакологические и технические средства воздействия на человеческий организм приобретают беспредельный характер. В этой связи качественно меняется ощущение больным собственного тела (объект биомедицинских технологий), телесности (ощущение зависимости и беспомощности), а образ тела зачастую смещается в сторону анатомо-биологического субстрата (биологический материал).

Вопросы философско-этического осмысления взаимоотношения врача и больного в разные годы находили своё отражение в отечественной и зарубежной литературе (К. Дернер, 2006; Р. Конечный, М. Боухал, 1974; А. В. Решетников, 2010; М. Фуко, 2010; И. Харди, 1988; Б. Агилера, Т. Бека, 2018; Т. Бечамп, Д. Чилдресс, 2001; Т. Коул и др., 2015; С. Деррингтон и др., 2018; Э. Фрейдсон, 1976; С. Фриц, Р. Холтон 2019; С. Хэнсон, 2018; М. Морган 1986; Т. Парсонс, 1951; М. Серра, 2017; Т. Сас, М. Холландер, 1987; Р. Вич, 1972; Я. Ян, 2018).

Методология и методы исследования. Основу исследования составляют диалектический метод и принцип целостности. *Диалектический* метод позволяет рассматривать человека как существо биосоциальное, что в состоянии болезни приводит к отчуждению его биологической природы от социальной сущности. Однако, даже в этом случае на уровне *самосознания* больной, как правило, не «расчленяет» свою биосоциальность. Можно сказать, что в состоянии болезни биосоциальное в индивиде определённым образом редуцировано, но не разграничено, не разобщено, и одна из позиций врача состоит в том, чтобы принять это единство в больном как объективную данность. Принцип *целостности* отражает психосоматическое единство человеческой природы, которое на уровне тела и телесности больного в условиях различных медицинских вмешательств неизбежно претерпевает определённые количественно-качественные трансформации.

Результаты исследования и их обсуждение. Т. Парсонс следующим образом сформулировал *«идеальные»* роли больного и врача с точки зрения их социальной значимости и приемлемости для обеих сторон [16]. В частности, учёный считал, что пациент должен обращаться за квалифицированной медицинской помощью и следовать врачебным рекомендациям; ожидать возможного скорейшего выздоровления; рассчитывать на социальную поддержку вследствие невозможности выполнять ряд своих функций в семье и обязанности на рабочем месте; должен рассматриваться как существо в состоянии необходимости медицинской помощи, не способное принять самостоятельное решение и выразить своё волеизъявление.

Вместе с тем врач применяет к больному высокий уровень своих знаний и навыков, а также технических средств в изучении болезни; действует для блага пациента, а не ради собственных интересов; формирует объективный взгляд на болезнь без эмоционального сближения с пациентом; руководствуется правилами профессиональной практики, соблюдая конфиденциальность в общении с больным и уважение к коллегам; стремится к общению с больным с целью получения медицинской информации и проведения физических обследований; сохраняет значительную профессиональную

автономию и занимает позицию авторитета по отношению к больному.

М. Морган постулировал, что в идеальной ситуации роли врача и пациента должны взаимно дополняться и основываться на взаимопонимании [15]. Однако, как указал Э. Фрейдсон [11], в реальности имеет место «столкновение ожиданий» по причине различия в медицинском знании и приоритетных интересах обеих сторон, что может привести к взаимному недоверию, а в итоге – к конфликту. По мнению С. Фриц и Р. Холтон, вероятность конфликтов возрастает в ситуациях, когда главным приоритетом пациента является он сам, в то время как врач стремится учитывать интересы каждого больного [18]. Соответственно источниками конфликтов с точки зрения пациентов могут выступать: деперсонализация (следовательно, дегуманизация) больного по причине использования врачами большого количества медицинских технологий, что существенно ограничивает интерперсональный диалог.

С учётом специфики коммуникативного поля в системе «врач – больной» в данной публикации будут рассмотрены три аспекта указанной проблемы: 1) рефлексии врача в отношении больного с позиции инакости последнего (больной как Другой); 2) больной как Чужой; 3) трансформация самости больного в состоянии болезни.

1. Рефлексии врача в системе его взаимоотношений с больным акцентируют внимание, в частности, на проблеме инакости последнего. Другими словами, не зависимо от диагноза и характера заболевания любой больной в рамках медицинского пространства – иной для врача человек. Эта инакость в сознании врача может быть связана с: а) определённой депривированностью больного в выполнении им биосоциальных функций; б) изменениями психического характера в состоянии болезни; в) доминирующим (или подчинённым) положением врача в его общении с больным; г) наличием (отсутствием) согласия больного следовать медицинским предписаниям; д) конфронтацией между такими понятиями в рамках врачебной профессиональной деятельности, как «долг» и «право», «чувственное» и «рациональное», «теория» и «практика». Отсюда, выстраивая свои отношения с медицинской точки зрения, врач неизбежно формирует определённый образ больного, в котором его индивидуальность, медицинский статус, отношение к собственной болезни и стремление к диалогу с врачом «сливаются» в единый комплекс восприятий и переживаний.

Независимо от оценки врачом медицинской ситуации больной для него – это всегда Другой, и (от имени врача) «…моя этическая позиция, в которой моё моральное Я заменено Другим, может быть определена как забота, а также как ответственность за Другого… моё назначение как врача – разрешить конкретную ситуацию в пользу Другого» [1, с. 84]. Это всегда Другой, депривированная биосоциальная природа которого позволяет рассматривать его как объект медицинских вмешательств; это Другой, чего требует профессия врача; это Другой по причине различных субъект-объектных ролей, конструируемых в системе «врач – больной»; это Другой, т. к. он неизбежно осознаёт свою зависимость от врача и попадает в поле медицинских вмешательств; это Другой, ибо его морально-психологические установки по отношению к собственной болезни определённым образом трансформируются, о чём будет сказано далее.

2. Проблема Чужого в медицинской практике имеет более вариабельный и дисперсный характер. Если восприятие врачом больного как Другого имеет вполне объяснимые причины, т. к. в их основе лежат в основном *объективные* основания, то конструирование образа Чужого более находится в поле *субъективных* рефлексий врача. Здесь ещё раз важно подчеркнуть, что образ больного как Чужого рождается в сознании конкретного врача в отношении конкретного больного. Это, скорее, *метафизический образ* больного как результат медицинского мышления врача, который не поддаётся формальным дефинициям. Тем не менее, можно выделить предпосылки восприятия врачом больного именно как Чужого через призму их общения: различные взгляды на причину болезни; несогласие больного с рекомендациями врача; противостояние традиционной и научно-доказательной медицины; столкновение ценностей общекультурного порядка; различия религиозного, национального, этнического характера и др. Иными словами, в этой ситуации (от имени врача) «Чужой бросает мне вызов, предъявляет мне требования, сомневается во мне, так что я как субъект перестаю чувствовать себя хозяином в собственном доме, порой даже не удаётся достичь взаимопонимания» [1, с. 69]. Отмечено, что «это

указывает на практически антропологический конфликт между мною и Чужим» [1, с. 63].

В сознании врача Чужой в морально-психологическом плане – это дистанцированный от него объект, т. к. в целом не соответствует представлениям и притязаниям врача на профессиональное право *доминировать* в общении с больным.

3. Ранее указывалось, что рефлексии врача в отношении больного в определённой степени зависят от самоидентификации последнего в состоянии болезни, в частности, осознание своей болезни с точки зрения *самости*. Несомненно, что в условиях болезни самость больного трансформируется. В данном контексте самость понимается либо как отождествление своего Я и болезни (Я = болезнь), либо как попытка противопоставить Я и болезнь (Я и болезнь не тождественны).

В первом случае в сознании больного Я и болезнь «сливаются» и формируют единое болезненное «поле» ощущений и переживаний, начиная от осознания собственной биосоциальной депривированности и кончая чувствами обречённости и безнадёжности. В целом данное восприятие больным собственной болезни можно охарактеризовать либо как *смирение* (если использовать религиозную терминологию), либо как внутреннее *согласие* (в данном контексте метафизическое восприятие болезни как некую неизбежность и наказание) перед лицом собственной болезни. В данной модели поведения доминирует, прежде всего, *медико-биологический* компонент, т. е. проекция своих интенций и ожиданий исключительно в область медицинских рекомендаций и возможностей излечиться от болезни. Размышления больного в данном случае выстраиваются следующим образом: Я вверяю свой организм, своё тело, свой микрокосм исключительно в область медицинских воздействий; я осознаю свою болезнь исключительно как объект медицинских вмешательств; я понимаю, что пассивен перед лицом своей болезни, но это меня устраивает, т. к. позволяет избежать психологических и физических усилий в попытке противостоять своей болезни; моя «самость» (несмотря на ее трансформацию) «отдыхает» и всецело «уповает» на возможности современной медицины излечить меня (и одновременно мою трансформированную самость) в состоянии болезни. Подобное осознание самости в состоянии болезни наиболее оптимально вписывается в *патерналистскую* модель общения врача и больного, в которой больной (на уровне самооценки и с точки зрения врача) предстаёт как *объект* медицинского воздействия, а врач выступает доминирующим *субъектом*.

Во втором случае больной осознаёт собственную болезнь как нечто неизбежное (возможно, как закономерное состояние вследствие определённого поведения и образа жизни в целом). Он согласен следовать необходимым медицинским рекомендациям. Однако он более склонен воспринимать болезнь как состояние *естественное* (с биологической точки зрения), отсюда, «освобождать» свою самость от состояния покорности и обречённости. Размышления больного в данном случае могут выглядеть в следующем формате: «Я осознаю свою болезнь как неизбежное свойство человеческой природы периодически отклоняться от состояния нормы; я рассматриваю свою болезнь как форму адаптации к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды; я вижу причины моей болезни в совокупности определённых факторов образа жизни с риском для моего здоровья (что позволяет мне в дальнейшем провести их необходимую коррекцию); я не совмещаю свою болезнь и самость в единый комплекс переживаний и рефлексий, наоборот, я стараюсь их противопоставить, таким образом, помимо медицинских вмешательств в мою природу, сформулировать установки (и реализовать возможные практики), направленные против моего болезненного состояния». Подобное осознание самости в состоянии болезни наиболее оптимально вписывается в *коллегиальную* модель общения врача и больного, когда обе стороны согласны и готовы наладить возможный *диалог* в стремлении к общей цели достичь позитивного результата в лечении болезни. Субъектно-объектные роли врача и больного в данном случае могут взаимно меняться, однако в целом их можно охарактеризовать как взаимоотношения двух *субъектов*.

Таким образом, взаимоотношения врача и больного представляют собой особое коммуникативное поле, в котором *субъект-объектные* роли могут взаимно меняться. Исходя их изложенного, это определяется следующими моментами: 1) восприятием врачом больного с позиций его *инакости*, что формирует в сознании врача образ Другого или Чужого; 2) трансформацией *самости* больного, что влияет на

осознание себя в состоянии болезни либо объектом, либо субъектом в его взаимоотношении с врачом; 3) определённой *моделью*, которая конструируется в процессе общения врача и больного.

Заключение. Именно врач в своём восприятии больного *«делает»* его Другим или Чужим. Тем не менее, образ больного как Другого или Чужого, конструируемый в сознании врача, – это всего лишь своеобразные «ярлыки», которые не должны препятствовать установлению диалога между врачом и больным и соблюдению этических и нравственных позиций обеих сторон. В процессе общения первоначальный образ больного, сформированный в сознании врача, в дальнейшем может трансформироваться в другие образы, особенно если контакт имеет достаточно длительное продолжение. Однако, с позиций медицинской этики, больной – это ни Другой, ни Чужой. Пусть это звучит несколько тавтологично, но больной – это, прежде всего, *человек*, который обращается к врачу в надежде получить необходимую медицинскую помощь, а врач – *человек*, который пытается эту помощь оказать, исходя из своего субъективного опыта и объективных условий его профессиональной деятельности. По мнению К. Дернера, иногда со стороны больного может быть *сверхтребование*, которое врач никогда не сможет выполнить полностью. Отсюда постижение, понимание и *принятие* инакости и самости больного – сложный и весьма противоречивый путь познания его как *личности*, ибо он часто требует от врача отказа от общепринятых в медицине стандартов мышления. В данной ситуации принятие инакости и самости больного – это не только понимание его с точки зрения биосоциальной депривированности, но и восприятие психосоматического своеобразия больного в условиях его болезни. Совершая это, врач параллельно находится и в процессе *самопознания*, что позволяет ему, помимо накопления медицинских знаний, формировать определённый *взгляд* на болезнь и *видение* болезни конкретного больного как неповторимой и уникальной личности.

Список литературы

1. Дернер К. Хороший врач. М.: Алетейя, 2006. 541 с.
2. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. Прага: Авиценум, 1983. 405 с.
3. Решетников А. В. Социология медицины. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 863 с.
4. Фуко М. Рождение клиники. М.: Акад. Проект, 2010. 252 с.
5. Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманитарная академия, 2010. 317 с.
6. Харди И. Врач, сестра, больной. Будапешт: Изд-во Академии наук Венгрии, 1988. 338 с.
7. Aguilera B., Beca J. Partial disclosure of information in the presence of presumable nocebo effects: An ethical analysis // Revista Medica de Chile. 2018. No. 4. Pp. 518–522.
8. Beauchamp T., Childress J. Principles of biomedical ethics. Oxford: Oxford University Press, 2001. 454 p.
9. Cole T., Carlin N., Carson R. The doctor-patient relationship // Medical humanities: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 26.
10. Derrington S., Paquette E., Johnson K. Cross-cultural interventions and shared decision-making // Pediatrics. 2018. No. 142. Pp. 187–192.
11. Freidson E. The changing nature of professional control. Annual Review of Sociology. 1976. No. 10. Pp. 1–20.
12. Fritz S., Holton R. Too much medicine: Not enough trust? // J Med Ethics. 2019. No. 1. Pp. 31–35.
13. Hanson S. The ethics of making patients responsible // Cambridge Quarterly Healthcare Ethics. 2018. No. 1. Pp. 87–92.
14. Medical ethics manual. The World Medical Association. Ferney-Voltaire: Inc., 2005. 134 p.
15. Morgan M. The doctor – patient relationship. In: Sociology as Applied to Medicine / eds. D. Patrick and G. Scrambler. London: Bailliere Tindail, 1986. Pp. 55–58.
16. Parsons T. Social structure and dynamic process: the case of modern medical practice // The Social System. New York: The free Press, 1951. Pp. 428–439.
17. Serra M. Conflict of interest: Nuance between principles and the aim // Archives Argentines Pediatria. 2017. No. 5. Pp. 501–504.
18. Szasz T., Hollander M. A contribution to the philosophy of medicine: the basic models of the doctor – patient relationship // Encounters Between Patients and Doctors / eds. J. Sioceckle. New York: The MIT Press, 1987. Pp. 165–177.
19. Veatch R. Models for ethics: Practice in a revolutionary age // Hastings Center Report. 1972. Vol. 2, No. 3. June. Pp. 5–7.
20. Yan Y. The ethics and politics of patient-physician mistrust // Developing World Bioethics. 2018. No. 1. Pp. 7–15.

Статья поступила в редакцию 13.01.2020; принята к публикации 15.02.2020

Сведения об авторе

Изуткин Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Приволжский исследовательский медицинский университет; 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: dan55@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4423-3028

Библиографическое описание статьи

Изуткин Д. А. Философско-этические аспекты взаимоотношений врача и больного // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 20–25. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-20-25.

References

1. Derner, K. A good physician. M: Alteja, 2006. (In Rus.)
2. Konechnyi, R., Bouhal, M. Psychology of medicine. Praga, Aviczennum, 1974. (In Rus.)
3. Reshetnikov, A. V. Sociology of medicine. M: GE'OTAR–Media, 2019. (In Rus.)
4. Fuko, M. Appearance of clinic. M: Akademicheskiy proekt, 2010. (In Rus.)
5. Fuko, M. Psychic sickness and personality. S-P: Gumanitarnaya akademiya, 2010. (In Rus.)
6. Hardi, I. A Physician, a nurse, a sickperson. Budapesht, Izd-vo nauk Vengrii, 1988. (In Rus.)
7. Aguilera B., Beca J. Partial disclosure of information in the presence of presumable nocebo effects: An ethical analysis. Revista Medica de Chile, 4, pp. 518–522, 2018. (In Engl.)
8. Beauchamp, T., Childress, J. Principles of biomedical ethics. Oxford University Press, 2001. (In Engl.)
9. Cole, T., Carlin, N., Carson, R. The doctor-patient relationship. Medical humanities: An introduction. Cambridge University Press, 2015. (In Engl.)
10. Derrington, S., Paquette, E., Johnson, K. Cross-cultural interventions and shared decision-making. Pediatrics, vol. 142, pp. 187–192, 2018. (In Engl.)
11. Freidson, E. The changing nature of professional control. Annual Review of Sociology, no. 10, pp. 1–20, 1976. (In Engl.)
12. Fritz, S., Holton, R. Too much medicine: Not enough trust?. J Med Ethics, vol. 45, pp. 31–35, 2019. (In Engl.)
13. Hanson, S. The ethics of making patients responsible. Cambridge Quarterly Health Care Ethics, no. 1, pp. 87–92, 2018. (In Engl.)
14. Medical ethics manual. The World Medical Association, Inc., 2005. (In Engl.)
15. Morgan, M. The doctor – patient relationship. In: Sociology as Applied to Medicine. Ed. by D. Patrick and G. Scrambler, 1986: 55–58. (In Engl.)
16. Parsons, T. Social structure and dynamic process: the case of modern medical practice. In: The Social System. The free Press, 1951: 428–439. (In Engl.)
17. Serra, M. Conflict of interest: Nuance between principles and the aim. Archives Argen tines Pediatria, no. 5, pp. 501–504, 2017. (In Engl.)
18. Szasz, T., Hollander, M. A contribution to the philosophy of medicine: the basic models of the doctor – patient relationship. In: Encounters Between Patients and Doctors. Ed. J. Sioceckle, The MIT Press, 1987: 165–177. (In Engl.)
19. Veatch, R. Models for ethics: Practice in a revolutionary age. Hastings Center Report, no. 3, pp. 5–7, 1972. (In Engl.)
20. Yan, Y. The ethics and politics of patient-physician mistrust. Developing World Bioethics, no. 18, pp. 7–15, 2018. (In Engl.)

Received: January 13, 2020; accepted for publication February 15, 2020

Information about author

Izutkin Dmitriy A., Doctor of Philosophy, Professor, Volga-region Research Medical University; 10/1, Minin and Pozharskiy sq., Nizhniy Novgorod, 603005, Russia; e-mail: dan55@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4423-3028.

Reference to the article

Izutkin D. A. Philosophical and Ethical Aspects of the Relationship Between a Physician and a Sick Person // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 20–25. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-20-25.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 130.2
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32

Сергей Александрович Пиляк,
Департамент культуры Костромской области
(г. Кострома, Россия),
e-mail: s.pilyak@mail.ru

Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов

На современном этапе развития философии особое значение приобретает проблема методологии интерпретации культурного наследия. На протяжении нескольких столетий ведущим методом интерпретации семиотических систем был и остаётся герменевтический метод, изначально возникший как схема истолкования священных текстов. Интерпретация культурных ценностей и культурного наследия является одним из наиболее распространённых видов их освоения и творческого осмысления. С точки зрения восприятия и толкования языка, который в общем смысле являет собой любую систему символов, основным научным направлением является философская герменевтика. Само понятие «герменевтика» обычно трактуется как искусство и теория истолкования текстов. Следовательно, в широком смысле она возникла вместе с появлением речи и письменности. Герменевтика послужила средством создания методики толкования. Поэтому многие из её положений учитывают специфику интерпретации культурных ценностей. Автором рассмотрены и проанализированы работы крупнейших отечественных философов и культурологов, разрабатывавших проблему восприятия и интерпретации культурного наследия. Среди отечественных философов, внёсших весомый вклад в формирование теории познания и восприятия, отмечены, рассмотрены и проанализированы труды П. А. Флоренского, С. Л. Франка, М. М. Бахтина, А. В. Штоффа, С. Н. Булгакова и Г. Г. Шпета и других. По итогам проведённого анализа сделан вывод о крупном вкладе отечественных философов в развитие герменевтического подхода в изучении культурного наследия. К настоящему времени оформлен инструментарий и терминология науки, уточнены комплексы понятий, относящиеся к предмету, объекту и субъекту, основным категориям и процессам интерпретации.

Ключевые слова: герменевтический подход, интерпретация культурного наследия, отечественные философы, восприятие, познание, феномены культуры

Sergey A. Pilyak,
Department of Culture, Kostroma region
(Kostroma, Russia),
e-mail: s.pilyak@mail.ru

Hermeneutic Approach to the Study of Cultural Phenomena in the Works of Russian Philosophers

At the present stage of development of philosophy, the problem of methodology of cultural heritage interpretation is of particular importance. For several centuries, the leading method of interpreting semiotic systems has been the hermeneutical method, which originally arose as a scheme for interpreting sacred texts. Interpretation of cultural values and cultural heritage is one of the most common types of their development and creative understanding. From the point of view of perception and interpretation of language, which is any system of symbols in the general sense, the main scientific direction is philosophical hermeneutics. The very concept of hermeneutics is usually interpreted as an art and theory of text interpretation. Hence, in a broad sense, it arose with the advent of speech and writing. Hermeneutics served to create a method of interpretation. Therefore, many of its provisions take into account the specifics of the interpretation of cultural values. The author considers and analyzes the works of the largest Russian philosophers and cultural scientists who developed the problem of perception and interpretation of cultural heritage. The works by P. A. Florensky, S. L. Frank, M. M. Bakhtin, A. V. Shtoff, S. N. Bulgakov, G. G. Shpet and others were noted, reviewed and analyzed among the Russian philosophers who made a significant contribution to the formation of the theory of knowledge and perception. Based on the results of the analysis, a conclusion is made about the major contribution of Russian philosophers to the development of the hermeneutical approach to the study of cultural heritage. Today, the tools and terminology of science have been developed, and the complexes of concepts related to the subject, object and subject, the main categories and processes of interpretation have been clarified.

Keywords: hermeneutic approach, interpretation of cultural heritage, domestic philosophers, perception, cognition, cultural phenomena

© Пиляк С. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Введение. Вопросы интерпретации традиционно являются одним из центральных в системе философского познания. В некоторых источниках даже возможно встретить упоминания о том, что проблемы восприятия считаются ключевыми, поскольку играют роль средства решения всего круга философских проблем [6, с. 3]. Как отмечают исследователи, анализируя принципы, формы и способы философского знания, «интерпретация есть неустранимый момент, форма и способ функционирования философских знаний» [7, с. 4]. Восприятие представляет особое, чувственное познание предметов окружающего мира. Восприятие, таким образом, является значительной философской категорией, вместе с тем, существует в качестве одного из этапов познания. При этом особую роль процессы восприятия играют именно в гуманитарном знании. Отражение действительности является одним из множества инструментов познания, а использование иных средств, способных дать кардинально иные результаты, становится всё более распространённой практикой. Наиболее распространёнными среди них являются репрезентация, конвенция, собственно, интерпретация. Понятие интерпретации как истолкования произведения с целью понимания его смысла, в свою очередь, является составной частью восприятия, при этом именно интерпретация формирует восприятие человека, в конечном счёте, играет определённую роль в познании. Именно определяющая роль интерпретации, зависимость от неё некоторых философских категорий делает интерпретацию столь важным объектом исследования. На современном этапе очевидно сложение новой проблематики восприятия и познания.

Необходимость исследования восприятия создала предпосылки для формирования нескольких самостоятельных областей научного знания. Сравнительно широкая область философии познания в качестве своих крупных подразделов содержит теорию познания (гносеологию) и эпистемологию (учение о научном познании). Стоит отметить, что процесс дробления наук в данной сфере далеко не завершён.

Методология и методы исследования. Познание как совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира свойственно всем людям. Познание осуществляется в последовательном получении, обработке, оформлении информации, в том числе в виде понятий, суждений и умозаключений. С учётом этого влияния и человеческой психологии, на протяжении веков регулярно предпринимаются попытки корректировки понимания сущности вещей. Управление интерпретацией, следовательно, её предварительное глубокое изучение, обладает вполне понятным практическим смыслом и ценностью. В этом случае понимание можно заключить в уразумении объективного для конкретного социума смысла. Человек как высокоразвитое существо, как известно, имеет возможности и желания, «…широко пользуясь воображением, далеко отойти от действительности и даже специально “исказить” её» [10, с. 16]. Следовательно, управление познанием представляется актуальным направлением научной деятельности.

Понятие интерпретации как истолкования произведения с целью понимания его смысла, в свою очередь, является составной частью восприятия, при этом именно интерпретация формирует восприятие человека, и, в конечном счёте, играет определённую роль в познании. Именно определяющая роль интерпретации, зависимость от неё некоторых философских категорий делает интерпретацию столь важным объектом исследования. На современном этапе очевидно сложение новой проблематики восприятия и познания.

С точки зрения восприятия и толкования языка, который в общем смысле являет собой любую систему символов, основным научным направлением является философская герменевтика. Само понятие «герменевтика» обычно трактуется как искусство и теория истолкования текстов. Следовательно, в широком смысле, она возникла вместе с появлением речи и письменности. Таким образом, «…философская рефлексия всегда стремится диалектически проникнуть в смысл диалогического отношения, стремится интерпретируя понимать…» [7, с. 4].

Как отмечено в ряде источников, развитие герменевтического подхода берёт начало от экзистенциализма Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера [6, с. 5]. При этом деятельность любого учёного, внёсшего свой вклад в историю религии и историю языкознания, в зависимости от отношения философского сообщества, может быть отнесена к развитию герменевтики. В. Кузнецов даёт следующее определение этого понятия, которое

можно признать эталонным: «Герменевтика – искусство интерпретации, постижения смысла диалогических отношений» [7, с. 4].

Герменевтика послужила средством создания методики толкования. Поэтому многие из её положений учитывают специфику интерпретации культурных ценностей. Соответственно, представление краткого экскурса в историю герменевтики в данной работе является целесообразным. В современной историографии сложилось представление о герменевтике как науке с многовековой историей. Её возникновение связывали с формированием первых мифов и религии. Таким образом, к герменевтике относимы все исторические эпизоды, связанные с формированием теории познания в принципе. Поскольку данная работа не преследует цель пересмотра историографии вопроса, исторический обзор развития герменевтики приведён в соответствии со сложившейся, но имеющей значительный потенциал для пересмотра периодизацией.

Классики герменевтики – Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр, К.-О. Апель, Э. Бетти, Э. Корет, А. Лоренцер, другие философы и социологи на протяжении XX в. создали мощную платформу нового философского направления.

Результаты исследования и их обсуждение. Среди отечественных философов, внёсших весомый вклад в формирование теории познания и восприятия, мы упоминаем в первую очередь П. А. Флоренского, С. Л. Франка, М. М. Бахтина, А. В. Штоффа, С. Н. Булгакова и Г. Г. Шпета. При этом многими исследователями отмечается выдвижение указанными философами на первый план преимущественной религиозной проблематики [11, с. 20]. В обобщении опыта изучения восприятия особое внимание необходимо уделить вычленению различного рода когнитивных практик в авторских трактовках.

На современном этапе развития философии всё большее внимание привлекают, чаще цитируются и изучаются работы выдающегося отечественного философа *Густава Густавовича Шпета* (1879–1937), внёсшего весомый вклад в развитие феноменологии и герменевтики [12]. В основе методологии исследований Г. Шпета – принцип сочетания исторического и логического методов [7, с. 13]. Этот принцип заключается в наложении понятий философской герменевтики на исторический материал.

На основе принципов классической диалектики, феноменологии и герменевтики, выявляя возможности построения гуманитарного знания, исследователь продолжает экзистенциально-антропологическую традицию европейской философии.

В согласии со взглядами Г. Шпета, для корректного понимания природы философии, нужно разделять уровни её абстракции – эмпирическая и теоретическая философия, эмпирический субъект, теоретический (трансцендентальный) уровень.

Наиважнейшим аспектом анализа языковых проблем Г. Шпет делает слово, понимая слово в первую очередь, как дар человека, как орудие коммуникации. В лексике Г. Шпета слово также означает любой отрывок речи или сообщение. Тем самым, от филологического изучения слова философ переходит к собственно философскому.

В понимании философа представлен не теоретизированный субъект, а менее абстрактный и более целостный субъект в единстве его мышления, воли и чувства. Тем самым, субъект обретает свойства эмпирического интерпретирующего субъекта.

Вклад философа по праву можно оценить лишь в настоящее время. Исследователь внедрил авторский подход, разработав методологию на стыке феноменологии, герменевтики и классической диалектики. Это позволило рассмотреть значительное количество общеметодологических проблем. В современном мире процедура интерпретации рассматривается в эпистемологии в качестве базовой. Как известно, «коммуникация между людьми содержит больший объём информации, чем её словесное выражение» [11, с. 361]. При этом обилие скрытых смыслов и значений, наличие фонового знания, в свою очередь, требуют особого истолкования и интерпретации.

Г. Шпет считал, что историческая наука имеет дело с объективно обоснованными ценностями, которые не сводятся к произвольному интересу. Таким образом, любая интерпретация будет содержать субъективное начало, контекст изучаемой и контекст современной исследователю эпохи.

Л. Микешина подчёркивает весомый вклад философа в развитие герменевтики, осознавшего неотъемлемость герменевтики от методологии гуманитарных наук [Там же, с. 353]. Кроме того, Г. Шпета по праву можно считать первым историографом герменевтики. Им подготовлены несколь-

ко обширных материалов, охватывающих значительные периоды развития системы философского знания [13; 14].

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), разрабатывая философские проблемы христианского истолкования мира, заложил основы понимания результата интерпретации, «переживания» в качестве объекта знания. Гносеология Н. Лосского строится на основе положения о том, что познаваемый объект, даже являясь частью внешнего мира, включается сознанием познающего субъекта непосредственно в личность, поэтому существование объекта не ставится в связь с актом познания. Такое учение получило в истории философии название интуитивизма.

Достаточно отметить, что и конфликт славянофилов и западников в заметной части является конфликтом интерпретаций. Н. Лосский детально разработал теорию непосредственного восприятия, дав ей понятие интуитивизма [9, с. 308]. Учёный изучает наследие причисляемого им к интуитивистам русского философа *Семена Людвиговича Франка* (1877–1950), рассматривавшего теорию познания с позиции искренней и убедительной защиты христианской религии [9, с. 340].

Особый вклад в развитие герменевтики внёс профессор *Валерий Георгиевич Кузнецов* (род. в 1941 г.). Исследователь рассматривает процесс понимания текста как сложное многочастное действие, выделяет несколько этапов этого процесса [7, с. 121–123]. Первый этап заключается в выявлении синтаксической формы текста, при этом формируется логико-грамматическое владение текстом, происходит понимание структуры текста. На втором этапе выявляются семантически важные структурные единицы предложений. Автор избавляется от ненужных для понимания и мешающих восприятию смысла частей текста.

Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) выделяет в качестве объекта исследования в гуманитарном познании социального человека, определяя предметом исследования текст. При этом он рассматривает текст в качестве специфической особенности, выделяющей человека как объекта гуманитарного познания. Особый тезис философа состоит в том, что только человек способен наделить знаки значением, а понимание в гуманитарных науках всегда направлено на постижение смысла знаков.

Как отмечает М. Бахтин, «три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности» [3, с. 3]. По мнению учёного, «эстетизованное полунаучное мышление, по недоразумению называвшее себя иногда философским, всегда льнуло к искусству, чувствуя своё кровное, хотя и не вполне законное, родство с ним» [Там же, с. 27]. Философ отмечает, что автономия искусства занимает особое, своеобразное и уникальное место в единстве культуры [Там же, с. 29]. Исследователь выделяет значительные возможности слова и текста в представлении смысла и значения [1, с. 62–63].

Как определяет М. Бахтин, рассматривая игру условным автором-рассказчиком, вводимым в произведение, «совершенно иное значение получает условный автор и рассказчик там, где они вводятся как носители особого словесно-идеологического, языкового кругозора <…> речь таких рассказчиков всегда – чужая речь (в отношении к действительному или возможному прямому авторскому слову) на чужом языке (в отношении к той разновидности литературного языка, который противопоставляется язык рассказчика)». Как уточняет исследователь, за повествованием рассказчика заметен и воспринимается второй рассказ, дающий представление одновременно о сюжете и собственно рассказчике. Читатель воспринимает каждый момент рассказа в двух планах. Несомненно, в этом случае, особо остро воспринимаются авторские акценты [Там же, с. 126–127].

Необходимым условием точности гуманитарных исследований философ называет «преодоление чуждости чужого» [2]. При этом мысленная ликвидация разности времён и контекстов, в том числе «патины» времени, не является, согласно философской концепции, достаточным условием понимания. Осознание интерпретатора своего времени и собственного культурного контекста даёт возможности для более полноценного и глубокого восприятия.

М. Бахтин определил три этапа понимания, с учётом диалогической природы гуманитарных наук. На первом этапе интерпретатор переносит исследуемый текст в собственное современное время. На втором – изучает текст на фоне прошлых контекстов. На третьем этапе интерпретатор рассматривает текст с учётом возможных будущих контекстов. Термин «понимание»

М. Бахтин относит к синтезу понимания на всех этапах.

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) ввёл понятие стиля научной мысли. По утверждению философа, единственно верного стиля научной мысли не существует, а различие стилей научной мысли не может стать препятствием в развитии идей.

П. Флоренский рассматривает проблему достоверности путём исследования условий и критериев. Философ даёт следующее определение достоверности: «Узнание собственной приметы истины, усмотрение в истине некоторого признака, который отличает её от истины» [15, с. 32]. Учёный определяет три подхода к достоверности: 1) эмпириокритицизм (достоверное восприятие объекта органами чувств); 2) трансцендентализм (достоверность как рациональная самоочевидность интеллектуального опыта); 3) подсознательно-мистическую достоверность как самоочевидность, что характеризуется расплывчатой границей между субъектом и объектом.

Исследователи, анализируя философию Павла Флоренского, отмечают, что особый вклад исследователь внёс в развитие понятия «пространствопонимание» [5, с. 12]. К вкладу П. Флоренского относится и то, что универсальность пространствопонимания сделала возможным искусствоведческий анализ художественных произведений, относя их не к стилям и манерам, а к типам пространственной организации. Отмечается, что аналогично во внимание затем были приняты колористические, фактурные, тектонические универсалии, а эстетические ценности, удерживаемые стилем, стали пониматься сквозь призму культурологических представлений [Там же, с. 17]. Как отмечают исследователи наследия П. Флоренского, «проект как замысел и инициатива выброшен вперёд, вдаль, задаёт композиционный скелет, схему проектируемого объекта» [Там же, с. 22].

Людмила Александровна Микешина (род. в 1930 г.) вводит особую расшифровку понятия «когнитивная практика» [11, с. 8–9], определяя его как способ получения и передачи знания в процессе коммуникаций в деятельности целостного познающего человека, для которого практика с необходимостью включает волю, мысль, поступок, этические и эстетические ценности. Термин «когнитивный», по мнению Л. Микешиной, обозначает широкие значения познавательных приёмов, включающих социокультурные, коммуникативные, языковые и ценностные факторы. В понятие «когниция», более широкое по сравнению с познанием, включаются операции репрезентации, категоризации и интерпретации [8, с. 20].

Когнитивная наука была сформирована в 1970-е гг. и выполняла первоначально задачи создания и обработки знания в компьютерных системах методом компьютерного моделирования. И первоначально, и в настоящее время эта наука остаётся междисциплинарной, являясь интегрирующим началом для различных научных областей.

Важным моментом считается разделение и уточнение основополагающих для данной науки понятий знания и информации. Информация составляет любые сведения, доступные для передачи и обработки. Каждый может принять и получить информацию, но понять, интерпретировать, тем более транслировать и репрезентовать её он может лишь в индивидуально доступных пределах. Как утверждает Л. Микешина, «знание – личное достояние знающих, перенимающих его друг и друга как образцы действия в процессах-эстафетах» [11, с. 131]. Соответственно, знание предстаёт как информация по итогам субъективного процесса интерпретации. При этом обязательным для понимания этапом является обращение к накопленному опыту [Там же]. Основным орудием человеческого сознания в процессе познания можно назвать метафору, которой пользуется человек, когда необходимо ввести в сложившуюся систему координат новое понятие, процесс и т. д. Метафора формирует парадигму сознания как комплекс определяющих понятий.

Развитие когнитивных практик постепенно привело к сокращению процедуры получения знания, в том числе замене сплошного наблюдения рациональными приёмами обобщения. Одной из подобных операций является экстраполяция как «процедура переноса знаний с одной предметной области на другую – ненаблюдаемую и неизученную» [Там же, с. 18]. При этом само понятие «экстраполяция» нам известно преимущественно в связи с его применением в точных науках. Например, распространено использование данного метода в статистике. На основании данных о прошедших периодах производится вывод о последующем времени. В сочетании

с интерполяцией, позволяющей находить промежуточные значения, экстраполяция позволяет в геометрической прогрессии увеличивать прогнозное знание.

В человеческом познании экстраполяция приобретает всеобщий и универсальный характер «процедуры, лежащей в основании всей когнитивной деятельности человека наряду и в связи с репрезентацией, категоризацией, интерпретацией и конвенцией» [11, с. 146].

Как отмечает Л. Микешина, гипостазирование, выступающее в качестве «базовой операции образования общих понятий, в науках о культуре и обществе послужило становлению многих понятий в различных сферах» [Там же, с. 19].

Введение, или ликвидация соглашений, является, по мнению Л. Микешиной, одной из универсальных процедур познания, наряду с отражением, репрезентацией и интерпретацией: «Познавательная конвенция предполагает введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договорённости и соглашения субъектов познания» [Там же, с. 36]. На ход познавательной деятельности влияют несколько функций общения: 1) оформление знания в символьной системе; 2) применение принятого научного языка; 3) передача системы мировоззренческих знаний и иных норм; 4) передача способа видения, традиции, неявного знания.

Философ указывает на определённую роль принципов доверия субъекту и целостности познающего человека [Там же, с. 15]. Как утверждает исследователь, «способы представления (репрезентации), категоризации и интерпретации знаний и переработки информации соотносятся с социокультурным опытом человека, а также с его волей, эмоциями и системой ценностей» [Там же, с. 12]. Согласно разработанной Л. Микешиной концепции, в традиционной теории познания необходимо исключение человека из результатов познания, что является условием объективности знания. В этих целях необходимо «вооружить познающего методом, правильным способом описания и объяснения реальности» [Там же, с. 13–14].

Римма Михайловна Габитова (род. в 1933 г.) внесла свой вклад в развитие теории восприятия. В любом случае, интерпретация начинается с догадки, предположения, гипотезы, которые в ходе дальнейшего внедрения либо укрепляются, либо опровергаются. Философ отмечает, что одним из методов выражения субъективного мнения является усложнение текстов и языковых конструкций, а также формирование нового значения общеупотребимых слов [4, с. 64–65]. Этот фактор исследователь называет залогом подвижности языка. Как отмечает Р. Габитова, индивидуальная интерпретация зависит от языковой общности, окружающей человека [4, с. 65].

Заключение. Применение герменевтического подхода в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов долгое время опиралось на закономерности, выявленные в рамках обращения к религиозной проблематике. Выдающиеся российские исследователи Г. Г. Шпет, Н. О. Лосский, П. А. Флоренский, М. М. Бахтин, В. Г. Кузнецов, Л. А. Микешина, Р. М. Габитова и другие предложили авторские версии механизма интерпретации, варианты последовательности этапов восприятия информации, имеющей семиотическую природу, сформулировали условия объективности знания.

Таким образом, можно утверждать, что отечественные исследователи-герменевтики в ходе собственной работы подготовили предпосылки для развития науки о восприятии и интерпретации. К настоящему времени оформлен инструментарий и терминология науки, уточнены комплексы понятий, относящиеся к предмету, объекту и субъекту, основным категориям и процессам интерпретации.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 421 с.
3. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
4. Габитова Р. М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность (критические очерки) / Б. Н. Бессонов [и др.]. М.: Мысль, 1985. С. 61–96.
5. Генисаретский О. И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / П. А. Флоренский; сост. и ред. Игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 9–46.
6. Герменевтика: история и современность (критические очерки) / Б. Н. Бессонов [и др.]. М.: Мысль, 1985. 302 с.

7. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во МГУ, 1991. 192 с.
8. Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
9. Лосский Н. О. История русской философии: пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
10. Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
11. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
12. Терехов В. В. Диалог герменевтики и феноменологии в философском проекте культуры Г. Г. Шпета: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. Орел, 2015. 171 с.
13. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы // Констекст. М.: Наука, 1989. С. 231–266.
14. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. 592 с.
15. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. 490 с.
16. Фогелер Я. Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики // Герменевтика: история и современность (критические очерки) / Б. Н. Бессонов [и др.]. М. Мысль, 1985. С. 11–38.

Статья поступила в редакцию 22.11.2019; принята к публикации 15.01.2020

Сведения об авторе

Пиляк Сергей Александрович, начальник отдела, Департамент культуры Костромской области; 156000, Россия, г. Кострома, ул. Молочная гора, 6а; e-mail: s.pilyak@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-8910-8741.

Библиографическое описание статьи

Пиляк С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

References

1. Bakhtin, M. M. Questions of literature and aesthetics. M: Hudozhestvennaya literatura, 1975. (In Rus.)
2. Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity. M: Iskusstvo, 1979. (In Rus.)
3. Bakhtin M. M. Literary and critical articles. M: Hudozhestvennaya literatura, 1986. (In Rus.)
4. Gabitova, R. M. “Universal” hermeneutics of Friedrich Schleiermacher-collection of Hermeneutics: History and modernity (Critical essays). M. Mysl’, 1985: 61–96. (In Rus.)
5. Genisaretskiy, O. I. Spatiality in iconology and aesthetics of the priest Paul Florensky. In: Stat’i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arheologii. M: «Mysl’», 2000: 9–46. (In Rus.)
6. Hermeneutics: history and modernity (Critical essays). M: Mysl’, 1985. (In Rus.)
7. Kuznetsov, V. G. Hermeneutics and humanitarian cognition. M: Izd-vo MGU, 1991. (In Rus.)
8. Lavdzhoy, A. The great chain of being. History of ideas. M: Dom intellektual’noj knigi, 2001. (In Rus.)
9. Losskiy, N. O. History of Russian philosophy. M: Sovetskiy pisatel, 1991. (In Rus.)
10. Mikeshina, L. A. Philosophy of knowledge. Polemical chapters. M: Progress-Tradiciya, 2002. (In Rus.)
11. Mikeshina, L. A. Dialogue of cognitive practices. From the history of epistemology and philosophy of science. M: ROSSPEN, 2010. (In Rus.)
12. Terekhov, V. V. Dialogue of hermeneutics and phenomenology in G. G. Shpet’s philosophical project of culture. Cand. sci. diss. Orel, 2015. (In Rus.)
13. Shpet, G. G. Hermeneutics and its problems. Konstekst. M: Nauka, 1989: 231–266. (In Rus.)
14. Shpet, G. G. An outline of the development of Russian philosophy. M: ROSSPEN), 2008. (In Rus.)
15. Florenskiy, P. A. The Pillar and the assertion of truth. M: «Pravda», 1990. (In Rus.)
16. Fogeler, Ya. G. History of origin and stages of evolution of philosophical hermeneutics. Hermeneutics: history and modernity (Critical essays). M. Mysl’, 1985: 11–38. (In Rus.)

Received: November 22, 2019; accepted for publication January 15, 2020

Information about author

Pilyak Sergey A., Head, Department of Culture, Kostroma region; 6a, Molochnaya Gora st., Kostroma, 156000, Russia; e-mail: s.pilyak@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-8910-8741.

Reference to the article

Pilyak S. A. Hermeneutic Approach to the Study of Cultural Phenomena in the Works of Russian Philosophers // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 130.2
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-33-42

Леся Владимировна Чеснокова,
Омский государственный университет путей сообщения
(г. Омск, Россия),
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Право на приватность в либеральной философии Нового времени

В статье рассмотрена проблема права на приватность, впервые получившая тематизацию в философии Нового времени, в которой поднимались вопросы прав и свобод человека, частной собственности, природы отношений между индивидом, обществом и государством, не утратившие свою актуальность и в настоящее время. В основу исследования положен комплексный подход, включающий в себя логический, герменевтический и компаративистский методы. Показано, каким образом право человека на приватность обосновывается в либеральных теориях, начиная от Т. Гоббса, полагавшего, что в обмен на защиту индивид должен передать государству свои права и свободы. Однако при этом ему остаётся некая область, куда государство не вмешивается, а именно вера и личные убеждения. Согласно теории Дж. Локка, к числу неотчуждаемых прав человека относится право на жизнь, свободу и собственность, которая в результате труда из общей превращается в частную. Государство нужно для того, чтобы защищать личность и её собственность от незаконных посягательств. В философской концепции И. Канта индивид обладает достоинством, поскольку представляет в своём лице всё человечество. Человек, будучи господином самому себе, обладает способностью принимать решения и нести за них ответственность. По мнению Дж. Милля, человек может самостоятельно выбирать образ жизни, так как лучше окружающих знает, что является для него благом, и не обязан давать отчёт о своих действиях окружающим. В результате проведённого исследования делается вывод, согласно которому либерализм представляет собой философский базис для обоснования права на приватность, включающего в себя право на автономию личности, частную собственность и защиту от государственного вмешательства, в том случае, если действия индивида не причиняют никому вреда.

Ключевые слова: либеральная философия, приватность, публичность, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Милль

Lesya V. Chesnokova,
Omsk State Transport University
(Omsk, Russia),
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Right to Privacy in Liberal Philosophy of the Modern Era

The article discusses the problem of the right to privacy, which was first themed in the philosophy of the modern era which raised the issues of human rights and freedoms, private property, the nature of relations between an individual, society and the state which have not lost their relevance in our time. The study is based on an integrated approach which includes logical, hermeneutic and comparative methods. We show how the right to privacy is substantiated in liberal theories starting from T. Hobbes, who believed that in exchange for protection the individual should transfer his rights and freedoms to the state. However, at the same time he remains a certain area where the state does not intervene, namely faith and personal beliefs. According to the theory of J. Locke, inalienable human rights include the right to life, liberty, and property which, as a result of labor, turns from the general into the private. The state is needed in order to protect the individual and his property from illegal encroachments. In the philosophical concept of I. Kant, the individual has dignity, because it represents all of humanity. A man, a master to himself, has the ability to make decisions independently and bear responsibility for them. According to J. Mill, a person can independently choose a lifestyle, since he knows better than others what is good for him and is not obliged to give an account of his actions to others. The study concludes that liberalism is a philosophical basis for the justification of the right to privacy, which includes the right to autonomy of the individual, private property and protection from state interference, if the actions of the individual do no harm to anyone.

Keywords: liberal philosophy, privacy, publicity, T. Hobbes, J. Locke, J. Mill

Введение. Тема приватности в настоящее время занимает особое место в научных исследованиях: в философии, социологии, политологии, праве – как комплексная междисциплинарная проблема, связанная с вопросами прав человека, развитием индивидуализма и демократическими ценностями. Право на приватность,

© Чеснокова Л. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

уважение к личной жизни каждого гражданина является важным признаком развития современного общества. В нашей стране в результате отказа от общественной системы, где преобладало коллективистское сознание, произошла «смена идеологии и открытие западных ценностей, среди которых важнейшее место занимает индивидуализм, включающий в себя право на свободу от непрошеного вмешательства» [9, с. 196].

Сфера приватного конститутивно связана с публичностью, предполагающей, что каждый гражданин может принять участие в обсуждении вопросов, касающихся общего блага. Приватность, напротив, означает закрытую для публики область дома, семьи, отношений с близкими и друзьями. Однако приватная сфера также играет важную роль в общественных отношениях, поскольку в ней происходит усвоение норм и ценностей, способствующих интеграции индивида в общество. Приватность даёт право на личную автономию, защиту интимности и контроль над собственной жизнью.

Методология и методы исследования. Для анализа феноменов публичности и приватности был использован системный подход, применены логический, герменевтико-интерпретационный и компаративистский методы. С помощью культурно-исторического анализа были выявлены понятийные и идеологические структуры приватности в текстах философов Нового времени. Теоретико-методологическую основу исследования составили разработки Ю. Хабермаса, в которых вводится разделение приватной и публичной жизненных сфер [13].

Результаты исследования и их обсуждение. Современное различие между публичным и приватным – результат сложного социокультурного процесса. Право на приватность не является чем-то само собой разумеющимся, изначально свойственным человеческому обществу. Границы между тем, что считается приватным, а что – публичным, различны в разных временах и культурах. Философское и политическое обоснование идея приватности получила в западноевропейских обществах Нового времени. На её формирование повлияли процессы индустриализации, развитие капиталистических отношений и становление класса буржуазии, а также рост городов, ставших «той структурой общественного бытия, которая выступает социально-онтологическим основанием вышеперечисленных идей» [3, с. 12].

В исследовании Ю. Хабермаса «Структурные изменения публичности» проанализированы процессы зарождения института публичности как базиса буржуазного общества. Исследователь показывает, как в европейских литературных салонах возникает образ гражданина, который будучи рациональным индивидом, претендует не только на возможность принятия самостоятельных решений касательно собственной судьбы, но и на участие в политической жизни общества. По его словам, общественное мнение, возникающее в условиях возможности свободной и рациональной дискуссии, выполняет функцию критики и контроля над государственной властью. «С кодификацией буржуазного права развивается система норм, которая защищает приватную сферу от сословных ограничений. Она гарантирует институции приватной собственности, и как её результат – право заключать договоры, право выбирать род занятий и наследования» [13, с. 144].

Одновременно с публичностью формируется сфера приватного как закрытая от вмешательства государства и общества область, где индивид общается со своей семьей и друзьями. Разделение между приватной и публичной сферой конститутивно для западных либеральных обществ, в которых государство должно «гарантировать неприкосновенность приватности, обеспечивать саму её возможность как интегральной составляющей общего блага и не вмешиваться в неё, не пытаться изменить природу индивидуальности»[1].

Проблематика публичного и приватного пространства получает философскую актуализацию в эпоху Нового времени. Приватность по своему происхождению связана с либерализмом, поднимавшим вопросы прав и свобод человека, частной собственности, природы отношений между индивидом, обществом и государством – темами, которые так или иначе связаны с проблемой приватности. Термин «либерализм» происходит от латинского *liberalis* – «свободный». «Либеральная теория покоится на четырёх столпах: свобода, равенство, демократия и нейтральное государство. Каждому гражданину либерального государства полагаются основные права,

[1] Кравченко И. И. Новая философская энциклопедия. – URL: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8928 (дата обращения: 09.12.2019). – Текст: электронный.

например, свобода действий, вероисповедания, мнений, собраний» [18, с. 2]. Нейтральность государства означает, что все члены общества могут выбрать для себя образ жизни, который предпочитают, если он не наносит вреда другим, и вести его без вмешательства государства.

Право на приватность относится к числу важнейших ценностей либеральной демократии. Либерализм в философии – это теория государственной легитимности. Он утверждает, что «государство в своих действиях должно уважать право граждан на свободу, чтобы его можно было воспринимать как легитимное» [12, с. 13]. За разделением на приватную и публичную сферы кроется основополагающая для либерализма мысль о необходимости защиты индивидуальной свободы от нежелательного вмешательства государства или общества.

По мнению Б. Рёслер, ценность приватности заключается в праве индивида строить свою жизнь, исходя из личных представлений о собственном благе. Следовательно, ядром этой идеи является «индивидуальная свобода, дающая возможность каждому индивиду прожить жизнь, которая ему нравится, которая кажется ему хорошей, удавшейся жизнью» [17, с. 83]. С индивидуальной свободой связывается возможность автономных действий. Быть свободным для личности означает иметь возможность автономно прожить свою жизнь, а также иметь контроль над допуском других к себе, тем самым защиту от нежелательного вмешательства других – будь то физический, материальный доступ или нематериальный доступ к информации о личности или вмешательства в её поведение. В либеральных обществах приватность защищается как ради свободы от вмешательства государства и общества, так и свободы для индивидуальной самореализации.

Согласно теориям либерализма, приватное пространство – это фундаментальная человеческая потребность, право на которую имеют все люди. Это касается не только прав личности и собственности. По словам Дж. Реймана, это «право на существование социальной практики, которая делает возможной для меня мысль о том, что это существование является моим собственным» [16, с. 313]. Права личности и собственности предполагают индивида, обладающего правом над собственным существованием. Общественное уважение к приватности обеспечивает эти права.

Приватность важна для личной свободы и достоинства. Человек, чьё право на приватность нарушается, испытывает унижение человеческого достоинства. Вмешательство в приватное пространство – важнейшее орудие тоталитарного государства. Следовательно, вмешательство в приватность – это оскорбление человеческого достоинства, поскольку оно угрожает свободе личности. «Человек, который вынужден жить каждую минуту своей жизни среди других, каждое желание, мысль или фантазия которого становятся предметом публичного любопытства, депривирован в своей индивидуальности и человеческом достоинстве. Такой индивид сливается с массой. Его мнения никогда не отличаются от общепринятых; его желания, будучи всем известными, всегда шаблонны и одобряемы другими; его чувства, будучи публично демонстрируемы, утрачивают человеческую теплоту и становятся всеобщими» [11, с. 188]. Такое существование перестаёт быть индивидуальным и неповторимым. Поэтому защита приватного пространства защищает достоинство личности.

Начало философской тематизации приватной сферы берёт начало в либеральной философии Нового времени. Либерализм имеет долгую и разнообразную историю. «От Локка путь либеральной традиции ведёт к деонтологическим мыслителям как Кант во времена Просвещения и Дж. Роллс в США XX века, к республиканским мыслителям как Ж.-Ж. Руссо в преддверии Французской революции, к одному из основателей утилитаризма Миллю в XIX в. и т. п.» [12, с. 11].

В некоторых философских исследованиях о государстве речь идёт о том, что индивид, которому требуется защита, должен частично передать свой суверенитет и свои индивидуальные права и свободы государству. Однако при этом он может сохранить некую область, куда государство не имеет доступа. Одним из первых мыслителей, пришедших к такому выводу, является Т. Гоббс. Рассуждения философа об обществе берут начало в опытах религиозной войны, в результате чего он довольно пессимистично смотрит на человеческую природу. Учёный утверждает, что люди в естественном состоянии находятся в отношениях вражды друг с другом. Человек боится другого человека, и есте-

ственное состояние общества – состояние войны всех против всех. «Природа каждому дала право на все: то есть в чисто естественном состоянии, а именно до того, как люди взаимно связали себя какими бы то ни было договорами, каждому было позволено делать что угодно и по отношению к кому угодно, владеть и пользоваться всем, чем он хотел и мог» [2, с. 290]. Жизнь человека в естественном состоянии одинока, бедна и кратковременна. Поэтому каждый, следуя разуму и инстинкту самосохранения, должен пытаться выйти из этого состояния во что бы то ни стало. Для этого нужно заключить общественный договор, который послужит основанием для новой формы человеческого сообщества – государства.

Индивид отдаёт свои права и свободы государству в обмен на возможность безопасно жить приватной жизнью. Гарантией функционирования общества и препятствием для возвращения в «естественное состояние», где царят эгоистические интересы, Гоббс называет государственную власть. Если в изначальном природном состоянии мы имеем право на всё, то учреждение государства требует отказа от прав. В обмен люди получают покровительство, если они подчиняются закону. Будучи более сильным, чем любой человек, обладая средствами принуждения, государство может наказать того, кто не исполняет договор. «При установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющейся необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов» [1, с. 129].

Главная цель государства – обеспечение безопасности, «при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земных и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путём, а именно путём сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которые большинством голосов могли бы свести все воли граждан в единую волю» [Там же, с. 132]. Государственная власть никем и ничем не ограничена. Также собственность, по Гоббсу, устанавливается государством. Ремесло и торговля могут процветать лишь при наличии твёрдой власти, путём отказа граждан от всех прав и полного подчинения государственной власти.

Согласно договору, подданные обязаны абсолютным подчинением суверену, однако, они обладают свободой защищать свою жизнь; это право не может быть отчуждено. Свобода подданных заключается в праве делать то, что не указано в соглашениях с властью, ибо нет такого государства, которое могло бы регулировать все действия своих граждан. Отсюда следует, что «во всякого рода действиях, о которых правила умалчивают, люди имеют свободу делать то, что собственный разум подсказывает как наиболее выгодное для них» [1, с. 165]. Например, они обладают свободой покупать и продавать товары, заключать договоры друг с другом, выбирать свое местопребывание, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т. д. Если это никак не оговорено в законах, подданный вправе в своей приватной сфере действовать, как считает нужным, исходя из собственной выгоды.

Хотя Т. Гоббс считал, что для того, чтобы помешать людям уничтожать друг друга, необходим контроль государства, вместе с тем он признавал наличие некоторой сферы человеческого существования, которая не должна подвергаться государственному вмешательству. Сферой, куда государство не должно вмешиваться, являются вера и личные убеждения. Согласно философу, церковная власть заключается лишь в праве поучать. «Спаситель не оставил своим преемникам никакой принудительной власти, а лишь власть провозглашать Царство Христа и убеждать людей подчиниться ему, и правилами, и добрыми советами учить людей, признавших Царство Христа, тому, что они должны делать, чтобы быть принятыми в Царство Божие» [Там же, с. 380].

Задача служителей церкви заключается в том, чтобы побудить людей верить в Христа. Вера же есть дар Божий, и не имеет отношения к принуждению и приказаниям и зависит совершенно не от них, следовательно, служители Христа не имеют никакой власти наказывать людей за неверие. Верховную власть Христос оставил гражданским государям. «Поскольку подчинённые исключены из государственного аппарата объективированной публичности, спор их убеждений не является решающим с политической точки зрения, даже из сферы политики он полностью удалён – гражданская война завершается диктатом кон-

фессионально нейтральных властей. Принадлежность к определённой конфессии – это приватное дело, приватные убеждения, не имеющие никаких последствий для государства» [13, с. 163]. Т. Гоббс описывает процесс приватизации религии, эмансипации буржуазных приватных людей от церкви и государственных властей.

Другой либеральный мыслитель Нового времени, Джон Локк, утверждает право гражданина на личность и собственность. В своём труде «Два трактата о правительстве» философ пытается обосновать теорию общественного договора либерально-демократических обществ. Излагая свои взгляды, он исходит из «естественного состояния» человека, которое изображает царством свободы и равенства. В отличие от Гоббса, учёный полагает, что в естественном состоянии не было войны всех против всех, напротив, люди имели равные права и свободы и самостоятельно распоряжались своей личностью и имуществом. Частная собственность, по его мнению, относится к естественным правам человека, которая существует ещё в догосударственном состоянии. Однако в естественном состоянии личность и имущество человека не находятся в безопасности. Чтобы защитить их от риска посягательства, люди создают государство, целью которого является охрана собственности.

Следовательно, люди отказываются от части естественной свободы и права самим защищать своё имущество и передают это право обществу. «Когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передаёт её обществу, тогда существует политическое или гражданское общество» [6, с. 312]. Заключая договор об образовании государства, люди обязуются подчиняться решениям большинства и отказываются при этом от своих естественных прав настолько, насколько это нужно для защиты их личности и имущества. В отличие от Гоббса, Локк настаивает, что полного отказа от естественных прав и свобод быть не может. Право на жизнь, свободу и собственность – естественные права гражданина, которые никто не может отнять. Идеалом философа является жизнь политически свободного человека, который обладает правом свободно трудиться для приумножения своей собственности. «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук принадлежат ему» [Там же, с. 277].

Дж. Локк полагает, что каждый человек имеет право стремиться к увеличению своего имущества с помощью старания и труда. Благодаря труду возникают различия между общей и частной собственностью. Учёный понимает приватность как естественное право и связывает его с собственностью. Государство нужно в том числе для того, чтобы защищать личность и её частную собственность. Поскольку, согласно закону природы, «все равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе и собственности другого» [Там же, с. 263]. В рамках закона человек имеет право жить в соответствии со своими убеждениями. Свобода «заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нём, это свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределённой, неизвестной самовластной воли другого человека» [Там же, с. 275].

В своих работах «Опыт веротерпимости» и «Второй трактат о правлении» Дж. Локк указывает сферы приватной жизни, закрытые для других. Так, религиозная вера относится к сфере личных убеждений, куда государство и общество не должны вмешиваться. «Каждый человек имеет полную и неограниченную свободу мнений и вероисповедания, которой он может невозбранно пользоваться без приказа – или вопреки приказу правительства, не зная за собой вины или греха, но всегда при условии, что делает это чистосердечно и по совести перед богом, сколько дозволяют его знания или убеждения» [7, с. 70]. Свобода мнений, как полагает философ, должна допускаться в том случае, если она не несёт в себе угрозы государству и обществу: «Мнения и вытекающие из них действия имеют право на терпимость в том случае, если они не ведут к беспорядкам в государстве и не приносят обществу больше вреда, чем пользы» [Там же].

Что касается семейных отношений, учёный полагает, что следует разделять между политической и семейной властью.

Женщина «по природе» обязана повиновением мужу. При этом речь идёт не о политической, а о семейной власти, которой обладает каждый супруг как собственник земли и имущества, чтобы управлять приватными делами своей семьи. Дж. Локк пишет, что брачный союз заключается в результате добровольного соглашения между мужчиной и женщиной. По его мнению, семейная власть основывается не в результате добровольного договора, а вследствие природного превосходства мужа как более свободной и сильной части семьи. Как отмечает Б. Рёслер, очевидно, что «человек» в его параграфах – мужчина или «заключивший договор брат» и поэтому возможность вступления в буржуазное общество посредством договора предназначена только для мужчин. Таким образом, Локк впадает в противоречие касательно того, что «всем людям полагается одинаковое природное право на полную свободу, что противоречит “естественной” подчинённости женщин мужчинам» [17, с. 58]. Следовательно, гарантированные договором права и свободы не распространяются в равной степени на всех членов общества. Женщины не обладают равными гражданскими правами, поскольку по «естественным причинам» им уготовано место в семье, их сфера деятельности ограничена заботой о муже и детях. Тем самым становится очевидным противоречие между декларированными общественным договором равными правами и свободами для всех людей и существующей «по природе» подчинённостью женщин.

Традиционно право понимается в первую очередь как право на защиту индивида от вмешательства государства. Оно базируется на уважении к индивидуальной личности, её автономии. Право на приватность признаёт суверенность индивидуума, обладающего достоинством, поскольку он представляет в своём лице всё человечество. Согласно Канту, человеческое достоинство подразумевает свободу и автономию, основываясь на нашей принадлежности к ноуменальному миру, а не только на феноменальной природе. Идеал Канта – это морально автономный человек, действующий исходя из принципов, которые он считает разумными.

Идея приватности базируется на концепте автономии как регулятивной идее. Приоритетной для Просвещения является мысль, что все люди обладают правами как принадлежащие к человеческому роду. Кантовский нравственный императив состоит в том, что субъект подчиняется закону не в силу желаний, предпочтений или обстоятельств, а в результате добровольного осознанного выбора. Это означает не быть управляемым сиюминутными обстоятельствами, потребностями, интересами. Вместо этого, по мнению Канта, «мы должны действовать объективно, универсально для всех людей и во все времена, а не просто для индивидов в специфических контекстах» [14, с. 30].

Либеральная идея основана на независимой способности самостоятельно принимать решения, свободные от принуждения и внешнего давления. Ключевой аргумент Канта касательно нравственности заключается в том, что люди обладают правом на себя: «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеют причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого» [5, с. 29].

Для использования разума необходима свобода. Также и правительство должно уважать достоинство человека и признавать в нём нечто большее, чем покорного подданного. Автономность, самоопределение и способность к выбору представляют собой для Канта базис нравственной жизни и ключевой императив поведения. Кантовское учение включает в себя нормы свободы, равенства и независимости гражданина. Однако не каждый человек может считаться полноправным гражданином, а лишь тот, кто является господином самому себе. Кант полагает, что следует различать активных и пассивных граждан: «Приказчик у купца или подмастерье у ремесленника, слуга (не на государственной службе), несовершеннолетний, каждая женщина и вообще все те, кто вынужден поддерживать своё существование (питание и защиту) не собственным занятием, а по распоряжению других <…>. – всё это лишь подручные люди общности, потому что ими должны командовать и их должны защищать» [4, с. 234].

Человек – изначально творец всех своих представлений и понятий и единственная причина своих действий. «Ради-

кализм его философии заключается в том, что он ставит под вопрос традиционный общественный уклад. Тем самым имеется в виду, что человек становится свободно действующим существом, ориентированной на нравственность самостоятельной личностью» [15, с. 8]. Кант полагает, что человек должен быть единственной причиной своих действий, то есть он должен иметь возможность делать выбор и нести за него ответственность. Отсюда вытекает развитие личности, способной нести ответственность за свою судьбу. Человек более не является безмолвной частью целого как в традиционном обществе.

Теория индивидуальной свободы находит своё продолжение в трудах Дж. Милля, чей трактат «О свободе» можно назвать философским манифестом приватности. По его мнению, человек сам в состоянии сделать выбор касательно собственной жизни, так как он сам лучше знает, чего хочет: «Если только человек имеет хотя самую посредственную долю здравого смысла и опыта, то тот образ жизни, который он сам для себя изберёт, и будет лучший, не потому чтобы быть лучше сам по себе, а потому, что он есть его собственный» [8, с. 294].

Никто не вправе препятствовать взрослому человеку распоряжаться жизнью по собственному усмотрению. Он заинтересован в благе для себя гораздо больше, чем окружающие, и лучше всех знает, что является для него благом. Вмешательство окружающих в дела индивида основывается только на предположениях, которые могут оказаться ошибочными и быть применены некстати. Никто не знает всех обстоятельств, касающихся того или иного индивида.

Дж. Милль полагает, что в отношениях с другими лицами необходимо соблюдать принятые в обществе законы и правила, но «в том, что касается его самого лично, индивидуум должен быть вполне самодержавен. Можно представлять ему разные соображения и доводы, для того чтобы направить так или иначе его суждение, но он во всяком случае есть высший судья того, что и как ему делать, и если он поступит вопреки всем советам и предостережениям и через это сделает сам себе вред, то этот вред далеко не может быть так велик, как велико было бы то зло, если бы он насильно принуждён был поступить так, как другие признают для него благом» [Там же, с. 350].

Философ отвергает вмешательство в свободы индивида со стороны общества или государства. По его мнению, единственное возможное основание для принуждения против члена «цивилизованного общества» – это причиняемый им вред для какого-либо лица. Идеалы свободы и справедливости он формулирует как право на самостоятельный выбор. Милль считает, что базис здорового общества заключается в свободном использовании воли и критических способностях. Общество лучше всего функционирует тогда, когда каждый индивид знает общие правила поведения, так что известно, чего мы можем ожидать друг от друга. Итак, «если мы не производим негативного воздействия на других, мы свободны делать собственный выбор бытия» [14, с. 39]. Вмешательство общества в чисто личные дела индивида препятствует свободе его приватной жизни. соответственно, противоречит идее либерализма.

Дж. Милль формулирует один из важнейших принципов приватности: не нужно давать отчета перед другими, пока наши действия не затрагивают интересов других. «Нам необходима свобода действий без препятствия со стороны других людей, пока наши действия им не вредят, даже если наше поведение воспринимается ими как глупое, странное или неправильное» [17, с. 151]. Не обо всех решениях, способах поведения и образе жизни мы обязаны давать отчёт окружающим. Напротив, от других следует ожидать сдержанности и невмешательства, если наши действия их не затрагивают. «Власть общества над индивидуумом не должна простираться далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим, являясь неограниченным господином над своим телом и духом» [8, с. 297].

Либеральное мировоззрение философа предлагает провозгласить свободу для всех (взрослых) членов общества. Семью он полагает, в первую очередь, женской сферой деятельности. Подобно мужчине, выбирающему себе профессию, женщина, когда выходит замуж, должна понимать, что она делает выбор в пользу руководства домом и воспитания детей как к своему основному занятию. Хотя мужчинам и женщинам, по его мнению, полагаются равные права, свобода жить своей жизнью предоставляется им только тогда, когда они ис-

полнили свои домашние обязанности. Тем самым «принадлежность женщин только к приватной семейной сфере сталкивается с проблемой индивидуальной свободы» [17, с. 62].

Приватность в либеральном контексте означает «возможность управлять доступом к собственной жизни. Приватность важна для нас, поскольку для нашей личной независимости и развития нашей индивидуальности необходимо иметь защищённое пространство, куда мы можем контролировать допуск третьих лиц» [12, с. 127]. Право на свободу тем самым имплицирует право на приватность. Лишение гражданина приватного пространства означает нарушение его права на свободу. В современных правовых государствах сфера приватности должна быть защищена законодательно.

Исследователи отмечают, что у классического либерализма имеются недостатки, заключающиеся в том, что декларируемые им права и свободы касаются не всех, а, в первую очередь, привилегированных членов общества.

Во-первых, декларируемые либерализмом индивидуальные права и свободы для всех индивидов противоречат разделению общества на публичную и приватную сферы, поскольку согласно «буржуазной идеологии раздельных сфер мужчина “по природе” был создан для публичной сферы, а женщина – для приватной» [10, с. 166]. Выход из этого противоречия заключается в действительном обладании равной индивидуальной свободой, что требует разделения труда как в публичной, так и в приватной сфере. Однако, по мнению Б. Рёслер, из-за этого противоречия не стоит отрицать идею либерализма. Аргументы против гендерно специфической коннотации не выступают против необходимости защиты дома, жилья, интимных отношений. «Они говорят только против одной, однако в высшей степени влиятельной интерпретации термина – против приватного как исключительно женской сферы – и гендерно-специфичного распределения труда в целом» [17, с. 66].

Во-вторых, в упрёк либеральной философии можно поставить понимание права на приватность как классового понятия, поскольку ранее приватное пространство было доступным только для обеспеченных и образованных представителей общества. Однако постепенно в результате социально-политических процессов в развитых странах права и свободы, такие как индивидуальные права на свободу веры, мнений, собраний, защита личности и собственности, расширяются на все слои населения.

Заключение. Таким образом, либерализм Нового времени – это философский базис, на который опираются современные дискуссии о правах и свободах, границах вмешательства государственных и общественных институтов в приватную жизнь индивида. Согласно либеральной философии, индивиду должны быть предоставлены личные свободы и право на самостоятельные решения касательно собственной жизни, несмотря на возможные риски для него самого и общества в случае неправильного выбора. Либеральная философия поддерживает частную собственность, свободу слова, ограничение вмешательства государства в приватную жизнь граждан. Либеральные теории общества включают в себя личную автономию как свободу делать выбор в отношении собственной жизни в том случае, если это не причиняет вреда другим.

Основная идея либерализма – в формулировке Канта, Локка или Милля – заключается в том, что человек имеет право на индивидуальный выбор в отношении собственной жизни. Право на приватность было и остаётся одной из важнейших ценностей либеральной демократии и западной политической мысли как свобода от вмешательства государства и общества в приватную жизнь индивида.

Список литературы

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
2. Гоббс Т. О гражданине // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 622 с.
3. Горнова Г. В. Урбанистические истоки демократии и либерализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные исследования». 2017. № 4. С. 12–14.
4. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. Ч. 2. 478 с.
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29–37.
6. Локк Дж. Два трактата о правлении // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.

7. Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
8. Милль Дж. С. О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.
9. Чеснокова Л. В. Право на приватность как необходимый аспект человеческого достоинства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. Ч. 1, № 6. С. 196–199.
10. Чеснокова Л. В. Приватность, скука и гендерные отношения в эпоху модерна // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. № 2. С. 164–176.
11. Bloustein E. I. Privacy as an aspect of human dignity. An Answer to Dean Prosser // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 156–202.
12. Bratu C., Dittnezer M. Theorien des Liberalismus zur Einführung. Hamburg: Junius. 2017. 196 p.
13. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2015. 391 p.
14. McStay A. Privacy and Philosophy. New York: Peter Lang, 2014. 186 p.
15. Prentki J. V. Die anthropologische Funktion der Privatheit. Norderstedt: GRIN, 2016. 260 p.
16. Reiman J. Privacy, Intimacy and Personhood // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 300–317.
17. Rössler B. Der Wert des Privaten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. 380 p.
18. Werner P. Autonomie, Privatheit und Selbstbestimmung. Norderstedt: Grin Verlag, 2006. 28 p.

Статья поступила в редакцию 22.12.2019; принята к публикации 10.02.2020

Сведения об авторе

Чеснокова Леся Владимировна, кандидат философских наук, Омский государственный университет путей сообщения; 644046, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 35; e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4283-0443.

Библиографическое описание статьи

Чеснокова Л. В. Право на приватность в либеральной философии Нового времени // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 33–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-33-42.

References

1. Hobbes, Th. Leviathan, or matter, form and power of the state of the church and civil. Collected works. In 2 v. V. 2. M: Mysl', 1991. (In Rus.)
2. Hobbes, Th. About a citizen. Collected works. In 2 v. V. 1. M: Mysl', 1989. (In Rus.)
3. Gornova, G. V. The Urban Origins of Democracy and Liberalism. Vestnik of OmGPU. Humanitarian Studies, no 4, pp. 12–14, 2017. (In Rus.)
4. Kant, I. Metaphysics of morals. Collected works. In 6 v. V. 4. P. 2. M: Mysl', 1965. (In Rus.)
5. Kant, I. Answering the Question: What Is Enlightenment? Collected works. In 8 v. V. 8. M: Mysl', 1994. (In Rus.)
6. Locke, J. Two treatises on the board. Collected works. In 3 v. V. 3. M: Mysl`, 1988. (In Rus.)
7. Locke, J. Experience on toleration. Collected works. In 3 v. V. 3. M: Mysl`, 1988. (In Rus.)
8. Mill, J. About freedom. Anthology of world liberal thought (1st half of the 19th century). M: Progress-Traditsiya, 2000. (In Rus.)
9. Chesnokova, L. V. The right to privacy as a necessary aspect of human dignity. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice, no. 6, pp. 196–199, 2017. (In Rus.)
10. Chesnokova, L. V. Privacy, boredom and gender relations in the modern era. News of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences, no. 2, pp. 164–176, 2019. (In Rus.)
11. Bloustein, E. I. Privacy as an aspect of human dignity. An Answer to Dean Prosser. Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007: 156–202. (In Engl.)
12. Bratu, C., Dittnezer, M. Theorien des Liberalismus zur Einführung. Hamburg: Junius. 2017. (In Germ.)
13. Habermas, J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Fr. a. M: Suhrkamp Verlag, 2015. (In Germ.)
14. McStay, A. Privacy and Philosophy. New York: Peter Lang, 2014. (In Engl.)
15. Prentki, J. V. Die anthopologische Funktion der Privatheit. Norderstedt: GRIN, 2016. (In Germ.)
16. Reiman, J. Privacy, Intimacy and Personhood. Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007: 300–317. (In Engl.)

17. Rössler, B. Der Wert des Privaten. Fr. a. M: Suhrkamp, 2001. (In Germ.)
18. Werner, P. Autonomie, Privatheit und Selbstbestimmung. Norderstedt: Grin Verlag, 2006. (In Germ.)

Received: December 22, 2019; accepted for publication February 10, 2020

Information about author

Chesnokova Lesya V., Candidate of Philosophy, Omsk State Transport University; 35 Karla Marksa st., Omsk. 644046, Russia; e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4283-0443.

Reference to the article

Chesnokova L. V. Right to Privacy in Liberal Philosophy of the Modern Era // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 33–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-33-42.

АКСИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

AXIOLOGY OF CULTURE

УДК 129
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-43-53

Надежда Дмитриевна Субботина,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Устарели ли понятия «сущность женщины» и «сущность мужчины»?

В статье анализируются взгляды постмодернистов, которые критикуют эссенциалистский (сущностный) подход к причинам гендерных различий и противопоставляют ему подход, определяющий гендерные роли как социальный конструкт. Автор показывает ограниченность обоих подходов. Если первый признаёт лишь биологические, то второй – лишь социальные причины гендерных ролей мужчины и женщины. Если эссенциализм считает сущность человека неизменной, то постмодернизм абсолютизирует изменчивость, являясь разновидностью релятивизма. Делается вывод, что нужен третий подход, в основе которого лежит диалектика, учитывающая роль как естественных, так и социальных причин, взаимосвязанных друг с другом. По мнению автора статьи, следует различать биологическую, биосоциальную и социальную сущности человека. Биологическая сущность определяется ролью двух полов в продолжении и сохранении рода. На генетическом уровне мужской пол выполняет задачу развития, а женский – сохранения. Биосоциальная сущность человека выражается в том, что он имеет и природную, и социальную составляющие, поэтому она также остаётся неизменной. Если биологическая сущность у мужчины и женщины различна и согласно ей они являются противоположностями, то биосоциальная сущность у них едина. Социальная сущность человека проявляется в особенностях его социальных ролей, и она способна меняться. Общество на разных этапах своего развития обладает качественным разнообразием, что неизбежно сказывается на сущности живущих в данный период людей.

Ключевые слова: пол, гендер, мужчина, женщина, постмодернизм, эссенциализм, сексизм, натурализация и денатурализация, биологическая, биосоциальная и социальная сущность человека

Nadezhda D. Subbotina,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Are the Concepts of “Essence of a Woman” and “Essence of a Man” Out of Date?

The article analyzes the views of postmodernists who criticize the essentialist (essential) approach to the causes of gender differences and contrast it with an approach that defines gender roles as a social construct. The author shows the limitations of both approaches. If the first recognizes only biological, then the second – only social reasons for the gender roles of men and women. If essentialism considers the essence of man to be unchanged, then postmodernism absolutizes variability, being a kind of relativism. It is concluded that the third approach is needed, which is based on dialectics, taking into account the role of both natural and social causes, interconnected with each other. According to the author of the article, it is necessary to distinguish between biological, biosocial and social nature of man. The biological essence is determined by the role of two sexes in the continuation and preservation of the genus. At the genetic level, the male sex fulfills the task of development, and the female – conservation. The biosocial essence of a person is expressed in the fact that he has both natural and social components, so it also remains unchanged. If the biological essence of a man and a woman is different and according to it, they are opposites, then the biosocial essence of them is one. The social essence of man is manifested in the features of his social roles, and it is able to change. Society at

© Субботина Н. Д., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

different stages of its development has a qualitative diversity, which inevitably affects the essence of people living in this period.

Keywords: sex, gender, man, woman, postmodernism, essentialism, sexism, naturalization and denaturation, biological, biosocial and social essence of man

Введение. Тема гендерных отличий мужчины и женщины – одна из самых популярных во всех гуманитарных науках в последние десятилетия, особенно в западных странах. Например, только в США и только в исторической науке, как отмечает Д. Б. Вершинина, количество исследователей, «специализирующихся в области женской и гендерной истории, согласно данным Американской исторической ассоциации за 1975–2005 гг., выросло более чем в восемь раз, а библиография по женской и гендерной истории только на английском языке настолько обширна, что сегодня не представляется возможным создание её исчерпывающей базы» [6, с. 172]. Можно представить, сколько публикаций возникло за 15 лет после этого подсчёта. Поэтому есть смысл анализировать лишь некоторые аспекты данной проблемы. В нашем случае – это проблема наличия или отсутствия сущности женщины и мужчины, соотношения гендера и пола.

В данном плане наиболее известны работы М. Фуко и Дж. Батлер. Лейтмотивом работ Фуко является идея «дискурсивного» характера сексуальности и социального контроля над сексуальностью [12]. Дж. Батлер, развивая эту идею, посчитала, что «додискурсивного», естественного пола вообще быть не может: «…возможно, конструкт, именуемый “полом”, так же культурно обусловлен, как и гендер; на самом деле, возможно, он всегда уже был гендером, и, соответственно, разграничение между ними оказывается бессмысленным» [3, с. 307]. При этом следует отметить, что подобный подход не является единственным в западной литературе. Р. Д. Ашморе и А. Д. Севелл говорят о том, что среди учёных, по крайней мере, среди психологов, выработался консенсус, когда было решено понятие «пол» (“sex”) использовать для обозначения биологических отличий мужчины и женщины, а гендер – для отличий, порождаемых социокультурными факторами [15]. Исследователи объясняют: «Основная причина, предложенная для этого терминологического описания, состоит в том, что без этого разделения и с учётом того, что слово “пол” чаще используется для обозначения всех различий между женщинами и мужчинами, люди могут сделать вывод, что все “различия полов” генетически даны, следовательно, не зависят от социальных условий, а также не изменчивы» [Там же]. То есть, признавая социальную основу понятия «гендер», они, тем не менее, от понятия «пол» не отказываются.

Исследователи, отождествляющие понятия «пол» и «гендер», гетеросексуальность называют «принудительной». По их мнению, практики принудительной сексуальности «должны выступать тем регулятивным опытом, который создаёт предпосылки для “идентичности” с опорой на сетки гендерных норм. <…> Таким образом, идентичность перестаёт быть имманентной спонтанному человеческому опыту, а сверяется по нормативному идеалу, поддерживаемому культурно интеллигибельными представлениями об идентичности» [11, с. 52]. Отметим, что идентичность здесь берётся в кавычки. Хотелось бы спросить, а насколько спонтанен человеческий опыт, может быть, он имеет естественные предпосылки?

На основе этих идей сформировалась так называемая «квир-теория». Термин «квир» не имеет однозначной интерпретации. А. Д. Номеровская пишет, что «в концепт “квир” заложена имманентная нестабильность и множественность значений» [Там же]. То есть, главная идея этого концепта – отмена разделения на норму и отклонение. О норме скажем далее.

В настоящее время в западных странах можно отметить бум исследований о причинах сексизма. Например, А. Клизинг исследовала влияние на степень сексизма и оценку сексизма теорий гендерных различий, которых придерживается человек. Одним группам участников эксперимента предлагали прочитать поддельную статью, которая якобы с научной точки зрения «доказывала» эссенциалистский (сущностный) подход, утверждающий, что гендерные роли зависят от биологических различий между полами и являются неизменными. А другой группе – псевдонаучную статью, «доказывающую» противоположную теорию, которая утверждает, что гендерные роли представляют собой социальный конструкт и не связаны с половыми различиями. После этого всем предлагали прочитать небольшие рассказы, в которых

описывались ситуации проявления сексизма, и оценить поведение героев: насколько они сексистские и насколько такое поведение оправдано. А. Клизинг пишет, что её «исследование показало, что подверженность социальным конструкционистским объяснениям гендерных различий может привести к снижению одобрения отдельными лицами эссенциалистской гендерной теории и что менее эссенциалистская концептуализация пола как социальной категории повышает степень признания случаев несправедливого обращения по гендерному признаку как дискриминация» [16]. Не знаю, насколько необходимы подобные эксперименты для развития науки, но, на мой взгляд, они распространяют неверную идею о том, что возможны лишь два ответа на проблему гендера.

Методология и методика исследования. В основе методологии данной статьи лежат сравнительный и диалектические методы. Автор сравнивает подход, получивший в последние годы название «эссенциалистский» (сущностный), и гендерный подход к исследованию причин гендерных различий. Первый признаёт лишь биологические, а второй – лишь социальные причины гендерных ролей мужчины и женщины. Использование диалектического метода позволило отметить ограниченность обоих подходов, показать, что нужен третий, в основе которого лежит диалектика, учитывающая роль как естественных, так и социальных причин, взаимосвязанных друг с другом. Автор опирается также на собственную концепцию соотношения естественного и социального в обществе и человеке.

Результаты исследования и их обсуждение. Е. Б. Хитрук критикует, как она называет «классический философский дискурс» понимания половой дихотомии. По её мнению, классическая философия «последовательно натурализует, то есть представляет как необходимые аспекты бытия, следующие значимые характеристики половой дихотомии: 1. Эссенциализм – представление о том, что в бытии укоренены некие мужская и женская сущности. 2. Поляризация полов – представление о том, что эти сущности противоположны друг другу. 3. Субординация полов – представление о том, что мужской пол обладает онтологическим, гносеологическим, аксиологическим и другими преимуществами по отношению к женскому полу» [14, с. 101–102]. Отсюда основная задача данной статьи – попытка ответа на вопрос: «Имеет ли смысл говорить о женской и мужской сущности?»

Начну с того, что, согласно диалектике, любой материальный или идеальный предмет имеет свою сущность. На мой взгляд, можно говорить среди прочего о наличии женской и мужской сущности. Эти сущности действительно противоположны друг другу, имея при этом общую основу. Каждая из противоположностей – человек, поэтому общих черт у них больше, чем имеющихся морфологических и функциональных отличий. При этом морфологические черты (первичные и вторичные половые признаки) обусловлены биологическим предназначением полов. Два пола выполняют две биологические функции – сохранение генофонда (преимущественно женский пол) и развитие (преимущественно мужской пол) [7; 8]. И обе эти функции естественные (природные). Они перешли к нам от наших животных предков и никуда не делись в настоящее время, несмотря на поразительное развитие всех сторон общества.

Представление о превосходстве мужского пола, многие века господствовавшее в обществе, также имеет естественное происхождение и обусловлено выполняемыми им функциями. Надо учитывать, что превосходство того или иного субъекта можно обнаружить тогда, когда они занимаются одним и тем же видом деятельности, благодаря чему их можно сравнивать по степени успешности. В обществе, когда было преодолено жёсткое разделение ролей, женщины начали пробовать себя в делах, традиционно принадлежащих мужчинам, а мужчины (реже, но всё же, бывает) – заниматься традиционно женскими делами. И вначале, конечно, каждая из сторон проигрывала «на чужом поле». Не только из-за нехватки опыта, но и потому, что морфологически не была приспособлена к такой деятельности. Однако, как писал В. А. Геодакян, новые виды деятельности лучше получаются у мужчин. Они более креативны, более остроумны, хотя это средний показатель, и есть немало женщин, более умных, чем средний мужчина, более сильных физически, более высоких и т. д. [8]. Так как мужчина и женщина – два пола одного вида, процессы мышления у них организованы одинаково[1]. Поскольку для решения логических задач физическая сила не нужна, постольку женщины оказались способ-

[1] Пресловутой «женской логики» не существует.

ны к «чисто» мужским делам, а в чём-то и превосходить их.

Рассмотрим проблему сущности женщины более подробно.

Дж. Батлер обращает внимание на то, что в современной философии представление о женщине как субъекте сильно разнится. Исследователи вкладывают в данное понятие разные смыслы, и это не только традиционное представление о женщине как домохозяйке. Борьба за определение сущности женщины идёт даже внутри течения феминизма. Взгляды одних авторов подвергаются критике со стороны других. Батлер замечает: «В начале 80-х феминистское “МЫ” подверглось справедливым атакам цветных женщин, утверждавшим, что “МЫ” всегда белое, и что это “МЫ”, предназначавшееся для солидаризации движения, само становится источником болезненной фракционализации. Попытка характеризовать специфику женского через обращение к материнству, биологическому или социальному, производит такую же фракционализацию или даже отречение от феминизма в целом. Ибо безусловно не все женщины суть матери; некоторые не могут ими быть…» [5, с. 250]. Она утверждает, что вообще любая попытка дать универсальное определение категории женщин приведёт к фракционализации, результат такого определения идентичности не может быть основанием для феминистского движения.

Да, действительно, если отказаться от очевидного восприятия морфологических характеристик женщины, которые часто не учитывают феминистки, то возникают подобные трудности. На мой взгляд, у женщины есть чёткая определённость – наличие в её организме репродуктивной системы, предназначенной для рождения детей. Она может рожать или не рожать, может хотеть или не хотеть детей[1], её репродуктивные органы могут находиться на стадии формирования, быть готовыми к деторождению или уже по возрасту утратившими подобные функции, но она остаётся женщиной по половому признаку. Часть женских органов может быть даже удалённой посредством операций, но остальная часть системы сохраняется, вырабатывая женские гормоны.

Мне могут возразить, что это не социальная, а биологическая определённость. Однако этого достаточно для идентификации и самоидентификации, для того чтобы назвать субъекта или объекта исследования женщиной. Биологическая сущность и мужчины, и женщины определяется ролью двух полов в продолжении рода.

Конечно, любой человек, субъект, личность не сводится к организму. Всё, что составляет сущность индивида, если не учитывать его половую принадлежность, позволяет ему идентифицировать себя, к примеру, как русского (русскую), как учителя, гражданина (гражданку), как соседа (соседку). И так далее. Такое основание дают её социальные роли. Но также субъект-женщина может идентифицировать себя как мать, жена, дочь, сестра, подруга, возлюбленная. Такие роли можно назвать биосоциальными[2]. Любая из перечисленных во втором списке ролей возможна только в том случае, если этот субъект – женщина. Конечно, все эти роли шире половой принадлежности, в их основании лежат сложнейшие социальные функции.

Таким образом, социальные и биосоциальные роли женщины могут меняться по социальным или естественным, в том числе возрастным причинам, чаще всего они сочетаются друг с другом. Но биологическая сущность женщины остаётся неизменной от рождения до смерти. И лишь в тех случаях, которые связаны с её репродуктивной функцией, мы обращаемся к её сущности как женщины.

Общаясь с женщиной, в большинстве случаев на первое место мы (за исключением крайних, открытых сексистов) ставим её социальные или биосоциальные роли. В первом случае в настоящее время биологические особенности её организма должны быть исключены из процедуры общения. Хотя и здесь возможны исключения. Ясно, что с физически трудной работой женщины не смогут справиться. Например, на космической станции для женщин-космонавтов должны быть специальные условия. В случае общения с женщиной, которая в данный момент осуществляет свои биосоциальные роли (ранее названные роли матери, возлюбленной и т. д.) должны учитываться её биологическая сущность и социальная составляющая её личности.

Однако женщина одновременно и человек, и как человек, она имеет не только биологическую, но и биосоциальную сущность. Составная «био-» в данном опре-

[1] Даже если женщина не стремится к материнству, её биология неизбежно оказывает воздействие на её быт, мысли и поведение.

[2] Хочу обратить внимание на что, что не надо отождествлять биосоциальные роли женщины и мужчины с биосоциальной сущностью человека, о которой будет сказано далее.

делении не сводится ни у женщины, ни у мужчины к репродуктивной функции, хотя и включает её. Человек – это феномен реальности, который имеет биологическую морфологию, физиологию и психологию[1], и одновременно социальные черты. Он обладает сознанием, самосознанием, развитым мышлением, нравственностью и способностью к творческому труду. Если биологическая сущность у мужчины и женщины различна и согласно ей эти два пола выступают как две противоположности, то биосоциальная сущность у них едина. Отметим, что не следует отождествлять биосоциальную сущность и биосоциальные роли человека, о которых говорилось ранее и которые различны для мужчины и женщины. Более подробно о биосоциальной сущности человека говорить не будем, поскольку о ней написано много.

Очень популярны высказывания феминистов, и в целом социальных конструктивистов, обращающие внимание на то, что общество навязывает женщинам и мужчинам гендерные роли, которые те вынуждены исполнять, чтобы не подвергаться осуждению окружающих. Например, М. Киммел цитирует американского биолога Рут Хаббард: «Если общество одевает половину своих детей в короткие юбки и не велит им двигаться так, чтобы были видны трусики, а другую половину – в джинсы и комбинезон, поддерживая их желание лазать на деревья, играть в мяч и другие активные дворовые игры; если позже, в юности, детей, которые носили брюки, убеждают, что “растущему мальчишке надо много есть”, в то время как дети в юбках предупреждены, что надо следить за весом и не толстеть; если половина в джинсах бегает в кроссовках или ботинках, в то время как половина в юбках ковыляет на шпильках, то эти две группы людей будут отличаться не только социально, но и биологически» [цит. по: 9, с. 78]. И это действительно так. Всё это – примеры воздействия социального на биологическое, приводящее к некоторому искажению («корректировке», согласно господствующим представлениям) биологического, *но не отменяющего биологической сущности пола.* Биологическая (морфологическая) сущность может изменяться (но не отрицаться) только при операциях по смене пола, очень редким, но по большей части исправляющим «ошибки природы», когда естественная психология не сочетается, или противостоит естественной физиологии и анатомии. Но и это не отменяет естественности (несоциальности) пола.

Кроме того, не надо впадать в крайности, утверждать, что все особенности воспитания мальчиков и девочек лишние, а потому им нужны одинаковые методы воспитания. Есть сферы, где требуются особые способы воспитания. Для девочек это необходимо тогда, когда их готовят к будущему материнству. Предвосхищая возражения некоторых феминисток и представителей течения чайлд-фри, уточню – возможному материнству.

Развивая мысль о том, что гендер исключительно навязан человеку господствующими культурными представлениями, Дж. Батлер утверждает: «Не только не существует причинно-следственной связи между полом и гендером, но само слово “пол” является неправильным употреблением термина, и биологическая действительность, которую мы называем полом, сама есть исторический конструкт и на самом деле является политической категорией» [4, с. 302]. Е. Б. Хитрук на основании этого высказывания делает вывод: «Поэтому на самом деле мы имеем дело не с “натуральным полом”, а с “натурализацией пола”, которая представляет собой лишь один из способов навязывания гендерной идентичности» [14, с. 145–146].

Здесь, на мой взгляд, авторы переходят границу меры: описывая навязывание обществом гендерных ролей (что действительно существует), они приходят к отрицанию биологической сущности пола.

Хитрук описывает различные стратегии «денатурализации» обоих полов. Рассмотрим кратко стратегии «денатурализации» женского пола. К таким стратегиям она относит «когнитивную», которая «разоблачает» традиционные установки о половых различиях, включающие в себя андроцентризм, биологический эссенциализм, гендерную поляризацию, обосновывающие и конструирующие тем самым социальное неравенство [13, с. 22]. На мой же взгляд, эти установки не конструируют неравенство, которое и без них реально существует, а в первую очередь оправдывают его теоретически. И уже во вторую очередь сохраняют и поддерживают его. Неравенство имеет тысячелетнюю традицию и

[1] Вообще, конечно, понятия «морфология», «физиология» и «психология» являются названиями наук, но их традиционно используют и для названия изучаемых этими науками объектов. Правильнее было бы говорить «морфика», «физика» и «психика».

естественную предпосылку, выражающуюся в том, что мы произошли от животных, в которых самцы играли ведущую роль.

Следующая стратегия в списке Хитрук – «концепция гендерного пересечения». Утверждается, что в её рамках «формирование гендерной идентичности рассматривается не в контексте проявления и осознания физиологической сущности, а в контексте свободы выбора, как одного из самых важных и необходимых атрибутов человеческого существования» [14, с. 24]. Здесь следует уточнить, что традиционно под гендерным пересечением понимается пересечение гендерных ролей с ролями, обусловленными принадлежностью к расе, этносу, социальному классу и прочим большим или меньшим группам. Например, С. С. Бабаян пишет: «Гендерные стереотипы соотносятся с реальной стратификацией общества и пересекаются с этническими особенностями, возрастом, образованием, социальным статусом, условиями жизни и т. д.» [1]. С точки зрения Хитрук, пересечение гендерных ролей – это их смена на противоположные роли, которые человек свободен выбирать сам.

В качестве примера такой свободы выбора Е. Б. Хитрук приводит историю Дейдры Макклоски, которая, будучи от рождения мужчиной, ощущала себя женщиной и в 52 года стала ею [13]. То есть, Макклоски выбрала гендер по своему желанию. Думается, всё же, что в основе решения сменить пол в данном случае лежит не гендерная, а половая принадлежность, как понимал её этот индивид. Ведь авторы данного направления говорят, что гендер навязан обществом, а когда человек ставит не задачу выбрать гендер по своему желанию, что можно сделать (и часто делается) без смены пола, а сменить именно биологический пол, он тем самым ставит свой желанный пол на первое место по отношению к гендерным ролям. Конечно, можно порадоваться тому, что Дейдра Макклоски смогла осуществить своё желание в наше, достаточно цивилизованное, но во многом ещё консервативное время.

Здесь следует обратиться к некоторым другим понятиям, вошедшим в современную научную литературу. Понятие *«транссексуализм»* (М. Хиршфельд, Д. Коулдвелл, Г. Бенджамин) отражает психологическое ощущение принадлежности к другому полу. Понятия *«гендер»*[1] и *«гендерная роль»*, введённые Дж. Мани, призваны разграничить принадлежность к биологическому полу и психологическое ощущение принадлежности к полу. Позднее Мани ввёл ещё одно разграничение, добавив термин *«гендерная идентичность»*: «Гендерная идентичность является личным ощущением гендерной роли, и гендерная роль является публичным выражением гендерной идентичности» [17]. Ещё одно распространённое понятие *«гендерная дисфория»* обозначает неприятие данного от рождения тела (пола). Я. Кирей-Ситникова обращает внимание на то, что это понятие в 5-й версии «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM)» признаётся патологией. Она же считает, что это всего лишь «гендерная вариативность» [10, с. 14–15]. Поэтому исследователь уточняет, что в своей монографии она отказывается от медицинской терминологии и оставляет лишь понятие «трансгендерность». В самом общем понимании *трансгендерность* – это несоответствие между биологическим полом и гендерной идентичностью. Наверное, нужно добавить, что в основе этого несоответствия лежит несоответствие между морфологией пола и его психологическим осознанием, а причиной этого несоответствия являются некоторые естественные особенности человека и, возможно, в ряде случаев внушённые со стороны представления.

Я. Кирей-Ситникова пишет, что в современном обществе цисгендерность считается нормой, а трансгендерность – отклонением от нормы. Всё это тяжело переносится людьми, имеющими трансгендерные ощущения: «Наличие циснормативных убеждений… широко встречается у трансгендерных людей с вытекающей из наличия таких убеждений внутренней трансфобией» [Там же, с. 15]. Такую циснормативность, по её мнению, следует искоренять. На мой же взгляд, искоренять надо не циснормативность, а различные проявления ксенофобии, в том числе, ксенофобию по отношению к трансгендерам, и одновременно помогать трансгендерам преодолевать свою «внутреннюю трансфобию».

Хочется сказать несколько слов в защиту понятия «норма», которое всё больше размывается как побочное следствие борьбы за права различных групп населения, в чём-то отличных от основной массы людей. Борьба за равные права – это прогрессив-

[1] В данном случае, на мой взгляд, больше подходит понятие «пол» (sex).

ное движение современной цивилизации, которое надо всячески приветствовать. Но расширение представлений о *сексуальной* норме, посредством включения в неё гомосексуалов и трансгендеров, неизбежно, согласно диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, приведёт к уничтожению самого понятия «норма». А оно человечеству пока нужно. Вспомним, хотя бы, нормы права, нормы нравственности и т. п. В медицине также есть чёткие договорённости, какие параметры (температуры, давления и прочих показаний) считать нормальными («от и до»), а какие – нарушением нормы. Хотя цифры этих параметров могут меняться, но представление о наличии нормы и её нарушений остаются неизменными.

Я не случайно в предыдущем абзаце уточнила, что речь здесь идёт лишь о *сексуальной* норме. Думаю, что практически каждый человек, имея большинство нормальных характеристик, обладает различными отклонениями. Например, плохо видит или слышит, имеет инвалидность, отклонения в весе и росте, психические особенности и прочее. И всё это, за исключением антиобщественного поведения, не должно вызывать осуждения и быть основанием для дискриминации. Более того, некоторые отклонения от нормы могут приветствоваться обществом. Например, необычные способности детей-вундеркиндов, повышенная переносимость вредных воздействий окружающей среды и т. д.

Да, действительно, мы всегда сверяем своё поведение с принятыми нормами, потому что живём в обществе, которое иногда называют «человеческим общежитием». Давайте задумаемся над тем, почему об одних собственных отклонениях от норм мы спокойно говорим окружающим, иногда даже с охотой, рассчитывая на сочувствие или помощь, а о других предпочитаем молчать. Имеются в виду психические заболевания и сексуальные отклонения. У меня есть некоторые предположения о причинах этого. Думаю, что к психическим отклонениям люди относятся настороженно потому, что обладатели ряда таких отклонений способны к девиантному поведению, что представляет некоторую опасность для общественного порядка. Хотя абсолютное большинство преступлений совершаются людьми с нормальной психикой. Что касается сексуальных отклонений, то одна из причин, на мой взгляд, заключается в том, что в обществе на протяжении тысячелетий существовало табу на открытое обсуждение всего, что касается секса. Мы видим, что в последнее время это табу всё больше ослабевает, особенно на Западе, где многие известные люди совершили каминг-аут. В скором времени так будет и у нас. Но есть и другая, более глубокая причина негативного отношения к гомосексуалам. Дело в том, что в основе такого отношения лежит неприязнь к ним на инстинктивном уровне, которую нам привила природа, «ставящая цель» сохранения у человека репродуктивной функции. Изменить такое отношение можно только с помощью пропаганды толерантности и воспитания.

Что касается Дейдры Макклоски, которая в 52 года стала женщиной, то это, на мой взгляд, не «вопреки биологической данности», как считает Е. Б. Хитрук [13], а именно благодаря ей. Он не сам придумал, что ему хочется быть женщиной, а что-то (учёные биологи, медики и психологи лучше это объяснят) толкало его на такой шаг. Это трагедия человека, которому приходится противостоять одновременно и биологической природе, «наградившей» человека мужским телом и женской психикой, и обществу, которое в большинстве своём не принимает права на смену пола, считает это недопустимой аномалией. Это и в самом деле биологическая аномалия, но в социальной действительности человек имеет право на смену пола, а общество не должно его за это осуждать. Однако такие ситуации – крайняя редкость и человек уже в детском возрасте сам способен осознать психологическое несоответствие с биологическим полом, если оно возникнет. При условии, если он растёт в семье, где приняты доверительные отношения, он поделится этим с родителями, которые проконсультируются с психологами, врачами и примут решение, как ему помочь.

Когда же на уроках в школе начинают продвигать идею о том, что человек сам должен выбирать свой пол (сведения о таком есть), то это может нанести огромный вред детям, которые до этого даже не задумывались о своей половой принадлежности, понимая (совершенно правильно), что это само собой разумеется. Теперь же они могут начать сомневаться, кому-то покажется, что он находится в неправильном теле и т. д. Может дойти до того, что человек поймёт необоснованность своих предположений, когда уже хирургически сменит

пол, а вернуться назад уже будет нельзя. То есть, тему половой принадлежности ребёнка следует обсуждать только в том случае, если сам ребёнок начнёт реально в ней сомневаться.

На мой взгляд, само по себе выделение только двух подходов к проблемам пола неверно. Например, Е. Б. Хитрук называет две парадигмы: «классическую метафизическую», порождающую эссенциализм и натурализацию пола, и постметафизическую, способную осуществить его денатурализацию [14, с. 19 и далее]. Это и есть дуализм, который Хитрук критикует, когда говорит о бинарных оппозициях как об устаревшем подходе классической философии [Там же, с. 273]. Думается всё же, что диалектика (если не понимать её упрощённо, как только признание этих оппозиций) никогда не устареет. Естественное (синонимы: «природное», «натуральное») и социальное являются диалектическими противоположностями, которые не только исключают друг друга, но и взаимопроникают друг в друга и взаимодополняют друг друга. Следовательно, логично предположить, что возможен (более того, необходим) третий подход, который учитывает как естественные, так и социальные составляющие половой дифференциации.

Гендерные роли тесно связаны и с половой принадлежностью, и с социальными практиками. По сути, они и есть биосоциальные роли, о которых я упоминала ранее. В настоящее время общество часто продолжает предписывать женщине быть послушной, покладистой, не выходить за рамки домашних обязанностей. Частично это объясняется тем, что культурные стереотипы очень прочны, частично тем, что мужчины имеют физическое превосходство, чтобы подчинить женщину и иметь возможность наказать за неподчинение. То есть, такие требования к женщине обоснованы не безликим социумом, а биологическими особенностями мужчины и женщины. Далее – отсутствие необходимости находиться рядом с малыми детьми – позволяет мужчинам быть более успешными в общественной жизни. Всё это согласуется с естественной функцией мужского пола – способствовать развитию. Всё названное является биологическим основанием гендерных ролей, к которым общество добавляет различные требования «по вкусу».

Е. Б. Хитрук пишет, что в контексте постфеминистской философии быть женщиной, «значит – быть сконструированным той или иной исторически сформированной дискурсивностью, как то естественное начало, которое в определённой степени обеспечивает жизнеспособность данной формы дискурса» [14, с. 147]. То есть, получается, что женщина не имеет ничего своего, устойчивого, она – просто конструкция, созданная общественными отношениями. Категорически с этим не согласна. Женщина может полностью добровольно или вынужденно отказаться от выполнения функций, предназначенных ей биологией. Она может не рожать, не воспитывать детей, не заниматься сексом. При этом она не становится мужчиной или неким «просто человеком» без каких-либо половых признаков. Биологически она остаётся женщиной, что, несомненно, будет оказывать влияние на её социальное поведение.

Так же, как и в отношении женщин, постмодернисты отмечают сконструированность мужского идеала и обоснованность им мужских гендерных ролей. Что порождает сложности для тех мужчин, которые в чём-то этому идеалу не соответствуют. Э. Бадентэр пишет: «Мужчина представляет собой рукотворный продукт, отличающийся от творения природы, и как таковой он постоянно подвергается риску быть признанным продуктом с изъяном, подобно браку производства, с дефектом в мужском оснащении. Короче, мужчина может оказаться несостоявшимся» [2, с. 13–14]. Соглашаясь с тем, что идеал мужчины как смелого, успешного, почти лишённого эмоций и т. д. является социальным конструктом и продолжает уже без необходимых оснований навязываться со стороны общества и мужчинам, и женщинам, хочу уточнить. По моему мнению, социально сконструированный идеал «настоящей мужественности» имеет и естественные, и социальные предпосылки. Идеал мужественности (нравственная норма) сформирован многовековым опытом человечества. Он создавался как отражение поведения мужчин, подчиняющихся естественно возникшей норме защиты своей группы. Некоторые мужчины совершают подвиги, так как в генетической программе человека есть инстинкт коллективного самосохранения. Если бы его не было, человечество не дожило бы до эпохи цивилизации. Однако так не могут вести себя все мужчины, и не только потому, что у многих преобладает инстинкт личного самосохранения. Обществу нужны разные

мужчины: и те, кто способен вступить в бой, совершить подвиг, и те, кто может создать музыкальное произведение, сделать научное открытие. Но общество продолжает осуждать «не мужественное» поведение. Здесь работает социальный конструкт, основанный на традиции. В настоящее время, если нет чрезвычайных ситуаций и войн, от мужчины уже не требуется совершать подвиги. Пришло осознание того, что мужчина имеет право выражать открыто свои эмоции, быть «мягким», покладистым. Поэтому в настоящее время возникает новый, менее однозначный, социальный конструкт категории «мужчина».

На воспитание мальчиков, как и девочек, влияют одновременно и биологические особенности их тела, и гендерные представления, господствующие в определённой эпохе. К сожалению, мы пока живём в обществе, когда будущий мужчина должен быть готов к возможной военной службе, что накладывает на его воспитание некоторые особенности. Конечно, убеждение, что настоящий мужчина – это обязательно готовый солдат, характерно для милитаристски настроенного общества. Оно не учитывает того, что мужчины от рождения или благодаря воспитанию разные, имеют различные ценности и цели, и так же, как не все женщины желают рожать, так и многие мужчины, которых становится всё больше, не желают воевать и убивать себе подобных. Вместо этого они предпочитают создавать что-либо новое, или просто жить, занимаясь мирным трудом. Разумеется, в случае внешней опасности, вероятность которой в современном мире ещё велика, такие мужчины будут вынуждены воевать.

Выводы. Итак, надо различать биологическую, биосоциальную и социальную сущности человека. Биологическая сущность остаётся неизменной и будет такой ещё долго, если только общество не вздумает вмешаться на генетическом уровне в морфологию, физиологию и глубинную психологию человека.

Биосоциальная сущность выражается только в том, что человек имеет и природную, и социальную составляющие, поэтому она также остаётся неизменной. Данный вывод не изменится, даже если будут реально созданы киборги, так как они будут обладать своей, иной сущностью.

Социальная сущность человека проявляется в особенностях его социальных ролей, и она способна меняться, так как общество на разных этапах своего развития и в различных регионах обладает качественным разнообразием, что неизбежно сказывается на сущности живущих в данный период и в данном регионе людей.

Взаимосвязь биологической и социальной сущности человека проявляется в том, что его природная и социальная стороны взаимодействуют между собой. Социальное держит биологию под контролем, подавляет нежелательные для общества проявления психики человека, «ремонтирует» поломки биологического тела. Но в то же время, социальное постоянно приспосабливается к биологическому. Например, одежду шьют такую, чтобы подходила к телу. Соглашаясь с тем, что брюки и удобная обувь для мальчиков, а юбки и обувь на шпильках для девочек навязаны обществом, вспомним, что бельё для них было и будет разным.

Можно сказать, что «денатурализация» в ином, отличном от постмодернистского подхода смысле – это процесс подчинения естественного социальному: лишение естественных морфологических органов и генетических программ своих устойчивых функций; возникновение новых, социальных, изменчивых функций. Происходит это из-за расширения в жизни людей роли мышления и сознания, которые уже не ограничиваются созданием стратегий элементарного выживания, решают задачи развития и совершенствования общества. Однако такая денатурализация не может быть полной, она всегда частичная.

Сторонники постмодернистского (более конкретно – постфеминистского) направления правы во многих своих утверждениях, но учитывают лишь одну из составляющих человека – его зависимость от гендерных представлений на каждом определённом этапе существования. Это мне напоминает советские учебники по философии, в которых говорилось, что нет общества вообще, есть конкретные формации. Да, конечно, абстрактного «общества вообще» не существует, но во всех конкретных крупных объединениях людей есть сходные черты, которые и позволяют называть их обществом. Так же и с человеком. Утверждение, что нет мужчин и женщин «вообще», а есть лишь представители своей эпохи с навязанными им гендерными ролями, также не учитывает, что в каждом мужчине и в каждой женщине на каждой исторической ступени есть не только особенное и единичное, но

и общее. При этом отнесение к общему и особенному относительно. Общими можно считать наличие общих для мужчины и для женщины признаков пола. Это чисто биологическая составляющая сущности мужчины и женщины. Можно обнаружить социальные сущностные черты мужчин и женщин определённой эпохи или определённого этноса и т. д. Если эссенциализм, который критикуют постмодернисты, считает сущность человека неизменной, то сам постмодернизм абсолютизирует изменчивость, являясь разновидностью релятивизма. И лишь диалектика единичного и общего, устойчивого и изменчивого, естественного и социального может представить целостную картину сущности мужчины и женщины, человека в целом.

Список литературы

1. Бабаян С. С. Гендер и межкультурная коммуникация: потенциальные поля пересечения // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. № 15. С. 285–289.

2. Бадентэр Э. Мужская сущность / пер. с фр. И. Ю. Крупичевой, Е. Б. Шевченко. М.: Новости, 1995. 304 с.

3. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / сост. и коммент. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 297–346.

4. Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии: пер. с англ. / сост. Э. Гарри, М. Пирсел. М.: РОССПЭН, 2005. С. 292–303.

5. Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 235–257.

6. Вершинина Д. Б. Гендерные аспекты истории Запада: основные дискуссионные поля. Текст: электронный // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 4. URL: https://www.cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-istorii-zapada-osnovnye-diskussionnye-polya (дата обращения: 05.01.2020).

7. Геодакян В. А. Половой диморфизм и «отцовский эффект» // Журнал общей биологии. 1981. № 5. С. 657–668.

8. Геодакян В. А. Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РАН, 1965. С. 105–112.

9. Киммел М. Гендерное общество: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.

10. Кирей-Ситникова Я. Трансгендерность и трансфеминизм. М.: Саламандра, 2015. 200 с.

11. Номеровская А. Д. Понятие нормативности в современных теориях гендерной идентичности. Текст: электронный // Парадигма: философско-культурологический альманах. URL: https://www.cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-normativnosti-v-sovremennyh-teoriyah-gendernoy-identichnosti (дата обращения: 05.01.2020).

12. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб.: Акад. Проект, 2004. Т. 2. 432 с.

13. Хитрук Е. Б. Гендерное пересечение как фактор денатурализации половых различий в теории Дейдры Макклоски. URL: https://www.researchgate.net/publication/324600302_Gendernoe_peresecenie_kak_faktor_denaturalizacii_polovyh_razlicij_v_teorii_Dejdry_Makkloski (дата обращения: 15.01.2020).

14. Хитрук Е. Б. Стратегии денатурализации категорий «мужское» и «женское» в современной философии: дис ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Томск, 2018. 375 с.

15. Ashmore R. D., Sewell A. D. Sex/Gender and the Individual. URL: https://www.link.springer.com/chapter/10.1007 %2F978-1-4419-8580-4_16 (дата обращения: 05.01.2020). Текст: электронный.

16. Klysing A. Exposure to Scientific Explanations for Gender Differences Influences Individuals' Personal Theories of Gender and Their Evaluations of a Discriminatory Situation. Текст: электронный // Sex Roles. Volume 82, Is. 5–6. Pp. 253–265. URL: https://www.link.springer.com/article/10.1007/s11199-019-01060-w (дата обращения: 05.02.2020).

17. Money J. and Ehrhardt, A. A. Man and woman, boy and girl: Differentiation and dimorphism of gender identity from conception to maturity. Baltimore: Johns Hopkins U. Press, 1972. 311 p.

Статья поступила в редакцию 08.02.2020; принята к публикации 28.02.2020

Сведения об авторе

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: dialectica@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-3251-4076.

Библиографическое описание статьи

Субботина Н. Д. Устарели ли понятия «сущность женщины» и «сущность мужчины»? // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 43–53. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-43-53.

References

1. Babayan, S. S. Gender and intercultural communication: potential intersection fields. Bulletin of KSU named after N. A. Nekrasov. no. 15, pp. 285–289, 2009. (In Rus.)

2. Badenter, E. Men's Essence. Transl. from French by I. Yu. Krupichevoi, E. B. Shevchenko. M: Izd-vo "Novosti". 1995. (In Rus.)

3. Batler, J. Gender Concern. Anthology of gender theory / comp. and comment. E. I. Gapova and A. R. Usmanova. Minsk: Propilei, 2000: 297–346. (In Rus.)

4. Batler, J. The appropriation of gender by the body: the philosophical contribution of Simone de Beauvoir. Women, cognition and reality: Studies on feminist philosophy.Comp. E. Harry, M. Piersel; trans. from English. M: ROSSPE`N, 2005: 292–303. (In Rus.)

5. Batler, J. Accidentally Foundations: Feminism and the Question of "Postmodernism". Introduction to Gender Studies. Part II / Ed. S. V. Zherebkin. Xar`kov: XCzGI, 2001; SPb: Aletejya, 2001: 235–257. (In Rus.)

6. Vershinina, D. B. Gender aspects of the history of the West: the main discussion fields. Bulletin of Perm University, no.4, 2017. Web. 05.01.2020. https://www.cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-istorii-zapada-osnovnye-diskussionnye-polya. (In Rus.)

7. Geodakyan, V. A. Sexual dimorphism and the "paternal effect" // Journal of General Biology, no. 5, pp. 657–668, 1981. (In Rus.)

8. Geodakyan, V. A. The role of sexes in the transfer and transformation of genetic information. Problems of information transfer: in 2 v. V. 1. M. Izdatel'stvo RAN, 1965: 105–112. (In Rus.)

9. Kimme,l M. Gender Society / trans. from English. M: ROSSPE`N, 2006. (In Rus.)

10. Kirei-Sitnikova, Ya. Transgender and Transfeminism. M: Salamandra, 2015. (In Rus.)

11. Nomerovskaya, A. D. The concept of normativity in modern theories of gender identity. Paradigm: philosophical and cultural almanac. Web. 05.01.2020. https://www.cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-normativnosti-v-sovremennyh-teoriyah-gendernoy-identichnosti. (In Rus.)

12. Fuko, M. Use of pleasures. History of sexuality. SPb: Akadem. proekt, 2004. V. 2. (In Rus.)

13. Khitruk, E. B. Gender intersection as a factor in the denaturation of gender differences in Deidra McCloskey's theory. Web. 05.01.2020. https://www.researchgate.net/publication/324600302_Gendernoe_peresecenie_kak_faktor_denaturalizacii_polovyh_razlicij_v_teorii_Dejdry_Makkloski (In Rus.)

14. Khitruk, E. B. Strategies for the denaturation of the categories "masculine" and "feminine" in modern philosophy. Dr. philos. sci. diss. Tomsk, 2018. (In Rus.)

15. Ashmore, R. D., Sewell A. D. Sex/Gender and the Individual. Web. 05.01.2020. https://www.link.springer.com/chapter/10.1007 %2F978-1-4419-8580-4_16. (In Engl.)

16. Klysing, A. Exposure to Scientific Explanations for Gender Differences Influences Individuals' Personal Theories of Gender and Their Evaluations of a Discriminatory Situation. Sex Roles, no. 5–6, pp. 253–265, Web. 05.01.2020. https://www.link.springer.com/article/10.1007/s11199-019-01060-w (In Engl.)

17. Money, J. and Ehrhardt, A. A. Man and woman, boy and girl: Differentiation and dimorphism of gender identity from conception to maturity. Johns Hopkins U. Press. 1972. (In Engl.)

Received: February 8, 2020; accepted for publication February 28, 2020

Information about author

Subbotina Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: dialectica@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-3251-4076.

Reference to the article

Subbotina N. D. Are the Concepts of "Essence of a Woman" and "Essence of a Man" Out of Date? // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 43–53. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-43-53.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 17.026.2
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-54-65

Андрей Анатольевич Сычев,
Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Россия),
e-mail: sychevaa@mail.ru

Этапы морального нормотворчества

В статье рассмотрены основные этапы морального нормотворчества. Автор утверждает, что первый поворот в истории связан с появлением нормотворчества как такового. Субъектом нормотворчества в этот период была община, а механизмом отбора норм – эволюция, способствовавшая выживанию групп с наиболее эффективной системой табу. Базовые запреты были направлены на преодоление животных инстинктов, а основной формой обоснования требований была мифология. В результате второго нормотворческого поворота субъектом нормотворчества стал индивид, принимающий свободное решение и ответственность за него. Путь к нормотворчеству предлагали философские практики «заботы о себе». Третий нормотворческий поворот был призван вернуть человека к состоянию эмоционального единения с ближним, нарушенному развитием критического мышления. Путь воссоединения с Другим религия усматривала в любви. Усложнение социальных взаимодействий в Новое время привело к последнему повороту, предполагающему рациональное согласование интересов на основе правовых механизмов. Все признаются равными перед правом и наделяются равными правами. Однако приоритет индивидуальных прав приводит к тому, что личное достоинство человека оказывается выше любых потребностей и интересов общества, культуры, религии, нации, традиции. Современная мораль находится в кризисной ситуации и ищет новые ориентиры для очередного нормотворческого поворота, при котором права индивида, сохраняя свою универсальность, могли бы согласовываться с правами социальных групп и общества в целом. Для этого, с одной стороны, нужно перейти от правовых абстракций к конкретному человеку с уникальной идентичностью, а с другой – показать, что в процессе принятия моральных решений он должен принимать во внимание не только свои интересы, но и интересы группы, общества, человечества в целом.

Ключевые слова: нормотворчество, нормативность, мораль, суггестия, табу, любовь, права человека

Andrey A. Sychev,
Mordovia State University
(Saransk, Russia),
e-mail: sychevaa@mail.ru

Stages of Moral Norm-Creating

The article discusses the main stages of moral norm-creating. The author claims that the first normative turn in history is associated with the appearance of norm-creating as such. The subject of norm-creating during this period was the community, and the mechanism of selection of norms was evolution, which contributed to the survival of groups with the most effective system of taboos. Basic prohibitions were aimed at overcoming animal instincts, and the main form of justification of norms was mythology. As a result of the second norm-creating turn, an individual making a free decision and taking responsibility for it became the subject of norm-creating. The path to norm-creating was suggested by philosophical practices of “self-care”. The third norm-creating turn was intended to return a person to a state of emotional unity with the Other, disrupted by the development of critical thinking. Religion declared that the way of reuniting with the Other was love. The increasing complexity of social interactions in modernity resulted in the last turn, which involved rational coordination of interests based on legal mechanisms. All people are recognized equal before the law and have equal rights. However, the priority of individual rights resulted in the situation when the personal interests are becoming more important than any needs and interests of society, culture, religion, nation, tradition. Contemporary morality is in a crisis situation and mankind is looking for new guidelines for the next norm-creating turn, in which the individual’s rights, while maintaining their universality, could be harmonized with the rights of social groups and society as a whole. To do this, on the one hand, it is necessary to move from legal abstractions to a specific person with a unique identity and, on the other hand, to show that in the process of making moral decisions person must take into account not only individual interests but also the interests of the group, society, humanity as a whole.

Keywords: norm-creating, normativity, morality, suggestion, taboo, love, human rights

© Сычев А. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Введение. На протяжении большей части истории человечества моральный выбор человека совершался в чётко определённом ценностно-нормативном контексте, заданном традицией, религией, философией, правом. Усиление культурного и идеологического разнообразия вызвало неустранимый конфликт различных концепций и интерпретаций блага, а возросшая автономия личности привела к ситуации, в которой личные интересы были поставлены выше интересов культуры, общества и человечества в целом. В итоге у современного человека нет устойчивых нравственных ориентиров для оценки действий, а границы между процессом принятия решения и произвольным выбором полностью стёрты.

А. Макинтайр – один из ведущих представителей современной этики – утверждает, что «в области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы продолжаем использовать многие из ключевых её выражений. Но мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретическое, так и практическое» [8, с. 7].

В условиях кризиса особое значение приобретают вопросы поиска базовых ориентиров для морального нормотворчества как процесса создания, изменения и отмены ключевых нравственных норм. Для этого важно выявить историческую логику нормотворчества, понять изменения, которые происходили с базовыми моральными принципами в прошлом, определить механизмы, способствующие конструктивному нормотворчеству. С этой точки зрения современный кризис можно рассматривать не только как состояние хаоса в морали, но и как мощный стимул для творческого обновления нормативно-ценностной системы общества.

Методология и методы исследования. Для изучения процессов создания и трансформации моральных норм использован сравнительно-исторический подход, позволивший выявить особенности нормотворческой деятельности на различных этапах исторического развития. В исторической ретроспективе рассмотрены основные субъекты нормотворчества, механизмы отбора норм, базовые характеристики центральных для той или иной эпохи моральных принципов (табу, золотое правило, заповедь любви, концепция прав человека и т. д.).

В рамках заявленного подхода использовались идеи Б. Ф. Поршнева о суггестии и контрсуггестии как движущих силах духовного развития на ранних этапах истории, А. Хоннета о трёх этапах признания: эмоциональном, правовом и социальном, а также А. Макинтайра о кризисном, фрагментированном состоянии современной морали.

Согласно выдвинутой гипотезе логика развития нормотворчества на современном этапе обусловливает приоритетность разработки норм, ориентированных на развитие уникальности и поддержание социальной солидарности.

Результаты исследования и их обсуждение. Человек, говоря словам И. Г. Гердера, является существом, созданным из сплошных недостатков и пробелов: он уступает другим млекопитающим в остроте чувств, реакции, физической силе, способности нападать и защищаться. По сравнению с животными его инстинкты ослаблены настолько, что в начале жизни он долгое время не способен удовлетворять даже самые элементарные потребности без внешней помощи [4, с. 104; 16, с. 20]. Ущербность и уязвимость человека, однако, компенсируются исключительными интеллектуальными и коммуникационными способностями, благодаря которым он приобретает возможность выстраивать планы на будущее, заниматься сложной орудийной деятельностью, общаться и передавать информацию из поколения в поколение. Для координирования этих сложных действий над биологическими программами поведения надстраивается особый – нормативный уровень регуляции.

Поскольку человек не способен успешно конкурировать с животными на поле инстинктов, система нормативной регуляции первоначально была нацелена на то, чтобы вывести его из-под контроля зоологических импульсов (прежде всего, тех, что способствовали внутригрупповой агрессии) и сформировать альтернативную программу деятельности, использующую сильные стороны человеческой природы. Учитывая способности человека к долгосрочному планированию и координации, наилучшим образом выживанию могла способствовать коллективная деятельность, предполагающая взаимную поддержку соплеменников.

На основании надбиологической нормативной регуляции сформировалась первобытная община как переходное состояние между животным стадом и обществом в современном понимании этого слова. Нормы, регулирующие общинные взаимодействия, в отличие от общественных норм, ещё не были достаточно сложными и дифференцированными. Исторически первым, элементарным вариантом общинной нормы являлось табу, в зачаточном состоянии содержавшее элементы, которые позднее эволюционировали в религиозные, моральные, правовые регуляторы. Появление табу, таким образом, стало *первым нормотворческим поворотом* в ходе эволюции человека.

В процессе не только хранения и передачи, но и формирования табу ключевую роль сыграла вторая сигнальная система. Б. Ф. Поршнев утверждает, что на ранних этапах развития основной целью языка была не передача информации, а суггестия: «Абсолютно не нужен наисложнейший аппарат, который подталкивал бы человека сделать то самое, к чему подталкивают его внешние и внутренние ощущения и импульсы, его опыт, логика вещей. Вторая сигнальная система должна была прежде всего подавлять все эти естественные мотивы поведения в индивидуальном организме, иначе нельзя было бы заменить их другими» [10, с. 193]. Вне зависимости от того, являлась ли суггестивная функция базовой, нельзя не признать, что в условиях некритического восприятия действительности язык мог служить мощным средством управления. Психика первобытного человека была полностью открыта для внушения и манипулирования. Формирующееся сознание, уже достаточно развитое для противостояния инстинктам, было всё же слишком слабым для контрсуггестии (противостояния языковому внушению). По свидетельствам исследователей, представители примитивной общины настолько слепо верили в то, что нарушение табу может привести к катастрофическим для них последствиям, что могли заболеть и умереть от страха перед неминуемым наказанием [12].

Табу были направлены, прежде всего, на формирование такого индивида, который мог бы ограничить первичные потребности и даже отбросить их, если это было необходимо, ради выживания рода. Табу могли заставить человека действовать вопреки инстинктам самосохранения и продолжения рода, ограничивать себя в пище и т. д.

По мнению Н. Н. Моисеева, особое место в системе запретов, ограничивающих действие биосоциальных законов, «занимает табу “не убий!”, утверждение которого перевело процесс развития рода человеческого из канала биологической эволюции в канал общественного развития» [9, с. 3]. На первых порах это требование относилось только к одноплеменникам, однако даже в этом виде оно стало переворотным этапом в развитии человечества, заложив предпосылки для формирования нравственности. Это табу позволило ограничить унаследованную от животного агрессивность, которая в условиях возрастающей орудийной мощи людей могла привести их к взаимному истреблению.

Не менее значимыми были табу, которые касались обуздания сексуального инстинкта и требовали подавления половых желаний по отношению к представителям рода. Сомнительно, что первобытные люди знали что-либо о генетическом вырождении; скорее, экзогамия позволила избежать кровопролитной борьбы внутри рода за женщин, а значит, снизила уровень агрессивности в группе. Возможно, у предков человека (как и у ряда современных человекообразных обезьян) была гаремная организация коллектива, когда самый сильный самец охранял единоличные права на самок от других самцов до той поры, пока не уступал место следующему лидеру. Такая система, несомненно, постоянно воспроизводила конфликты, подстёгивающие естественный отбор самых сильных особей. З. Фрейд, прилагая идею Эдипова комплекса к проблеме происхождения табу, утверждает, что именно «запрет на инцест сумел прервать замкнутый круг убийств: сыновья, убив лидера-отца, запретили и владение женщинами рода, уничтожив тем самым повод для дальнейших конфликтов» [12].

Другие физиологические потребности (в пище, воздухе, сне) невозможно подавить, однако существовали табу и практики, пытающиеся поставить под контроль и эти сферы. Так, во всех культурах имеются запреты на употребление определённых продуктов (или любой пищи в определённое время и определённых условиях). Как и в других случаях, пищевое табу – это преодоление биологической детерминации

поведения. Человек, который не способен на элементарную жертву – отказаться от пищи, по-видимому, не сможет преодолеть свои инстинкты и в более серьёзных случаях. В этом смысле исполнение пищевого табу – такое же важное удостоверение человеческого, как и способность отказаться от убийства соплеменника или ограничить инстинкт продолжения рода, а потому имеет определённое нравственное значение. Кроме того, поскольку типы пищевых табу разнообразны, они усиливают чувство сопричастности в группе и, как правило, являются яркими маркерами групповой идентичности. Потребность в воздухе ещё сложнее контролировать, однако в некоторых восточных культурах разработаны особые практики контроля дыхания. Существуют также табу, связанные со сном (например, запреты спать на животе, в обуви) и т. д. Таким образом, способность под влиянием табуирования тем или иным образом контролировать свои физиологические потребности стала основным водоразделом между человеческим и животным.

Центральное место в системе табу занимали запреты на убийство, инцест и употребление определённых продуктов. Эти табу являются культурными универсалиями: хотя конкретные требования могут варьироваться, вряд ли можно обнаружить сообщество на любом уровне развития, где подобных запретов нет. В ходе развития эти центральные табу дополнялись новыми, основной задачей которых было пресечение возможностей для нарушения первичных табу. При этом в полном соответствии с особенностями мифологического мышления между вторичными и первичными запретами не обязательно присутствовали логические причинно-следственные связи: достаточно было простой аналогии. Кроме того, помимо запретов начали возникать и позитивные предписания, или бывшие оборотной стороной запрета, или способствующие поддержанию запрета. Например, оборотной стороной запрета на сексуальные отношения внутри рода было предписание брать жён из другого рода. Требование уважительного отношения к старшим родственникам было одной из норм, способствовавших лучшему исполнению базового запрета на убийство соплеменников.

На раннем этапе развития главными источниками подобного нормотворчества являлись не отдельные люди (они были средством для выживания рода), а группы, предъявляющие своим членам нормативные требования. Сами же группы находились в состоянии постоянной борьбы между собой. Если внутри группы поведение людей ещё было регламентировано табу, то межгрупповые отношения не подчинялись никаким нормам. Тем не менее, эта абсолютно неморальная борьба представляется важным условием нормотворческого процесса. Механизм формирования и утверждения моральных норм в этих условиях носил не сознательный, а преимущественно эволюционный характер: закреплялись и воспроизводились те нормы, которые способствовали выживанию групп, укреплению связей внутри них, стабильности социальных взаимодействий, в то время как те нормы, которые приводили к обратному результату, отсеивались. При этом первоначально отсеву, видимо, подвергались не столько ущербные нормы, сколько их коллективные носители.

Иными словами те группы, в которых не были чётко сформулированы соответствующие запреты и предписания (запрет на убийство соплеменников и инцест, требование уважения к старшим или консолидации для защиты от врагов), вымирали, деградировали или же ассимилировались, принимая нормативную систему более развитых сообществ. Скорость такой «нормативной эволюции» по сравнению с эволюцией природной была чрезвычайно высокой: за какой-то «планетарный миг» человек приобрёл ощутимое преимущество перед другими видами и распространился по всей Земле. В результате этой ускоренной эволюции к «осевому времени» в различных частях мира эволюционным путём сформировались развитые системы нормативной регуляции, поддерживающие сходные запреты.

Организация жизни первобытной общины во многом была предопределена системой табу. Обряд инициации в этом контексте можно рассматривать как проверку готовности молодых членов племени к самоограничениям, удостоверение их способности соблюдать запреты. Ритуальный праздник, на котором все эти запреты отменялись, служил психологической отдушиной, позволявшей на время ослабить напряжение, вызванное необходимостью постоянного ограничения естественных желаний. Соответственно, в мифологической перспективе он был символическим разыгрыванием «золотого века», когда человек

был частью природы, никаких запретов ещё не было и все делали то, чего желали. Однако, как утверждают мифы самых различных народов, человек отпал от природы, вышел из животного состояния и за этот «изначальный грех» должен расплачиваться подчинением нормам.

Хотя многие табу имели моральное значение, они ещё не были моралью в полном смысле слова. Точнее говоря, это была, употребляя термин Л. Кольберга, доконвенциональная мораль, приблизительно соответствующая состоянию нравственного сознания ребёнка, который не совершает плохих поступков лишь из-за боязни наказания. Табу поддерживалось исключительно страхом перед санкциями. Невыполнение базовых табу вело к смерти: нарушителя убивали члены племени, либо он сам умирал от осознания ужаса содеянного. Фактически человек был полностью подавлен коллективом и лишён свободы выбора. Частично освободившись от рабства инстинктов, он попал в ещё более изощрённое рабство общинных табу. Однако теперь у него уже было сознание, достаточно развитое для того, чтобы осмыслить это состояние и осмелиться противостоять ему.

Тем не менее, полное подчинение индивида коллективным нормам, основанным на табу и суггестии, ведёт к ряду проблем. Интересы и потребности индивида здесь принимаются во внимание только в той мере, в какой они способствуют выживанию коллектива. В остальных случаях они жёстко подавляются, провоцируя внутренне напряжение и подсознательное противодействие: «В самом деле, достигшая своего расцвета в чистом виде суггестия даже с биологической точки зрения таит в себе катастрофу. Столь велика эта сила воздействия одного организма на рефлексы другого, что в принципе она может нарушить течение любых физиологических функций, прервать удовлетворение неотложнейших биологических потребностей, привести к гибели» [10, с. 195]. Первым шагом для освобождения от тирании суггестии является негативная реакция на неё – контрсуггестия.

Основной предпосылкой для успешной контрсуггестии считается развитие мыслительных способностей человека. Умение отличать истинное от ложного, естественное от сверхъестественного, осознание причинно-следственных связей между явлениями, отделение их от случайных совпадений – всё это формирует критичное отношение к нормам. Человеку с развитым критическим мышлением, полагает Н. Д. Субботина, нельзя ничего внушить: его можно только убедить, предъявив доказательства своей правоты.

Распространение критического мышления привело ко *второму нормотворческому повороту:* «Таким образом, развитие мышления дважды ломало основу общественного регулирования. В первый раз, возникнув в процессе антропосоциогенеза, оно ликвидировало инстинктивную регуляцию. Во второй раз, с установлением цивилизации, логическое мышление подорвало (но не уничтожило полностью) регуляцию, базирующуюся на суггестии» [11, с. 34].

Условия для развития критического мышления были в целом подготовлены неолитической революцией, приведшей к социальному расслоению общества и разрушившей родоплеменные связи. В ходе этой революции усложнилась социальная структура, появились города, возникли крупные государства, толчок для развития получила культура, появились религия и философия. В ряде высокоорганизованных городских структур человек обрёл определённую степень независимости от общины. Иными словами, появление контрсуггестии знаменует начало истории.

В процессе перехода к новой форме регуляции нормы различных социальных групп критически переосмысливаются, и на их основании вырабатывается более широкое понимание морали, которое может служить основой для сосуществования множества общин в одном обществе. Пик этого процесса, по мнению К. Ясперса, приходится на период между 800 и 200 гг. до н. э., названный им «осевым временем». В это время жили Конфуций, Будда, Моисей, Сократ и другие выдающиеся личности, заложившие нормативные основания мировых религий и ведущих философских систем. А. А. Гусейнов называет их «великими моралистами», поскольку те «во-первых, предложили нравственно акцентированные жизненные программы, каждый из них разработал собственную оригинальную модель сознательного существования, в рамках которой нравственные обязанности человека соединяются со стремлением к благополучию и счастью, во-вторых, они испытали эти программы собственным опытом, явив собой конкретные образцы того понимания жизни, которое они обосно-

вывали и убеждённо проповедовали» [5, с. 58].

Фокус нормотворчества в «осевое время», таким образом, смещается с коллектива на свободного и автономного индивида. Моральная норма в отличие от табу реализуется осознанно, свободно и добровольно (а не из страха возмездия); имеет развёрнутое философское или религиозное обоснование, способное убедить критически настроенного субъекта; а санкция за её нарушение – это уже не неминуемая смерть, а общественное неодобрение и угрызения совести. При этом нельзя утверждать, что индивид при переходе на новый уровень морального развития отбрасывает нормативное наследие предшествующих традиций. Скорее, он сравнивает, пересматривает, творчески перерабатывает и обобщает его со своей уникальной позиции. Именно в этом поле напряжения между традицией и свободным выбором возникает мораль в полном смысле этого слова. В каждом отдельном случае человек должен делать свой моральный выбор, учитывая как сложившуюся традицию, так и собственные убеждения. В этом смысле нормотворчество – это занятие не только «великих моралистов», но и (хотя и в несоизмеримо меньшем историческом масштабе) каждого индивида, совершающего свободный моральный выбор в конкретных обстоятельствах своей жизни.

По мнению Г. В. Ф. Гегеля, для европейской культуры вершиной этого процесса является философия Сократа: «Центральным пунктом всего всемирно-исторического поворота, составляющего сократовский принцип, является то, что место оракулов заняло свидетельство духа индивидуумов, и что субъект взял на себя акт принятия решения» [2, с. 70].

Греческий полис предоставил своим гражданам широкие права и свободу, прецедентов которой в предшествующей истории не было. Сократ исходил из первичности этой свободы, как для теоретического познания, так и для практического поведения. Мудрым, по его мнению, может быть лишь тот человек, который не порабощён формальными нормами, расхожими мнениями и общепринятыми моделями рассуждений. Путь к познанию начинается с сомнения во всём, что кажется всем известным и само собой разумеющимся. Сомнительным для него представляется всё, что дано в готовом виде, а истинным – то, до чего человек дошёл сам, используя собственный разум. Собственно, поэтому Сократ никогда не передавал знаний в готовом виде, а собеседникам лишь провоцировал их в своих диалогах на то, чтобы они сами пришли к истине. В соответствии с этим и мораль для Сократа – это не следование исхоженными дорогами, а выбор правильного пути на основании собственного разума.

На примерах собственной жизни и смерти Сократ доказал, что многовековые нравственные традиции можно и нужно переосмысливать со своей индивидуальной позиции, продвигаясь вперёд по пути морального совершенства. Однако такая позиция показалась большинству сограждан Сократа опасным инакомыслием, ведущим к разрушению системы традиционных ценностей. Сократа обвинили в том, что он вводит новых богов (понимая под богом «демона» Сократа, представлявшего его внутренний голос). Голос совести и разума (в отличие от гласа оракула) всё ещё представлялся большинству чем-то случайным, а следование ему – опасным.

Сократ выступил против традиции, был уничтожен традицией, но, в конечном итоге, победил традицию. Идеи Сократа заложили основу того магистрального пути, по которому пошла европейская философия, принявшая положения о главенстве разума и о свободе индивидуального морального выбора в качестве исходных пунктов теоретической рефлексии.

Вся система моральных норм, начиная с Сократа, сфокусирована, прежде всего, на индивиде. Не случайно фундаментом нормативности в этот период становится золотое правило нравственности («не делайте другим того, чего не хотите себе»), в соответствии с которым человек должен действовать определённым образом по отношению к другим не потому, что так говорит авторитет (община, оракул), а потому что он сам, сообразуясь со своими желаниями, приходит к выводу, что это правильно. По мнению А. А. Гусейнова, «золотое правило в свёрнутом виде содержит этическую стратегию поведения, сформулированную по контрасту и в противовес нравственным устоям первобытного, доцивилизационного (родоплеменного, кланового) строя жизни, который держался на двух фундаментальных принципах: а) изначальном, безусловном разделении людей на “своих” и “чужих”; б) коллективной ответственности индивидов в пределах родовой общности. Золотое

правило задаёт нравственную перспективу, в которой радикальным образом снимаются оба этих принципа. По контрасту с ними а) формулируется равенство людей независимо от какой бы то ни было их групповой принадлежности и б) утверждается принцип индивидуальной ответственности поведения» [6, с. 657].

Таким образом, в результате кризиса системы родовой регуляции фокус нормотворческой деятельности сместился с коллектива на индивида, принимающего ответственность за своё решение. Самые яркие примеры таких индивидов представлены именами Конфуция, Будды, Сократа и других «великих моралистов». Уделом всех остальных остаётся лишь стремиться к этим вершинам путём индивидуальных усилий, работы над собой, самосовершенствования: тех практик, которые греческие философы называли «заботой о себе».

Нормотворческий потенциал античной философии базировался на человеке, взятом в его единичности и самостоятельно принимающем разумные решения. Последовательное развитие этой линии мысли оставляло человека «наедине с собой», без стабильной поддержки и опоры при решении морально значимых дилемм. Пути спасения от неизбежно возникающих при этом одиночества, неопределённости, душевного раскола человеку предлагала, прежде всего, религия. Мировоззренческие ориентиры эпохи Средневековья определило христианство, заложившее основу для *третьего нормотворческого поворота* в европейской истории и культуры.

Человек в религии не может быть один. Основная функция религии – воссоединять, связывать *(religare)* человека с Другим – в первую очередь с Богом. В свою очередь, необходимым условием таких отношений является тесная эмоциональная связь с ближним: «Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» [Ин. 4:20]. Религия в этом смысле есть преодоление единичности: рядом с «Я» всегда присутствует «Ты». Поэтому основные христианские добродетели (в отличие от античных мудрости, мужества и благоразумия) неустранимо диалогичны: вера, надежда и любовь всегда являются верой в кого-то, надеждой на кого-то, любовью к кому-то.

Субъектом нормотворчества в христианстве становится не изолированный индивид, а человек в его единстве с Богом, с ближним, с церковью как сообществом верующих. Фундамент этого единства – это любовь, которая в самом ярком виде обозначает чувственное стремление человека к единству, в котором человек (в отличие от члена родовой общины) остаётся собой, не растворяясь в коллективе и не лишаясь свободы выбора. Г. Гегель писал об этой особенности так: «Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом я и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать самим собою» [3, с. 107]. Любовь в этом смысле есть преодоление абстрактных рассудочных границ и различий, выход из состояния душевного раскола в пространство полноты жизни, раскрытие перспективы бесконечности. Способность любить ближнего удостоверяет способность любить Бога, а любовь к Богу задаёт основания для нормотворчества, начальным источником которого (как, впрочем, и всего остального в мире) является Бог.

Фундаментом христианской нормативности является заповедь любви: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» [Лк. 10:27]. Заповедь любви близка к золотому правилу. Она возникла на фундаменте этого правила и, в определённой степени, является его развитием и усилением [1]. Однако, в то же время, по ряду параметров она является его преодолением, в той мере как сам религиозный контекст, в который включено золотое правило, является преодолением индивидуалистического античного мировоззрения:

1. Золотое правило фокусируется на субъекте – он является источником и инициатором нормативности. В заповеди любви в таком качестве выступает Другой (как Бог, так и ближний), задающий основания для принятия решений. Субъект только удостоверяет первоочередную важность Другого своим согласием. Поэтому, если золотое правило требует практиковать «заботу о себе», то заповедь любви основана на заботе о Другом.

2. Золотое правило рассудочно – фактически оно требует от субъекта всего лишь совершить мысленный эксперимент, поста-

вив себя на место Другого. Заповедь любви требует особого эмоционального отношения к Другому – деятельного и заботливого.

3. Золотое правило основано на презумпции равенства людей и в этом смысле предполагает взаимность. Заповедь любви не предполагает обязательного равенства. Так, любовь в своей исходной форме – матери к ребёнку – исходит, скорее, из изначального неравенства положения субъекта и объекта. Ребёнок слаб, беззащитен, и сама эта беззащитность, требующая определённых действий, выступает в качестве источника нормативности, императива заботы. Материнская любовь ничего не требует взамен, она является безвозмездным даром и жертвой.

4. Золотое правило не выдвигает человеку никаких требований, помимо умения самостоятельно мыслить и отвечать за свои действия. В ряде случаев это может оказаться сложной задачей, но это лишь минимум требований к моральному субъекту. Золотое правило не обязывает совершать подвиги и идти на серьёзные жертвы. Заповедь любви предъявляет максимум требований к субъекту уже в силу того, что её нормативным образцом является жертвенная любовь Бога к человеку. Иисус в Нагорной проповеди даёт стандартную формулировку золотого правила, а затем усиливает её до предела, требуя любить даже врагов и, наконец, указывает на необходимость стремиться в этой любви к совершенству: «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» [Лк. 6:36].

Таким образом, поставив на место «Я» отношение «Я – Другой» и поместив его в религиозный контекст, христианство задаёт принципиально иной по сравнению с классической античностью ориентир нормотворчества, в наиболее последовательной форме воплощённый в заповеди любви. При этом индивидуальная свобода выбора не отбрасывается, а переосмысливается, учитывая любовь к Другому.

Провозглашение любви в качестве нормы отношения к ближнему (включая чужих, соперников и даже врагов) стало предпосылкой нового понимания нормативности, заложившего важные элементы европейской культуры. А. Хоннет назвал любовь необходимым этапом морального развития, позволившим многим дискриминируемым группам получить возможность изменить своё подчинённое положение и сделать первый шаг на пути к признанию: «Из взаимного опыта любовной заботы оба субъекта знают, что они объединены в своей нужде, в своей зависимости друг от друга. Более того, поскольку потребности и эмоции могут в определённой степени получить “подтверждение” только путём непосредственного удовлетворения или взаимности, само признание должно носить характер аффективного одобрения или поощрения» [17, с. 95]. Тем не менее, любовь представляет лишь первый этап утверждения достоинства человека: одной её недостаточно для того, чтобы получить признание.

Во многом это связано с тем, что чувственная, даже аффективная природа любви делает её достаточно зыбким основанием для нормотворчества. Любое чувство трудно вменить в качестве морального долга, поскольку власть человека над ним весьма ограничена, особенно если речь идёт о сильном чувстве. Если всё же такое вменение возможно, то будет ли любовь, проистекающая исключительно из осознания долга искренней? Наконец, наличие любви далеко не обозначает, что реальное положение ближнего изменится: любовь одобряет, заботится, сочувствует, но не наделяет свой объект правами и достоинством.

Кроме того, система нормативной регуляции, основанная на отношениях «Я – Другой», создавалась для небольших и относительно замкнутых групп. Она успешно регулировала взаимодействия членов семьи, церковной общины, профессионального цеха, соседей. В таких камерных условиях эмоциональная близость и забота позволяли наилучшим образом гармонизировать социальные отношения. В условиях сложных социальных взаимодействий Нового времени таких регуляторов оказалось недостаточно. Экономический обмен, фабричный труд, бюрократическое управление, политические взаимодействия государств, массовая культура и т. д. – все эти феномены потребовали принципиально иных механизмов регуляции, что в итоге и привело к *четвёртому нормотворческому повороту*.

Б. Бауман пишет: «Сцена первичной морали – встреча лицом к лицу... Всё это изменяется, когда появляется Третий. Вместе с ним появляется настоящее общество» [14, с. 146, 150]. Вмешательство Третьего требует обговаривания и согласования интересов, рационального об-

мена, договорённостей, компромиссов и т. д. Наиболее адекватной в этих условиях оказывается правовая система нормативной регуляции – рациональная, формальная, единая для всех. Право уравнивает, позволяя избавиться от преференций, избирательности и сословности, тормозящих социальное развитие.

Другой причиной отказа от схемы «Я – Другой» стала секуляризация духовной жизни, приведшая к тому, что на место «идеального Другого» – т. е. Бога – был поставлен безличный Разум, который и был объявлен фундаментом нормативности. При этом преимущество вполне закономерно получила именно юридическая её трактовка. Ф. Энгельс отмечал в этом контексте что именно: «…юридическое мировоззрение должно было стать классическим мировоззрением буржуазии. Это было теологическое мировоззрение, которому придали светский характер. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство. Экономические и общественные отношения, которые ранее, будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством» [13, с. 496].

Влиятельную теоретическую интерпретацию этих изменений с точки зрения философии морали предложил И. Кант. Нравственность основана на безусловном повелении, долге, принуждении, а не на желаниях и склонностях. Следовательно её нельзя свести к любви (если, конечно, не трактовать любовь переносно – как долг благоволения). Кант утверждает: «Делать добро другим людям по мере нашей возможности есть долг независимо от того, любим мы их или нет, и этот долг ничуть не теряет своего значения, даже если бы мы были вынуждены сделать печальное замечание, что наш род человеческий, увы, не годится к тому, чтобы мы могли признать его достойным особой любви, если мы узнаем его» [7, с. 337].

Категорический императив гласит, что никто не должен служить в качестве только средства для других. Каждый человек, каким бы он ни был – святым или преступником, гением или душевно больным – является целью в себе. Он обладает абсолютной внутренней ценностью – человеческим достоинством. И в этом достоинстве все люди равны.

Кантовское понимание достоинства стало философским обоснованием концепции прав человека, призванной защитить каждого индивида от его использования в качестве средства для любых целей – от своекорыстных до самых благородных. Именно со слов о равном достоинстве «всех членов человеческой семьи» начинается Всеобщая декларация прав человека[1]. Самоочевидной истиной считается наличие у людей, вне зависимости от их национальности, пола, религии, убеждений, социального положения, неотчуждаемых прав и свобод – права на жизнь, равенства перед законом, свободы совести и т. д.

Декларирование равенства прав – важный и необходимый элемент признания. В результате правового признания все люди понимаются как равные друг другу свободные личности, способные делать самостоятельный моральный выбор, даже если эти люди занимают крайне невыгодное социальное положение. М. Игнатьев отмечает, что для современности «язык прав человека является единственным универсально доступным моральным языком, …позволяющим зависимым людям воспринимать себя в качестве моральных субъектов» [18, с. 102].

С одной стороны, концепция прав человека является возвращением к античному интеллектуализму с его культом индивидуальной свободы. Однако это возвращение происходит на качественно новом уровне. Если античная философия была элитарна, то концепция прав человека – предельно универсальна и демократична. Для неё нет разделения на свободных и рабов, достойных и недостойных – все люди обладают равным достоинством.

Заключение. Итак, в процессе своей эволюции от времени появления человека до современности нормотворчество прошло четыре основных этапа. Переход от одного этапа к другому был маркирован серьёзными мировоззренческими кризисами, выход из которых обеспечивал очередной нормотворческий поворот.

Первый переворот в истории связан с появлением нормотворчества как такового. Субъектом нормотворчества в этот период была община, представляющая коллективное «*Мы*», а механизмом отбора норм – эволюция, способствовавшая выживанию

[1] Всеобщая декларация прав человека. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 02.01.2020). – Текст: электронный.

групп с наиболее эффективной системой табу. Базовые запреты были направлены на преодоление деструктивных животных инстинктов, а основной формой обоснования, структурирования и закрепления нормативных требований стала мифология.

В результате кризиса системы родовой регуляции фокус нормотворчества переместился с коллективного «Мы» на индивидуальное «Я», принимающее свободные решения и ответственность за них. Достойным субъектом нормотворчества признавался лишь тот, кто обладал развитым интеллектом, самостоятельностью и критичностью мышления, высокой степенью добродетельности и умением поставить себя на место другого. Путь к нормотворчеству предполагал практики, которые философия называла «заботой о себе».

Нормы, предложенные религией, были призваны вернуть человека к состоянию чувственно-эмоционального единения с ближним, нарушенному развитием критического мышления. Путём воссоединения *«Я»* с «*Ты*» (как с Богом, так и с ближним) христианство объявило любовь. При этом любовь к ближнему объявляется удостоверением любви к Богу, который, в конечном счёте, является подлинным источником моральных норм. Человек принимает решения самостоятельно, но моральными они становятся только тогда, когда приближают человека к Богу.

Усложнение социальных взаимодействий в Новое время приводит к тому, что в отношения «Я» и «Ты» вмешивается «*Он*», что требует рационального согласования интересов на основе правовых механизмов. Все люди признаются равными перед правом и наделяются равными правами. Источником нормативности объявляется Разум. Ведущей нормативной программой становится концепция прав человека, в рамках которой самоочевидной истиной считается наличие у людей неотчуждаемых прав и свобод. Права индивида, признанные на широком международном уровне, получают безусловный приоритет над правами социальных групп, государства, человечества.

Концепция прав человека предельно универсальна (охватывает всех индивидов без исключения) и индивидуалистична (право индивида стоит выше прав любых общностей). Казалось бы, концепция дошла до предела как универсализации, так и индивидуализации, и на этом нормотворческий потенциал морали должен быть исчерпан: в условиях «конца истории» остаётся добиваться только правильного нормоприменения. В реальности концепция прав человека в современном мире сталкивается с множеством вызовов.

Приоритет индивидуальных прав над коллективными приводит к тому, что личные желания оказываются не ограниченными ничем, кроме желаний других индивидов: фактически в своём автономном выборе человек не обязан ориентироваться на какую-либо систему ценностей. Его личное достоинство выше любых потребностей и интересов общества, культуры, религии, нации, традиции. Например, выбор эвтаназии («смерти с достоинством») может признаваться вполне моральным в силу того, что человек обладает правом самостоятельно решать вопросы, касающиеся своей жизни и смерти, даже если они противоречат ключевому для нравственности на всех этапах её развития запрету на прерывание собственной жизни. Учитывая, что сами права человека «самоочевидны», то есть приемлемых их обоснований не существует, исчезают любые достойные доверия ориентиры для совершения морального выбора.

Современная мораль находится в кризисной ситуации и ищет новые основания для очередного нормотворческого поворота. Уже сама логика смены этапов нормотворчества предполагает необходимость такого поворота, при котором права индивида, сохраняя свою универсальность, каким-то образом могли бы согласовываться с правами социальных групп и общества в целом. Для этого с одной стороны нужно перейти от правовых абстракций к конкретному человеку с его уникальной культурной, национальной, религиозной идентичностью, а с другой – показать, что в процессе принятия морально значимых решений он должен принимать во внимание не только свои интересы, но и интересы группы, общества, человечества в целом – групп, формирующих эту идентичность.

Так, согласно А. Хоннету, правовое признание, при всей его важности, не является последней ступенью процесса борьбы за признание. Завершение процесса признания требует дополнения эмоциональной и правовой ступеней ступенью социальной, где первостепенную роль должны играть уникальные качества человека, значимые для общества именно в силу своей неповторимости [17].

В концепции прав человека индивид воспринимается абстрактно и слишком формально, как «человек вообще». Не принимаются во внимание культурные, религиозные, национальные элементы его идентичности. Соответственно, ради защиты индивидуальных прав ущемляются права этнических, культурных, религиозных групп и разрушается идентичность. С. Бенхабиб в этом контексте предлагает переосмыслить просвещенческий рационализм, отказавшись от приоритета «автономного мужского эго». Новый универсализм, по её мнению, должен быть не легалистским, а интерактивным, гендерно и ситуационно чувствительным [15, с. 3].

А. Макинтайр утверждает, что современная мораль представляет собой обломки и обрывки старых нормативных схем, которые лишены значения без объединяющего их контекста, т. е. стабильной системы ценностей. В социальном дискурсе господствует эмотивизм, сводящий мораль к частным желаниям, а рассуждения носят только видимость моральных. Он пишет: «Если моё рассмотрение наших моральных условий правильно, нам следует также заключить, что некоторое время назад мы также достигли поворотной точки. На этой стадии важно конструирование локальных форм общества, в рамках которого гражданственность, интеллектуальная и моральная жизнь могли бы пережить века мрака, которые уже настигли нас» [8, с. 355].

Таким образом, в моральной философии современности постепенно вырабатываются основания для будущего нормотворческого поворота, где уникальная идентичность и солидарность претендуют на центральное место в системе ценностей. В этом смысле наиболее перспективными для понимания дальнейшего развития общества представляются те моральные теории, в рамках которых можно описывать не формальные нормы, а конкретные поступки, уникальные качества, реальные ситуации, диалог личностей и роль групп в формировании идентичности. При этом важно, чтобы при такой радикальной смене парадигм сохранились все те позитивные завоевания, которыми обогатила моральную жизнь современности концепция прав человека.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Талион и золотое правило (критический анализ сопряженных контекстов) // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72–84.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1993, 2000. 480 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 13. М.: ГСЭИ, 1940. 363 с.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: ЦГИ, 2013. 760 с.
5. Гусейнов А. А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2008. 484 с.
6. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 652–672.
7. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения: в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. Ч. 2. С. 107–438.
8. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали. М.: Акад. Проект, 2000. 384 с.
9. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.
10. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 185–219.
11. Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: URSS, 2018. 208 с.
12. Фрейд З. Тотем и табу. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
13. Энгельс Ф. Юридический социализм // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: ГИПЛ, 1961. Т. 21. С. 495–516.
14. Bauman Z. Etyka ponowoczesna. Warszawa: PWN, 1996. 372 p.
15. Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. New York: Polity Press, 2007. 266 p.
16. Herder J. G. Abhandlung über den Ursprung der Sprache. Stuttgart: Reclam jun, 1993. 176 p.
17. Honneth A. The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge: The MIT Press, 1996. 237 p.
18. Ignatieff M. The attack on human rights // Foreign Affairs. 2001. № 6. Pp. 102–116.

Статья поступила в редакцию 15.01.2020; принята к публикации 19.02.2020

Сведения об авторе

Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Мордовский государственный университет; 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68; e-mail: sychevaa@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-3757-4457.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии».

Библиографическое описание статьи

Сычев А. А. Этапы морального нормотворчества // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 54–65. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-54-65.

References

1. Apresyan, R. G. Talion and the Golden Rule (A Critical Analysis of Related Contexts). Voprosy filosofii, no. 3, pp. 72–84, 2001. (In Rus.)
2. Hegel, G. V. F. Lectures on the history of philosophy. SPb: Nauka, 1993, 2000. (In Rus.)
3. Hegel, G. V. F. Works in 14 v. V. 13. M: GSEHI, 1940. (In Rus.)
4. Gerder, I. G. Ideas for the philosophy of the history of mankind. M: TSGI, 2013. (In Rus.)
5. Guseinov, A. A. Great prophets and thinkers. Moral teachings from Moses to the present day. M: Veche, 2008. (In Rus.)
6. Guseinov, A. A. The Golden Rule of Morality. Philosophy – Thought and Act: articles, reports, lectures, interviews. SPb: SPBGUP, 2012: 652–672. (In Rus.)
7. Kant, I. The metaphysics of morals. Works: in 6 volumes. Vol. 4. p. 2. M: Mysl', 1965: 107–438. (In Rus.)
8. Makintair, A. After Virtue: Research into the Theory of Morality. M: Akademicheskii Proekt, 2000. (In Rus.)
9. Moiseev, N. N. Modern anthropogenesis and civilizational faults. Ecological and political science analysis. Voprosy filosofii, no. 1, pp. 3–30, 1995. (In Rus.)
10. Porshnev, B. F. Counter-suggestion and history. Historical psychology and sociology of history, pp. 185–219, no. 2, 2010. (In Rus.)
11. Subbotina, N. D. Suggestion and counter suggestion in society. M: URSS, 2018. (In Rus.)
12. Freud, Z. Totem and taboo. SPb: Azbuka-klassika, 2005. (In Rus.)
13. Engels, F. Legal socialism. Marks K., Engels F. Collection of works. M: GIPL, 1961. V. 21: 495–516. (In Rus.)
14. Bauman, Z. Etyka ponowoczesna. Warszawa: PWN, 1996. (In Pol.)
15. Benhabib, S. Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. NY: Polity Press, 2007. (In Engl.)
16. Herder, J. G. Abhandlung über den Ursprung der Sprache, Stuttgart: Reclam jun, 1993. (In Germ.)
17. Honneth, A. The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, The MIT Press, 1996. (In Engl.)
18. Ignatieff, M. The attack on human rights. Foreign Affairs, no. 6, pp. 102–116, 2001. (In Engl.)

Received: January 15, 2020; accepted for publication February 19, 2020

Information about author

Sychev Andrey A., Doctor of Philosophy, Professor, Mordovia State University; 68 Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia; e-mail: sychevaa@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-3757-4457.

Sources of article funding

Research is financially supported by Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00082 "Norm-creating in Morality, Law and Religion".

Reference to the article

Sychev A. A. Stages of Moral Norm-Creating // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 54–65. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-54-65.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 141.32
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-66-75

Алексей Николаевич Фатенков,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, Россия);
Приволжский исследовательский медицинский университет
(г. Нижний Новгород, Россия),
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Антропологическая вертикаль: власть характера над амбициями и интересами

В центре внимания автора – ценность характера, понимаемого экзистенциально-натуралистически. В методологии ставка сделана на экзистенциальный реализм, представляющий собой диалектическое единство инструмента-метода и онтологического основания авторского исследования. Выстраивается антропологическая вертикаль, вершину которой занимает человек с характером со свойственной ему здравой иррациональностью. Он противопоставляется человеку с амбициями и человеку с интересом. В отличие от них, существ собственно социальных, человек с характером – существо по преимуществу экзистенциальное с анормальной, избыточной или недостаточной, социальностью. Он жизненно противоречив. Одновременно – и непритворно нравственен, без ссылок на нормы общественной морали, и пребывает по ту сторону добра и зла. В контексте событий 1917 г. обсуждается роль человека с характером в социальной революции. Фигурой первого плана берётся тут В. И. Ленин. Используя неконформистские свидетельства Н. А. Бердяева, Н. В. Валентинова (Вольского), Г. В. Вернадского, М. Горького, В. Сержа, Н. Н. Суханова, Н. В. Устрялова, конкретизируется портрет лидера большевиков как человека с сильным характером при минимуме амбиций. Подчёркивается, что именно это сущностное качество позволяет органически сопрягать полярности человеческой натуры и продуктивно действовать, не подчиняясь рассудочным шаблонам. Антропологическая трагедия революции видится автору в том, что сражаются и гибнут в ней характерные, а плоды пожинают амбициозные и редуцирующие всё к интересу. Делается вывод о приоритетной роли характера в практике сохранения и укрепления человеческого достоинства.

Ключевые слова: антропологическая вертикаль, человек с характером, человек с амбициями, человек с интересом, здравая иррациональность, революция

Aleksey N. Fatenkov,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia);
Privolzhskiy Research Medical University
(Nizhny Novgorod, Russia),
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Anthropological Chain: Power of Character over Ambitions and Interests

The value of character interpreted in an existential and naturalist way is in the focus of author's attention. In methodology the author relies on an existential realism which is a dialectic unity of an instrument-method and ontological basis of the research. The anthropological chain which top is occupied by a man of character with his characteristic healthy irrationality is being constructed. He is being opposed to a man with ambitions and a man with interest. Unlike those essentially social creatures, man with character is a mostly existential creature with abnormal, excessive or insufficient, social nature. He is vitally contradictory. He is simultaneously – and truly moral without references to norms of public morality and finds himself beyond good and evil. The role of man with character in a social revolution in the context of 1917 events is discussed. V. I. Lenin is taken here as a forefront figure. Using nonconformist testimonies of N. A. Berdyaev, N. V. Valentinov (Volsky), G. V. Vernadsky, M. Gorky, V. Serge, N. N. Sukhanov, N. V. Ustryalov, the author specifies the portrait of Bolsheviks' leader as a man with the strength of character and minimal ambitions. It is pointed out that this essential quality allows us to combine polarities of human nature inherently and to act efficiently while not submitting to rational patterns. The anthropological tragedy of revolution is seen in the fact that characters fight and perish in it but rewards are reaped by those who are ambitious and reduce everything to interest. The conclusion is made about prioritized role of character in the practice of human dignity preservation and promotion.

Keywords: anthropological chain, man with character, man with ambitions, man with interest, sane irrationality, revolution

© Фатенков А. Н., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Введение. Существительное и прилагательные. Мне говорят: «Ты возвеличиваешь характер, – что правда, – а ведь он бывает и несносным, эгоистичным, завистливым, капризным, подлым». Не стану второпях парировать иными случаями – встречами с характером стойким, отзывчивым, самоотверженным. Каждое прилагательное, добавляя частности, штрихи, детали, расшатывает существо содержания, то, которое просится в строку, как у немцев, с прописной буквы. Но и в обычном, строчном написании имён существительных кроется немалый смысл: намёк на неброское достоинство, на уверенную в себе скромность. Она и позволяет прилагательным вносить некоторое уточнение в то, что, по глубокому уму, способно обойтись без явно выраженной конкретизации.

Поэтому о «здоровом» характере – только вначале, лишь для того чтобы сходу, без погружения в скрытые смысловые пласты, противопоставить однозначно ценное наличие в человеке экзистенциального стержня двойственности его отсутствия. Бесхребетность индивида аномальна в контексте нонконформизма и нормальна, даже удобна, в конформистской проекции. Характер же вообще не признаёт критерия удобства, иначе сказать – с характером неудобно нигде и никогда. И часто не разобрать, кому беспокойно в особенности: его владельцу или тем, кто того окружает. Полярность конформизма и нонконформизма для характерного человека не очень важна, относится он к ней не без иронии: один её элемент – унизительно смешон, другой – претенциозно высокопарен.

Возникает, естественно, вопрос о соотношении бесхарактерности с характером негативным: что лучше, иметь его или не иметь никакого? Ответ, впрочем, дать не сложно: уж лучше какой-нибудь, пусть и с серьёзными изъянами, – для того, разумеется, кто не ищет забвения и не собирается плыть по течению, хотя бы течение это оказалось самим совершенством. Шанс залатать прорехи, избавиться от недостатков – невелик (не надо множить иллюзии), но всё-таки есть. А из отсутствия, из ничто, даже непорочного, ничего не выйдет и не вытечет, никакой ручеёк совершенства.

Методология и методы исследования. Приоритет отдан здесь экзистенциальному реализму, представляющему собой диалектическое единство инструмента-метода и онтологического основания авторской работы (подробнее см.: [12, с. 48–49]).

Результаты исследования и их обсуждение. На семантическом кусту философских категорий «характер» находится рядом с «природой (происхождением)», «сущностью», «самостью (Я)» и «экзистенцией». *Характер* – это *сущность, с нарастающей конкретизацией перетекающая из природы в самость*. Событийно он связан с экзистенцией. Та распознаётся и понимается как существование, становящееся сущностью; *характер* – как *сущность, обречённая на существование*. Данное толкование добавляет градус трагедийности в содержание дефиниции Освальда Шпенглера: согласно той, характер есть «форма *подвижной* экзистенции, в которой при максимально возможной изменчивости в частном достигается наивысшее постоянство в принципиальном…» [15, с. 498].

Самое сильное, что написано и прочитано о характере (теперь и далее – без всяких прилагательных), с чем соглашаешься безоговорочно и с чем местами решаешься спорить, встретил у Эрнста Юнгера. Доброволец Первой мировой, окопный лейтенант – он из поколения моего деда (тут много личного). Нижеследующие выкладки, в немалой их части, выстроились в процессе-состоянии соразмышления с этим немецким философом. Его позиция по обсуждаемому вопросу куда более жёсткая, нежели у идейно близких ему Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Тех академически смущает погружённость характера, германского особенно, в кровь и почву. Человека, пролившего кровь за родную страну (11 ранений), не смутить ничем. По Юнгеру, если сжато, характер – от природы, не от воспитания; от сердца, не от рассудка; от судьбы, не от причинно-следственной канители[1]. Если цитатно: «Характер – главное в нас; он наша подлинная стихия, внутренний неложный образ, чьим внешним запечатлением является наша жизнь. <…> Характер “процарапывается” в человеке раз и навсегда. Над ним не властны законы прогресса, только законы развития»[2].

Да, характерность – та же натурность. Вернее, сосредоточенная натурность: весьма значима в ней конкретная наследственная компонента. Кто бы что ни гово-

[1] См.: Юнгер Э. Характер // Националистическая революция. Политические статьи (1923–1933) / пер. с нем. А.В. Михайловского. – М.: Скименъ, 2008. – С. 71–76.

[2] Там же. – С. 72–74.

рил о роли воспитания. Воспитывается, как и воссоздаётся, только то, что в основе своей уже заложено и, вместе с последующими заимствованиями извне (в первую очередь, опять же, от людей близких), взращивается твоими собственными, не чьими-то, небезрассудными волевыми усилиями. Всё точь-в-точь как со свободой: «Свободным нужно *быть*, чтобы стать таковым…» [16, с. 130]. Декларируемый оппонентами примат внешнего воздействия – просвещенческий, механистического толка предрассудок с его всегдашней подозрительностью к индивидуальной воле, допускаемой лишь в качестве слагаемого воли общей, которая видится изначально подчинённой некой разумной необходимости. Конечно, и природа полна необходимо происходящим – но она полна и желанным, которое заведомо не вписывается без остатка ни в одну логику. Судьбоносна и характерна наша любовь к природе. «Именно она в форме полового влечения составляет существеннейшую часть человека»[1]. От елейного морализаторства оборону будем держать тут вместе и с Конрадом Лоренцем – Нобелевским лауреатом, за плечами которого стойко преодолённые тяготы войны и плена. Из его этологических изысканий и целостного, личностного осмысления жизни следует: «Человек, избавленный от всего так называемого “животного”, лишённый влечений, исходящих из тьмы, человек как чисто разумное существо был бы *отнюдь не ангелом, а скорее его полной противоположностью*!» [7, с. 282].

Характер, плох он или хорош, не отчуждаем от действующего или созерцающего субъекта ни при каких обстоятельствах – в отличие от логической формы мысли, от манеры высказывания и поведения: те можно тиражировать и навязывать окружающим, можно скопировать и украсть. Напротив, пронизанные характером слово и дело – всегда в тебе, а ты – в них. Добро и зло, также по существу своему характерные, истекая из человеческого нрава, остаются в нём, делая индивида нравственным или безнравственным. Не существует ни универсального морального закона, ни внеморального и вненравственного прочтения юридических норм. «Каждый закон определяется характером, императивом крови. <…> Убийство из ревности перед лицом норвежского правосудия – одно, а перед лицом итальянского – другое»[2]. Взятые в отвлечении от природно-экзистенциального стержня субъекта добро и зло усыхают до пропозиций, вариативно заполняемых общественной моралью, извечно прислуживающей власти и усердно обрабатывающей подданных (не важно, строгими запретами или провоцированием распущенности).

Жизненный опыт подсказывает вычертить определённую антропологическую вертикаль: *человек с характером – человек с амбициями – человек с интересом*. Последний – расчётливый до цинизма индивид массового покроя с нехваткой воли и упрямства, с худосочной мечтой о страховке на все случаи жизни. Закон «возвышения потребностей» (и нагнетания интересов, стало быть) написан для него, бухгалтерски правильной персоны. Над ним и над всей людской массой пытается возвыситься человек с амбициями: столь же расчётливый и с тем же дефицитом воли, но не чуждый риска и авантюр, он, тщеславный и не без черт упрямства, играет на слабостях рассудочно-опасливых обывателей, зачастую не замечая наличия этих же слабостей в себе. Иное дело – человек с характером: предельно требовательный к себе, он, опираясь на разумную волю, подкрепляя её порой «бараньим» упрямством, действует в отношении себя и других вопреки тенденциям омассовления: властвует – прежде всего над собой, любит и ненавидит – невзирая на обстоятельства.

Человек с интересом не интересен – не притягателен – по существу. Всего-навсего рассудочная марионетка из той же оптической плоскости, что и павловская собака и фордовский конвейер. Оперирующий интересами, мысленно и практически, абстрагируется от добра и зла (ср.: [14, с. 77]) – но не в силах прорваться по ту их сторону, не способен достичь бесценного. Задача решается иная: редуцировать ценности к ценностным отношениям, а те – к отношениям стоимостным. Формат купли-продажи по максимуму релевантен ожиданиям и поведенческому стандарту человека с интересом, приводя его вместе с тем к состоянию перманентной зависти. Дистанцирование от добра и зла позволяет завистливому паллиативно, не более, избавлять себя от удручающей самооценки. Сущность свою ему, однако, не скрыть. Мелочному, калькулирующему всё и вся индивиду харак-

[1] См.: Юнгер Э. Характер // Националистическая революция. Политические статьи (1923–1933) / пер. с нем. А. В. Михайловского. – М.: Скименъ, 2008. – С. 72.

[2] Там же. – С. 73–74.

терно отвечает Луи-Фердинанд Селин: «Я терпеть не могу торговаться из-за каждого су, *кассовая* ненависть у меня в крови <…> чёрт побери! скорее *кассовое* чутьё… оно у всех людей такое обострённое!.. нечеловеческое! почти звериное!..»[1]. Интересу содержательно противостоит не столько незаинтересованность, сколько бескорыстие. А ещё – щедрость и дар. Не поддаются они подсчёту – ни замшело мещанскому, ни инновационно сциентистскому.

Человек с интересом – продукт и типаж капиталистических общественных отношений (актуально или потенциально наличествующих). Критикуя советский опыт, деформированный НЭПом, Эрнесто Че Гевара справедливо отмечал, что «рычаг материального интереса при социализме… не способен ни заставить загореться глаза самых жаждущих, ни преодолеть безразличие остальных»[2]. Расширяя геваровский тезис, имеет смысл утверждать, что и нематериальный интерес подчиняется, так или иначе, закону стоимости, а стало быть, генерирует, воспроизводит и реставрирует капиталистическую систему. Социализму не справиться с ней, пока он оставляет человека в формате интересов. Непобеждённый до сих пор кубинский социализм не случайно связан с характером страны. Да, Куба – это «тропическая, неукротимая, наивная и радостная страна»[3]. Природа там щедра, и чувства не в кабале у рассудка.

Понятно, атаку на интерес многие воспримут в штыки, ведь под сомнение ставится доминирование рационального в человеке и обществе. Подчеркнём, ставится под сомнение ответственно. А потому ещё несколько отчаянно упрямых выкладок. Интерес – это осознаваемая потребность. Однако не факт, что в интересе потребность осознаётся адекватно, при том что адекватное её осознавание не гарантирует защиты от падения в цинизм. И дело здесь не только в недостатках разума – в его инструментальности, амбивалентности, всеядности, – но и в онтологической ущербности самой потребности, всегда свидетельствующей о нашей бытийной неполноте и несвободе. Где потребность, там исподволь проступает нужда. Там в открытую правит необходимость… или её иллюзия, отказаться от которой, как выясняется, ничуть не проще, чем от фактически необходимого. Культ потребностей и интересов неминуемо ведёт к обществу потребления… Оно складывается там и тогда, где и когда необходимость и её иллюзия становятся неразличимы. И осознание этой неразличимости, даже будь таковое возможным, ни на шаг не продвинет нас в сторону свободы, не избавит от пут её призрака, если человек не проявит характер, граничащий порой с безрассудством, если не станет грести против течения, не поднимется на протест. Не мельтеша – с достоинством. И обуздывая амбициозность.

Человек с амбициями – суетлив. Человек с характером – ценит неспешность. Один – пронырлив и изворотлив, но, как ни старается, предсказуем в своих схематичных действиях. Другого – неманерно глубокого, характерного, действующего по интуиции и ощущениям – до конца не просчитать. Человек с характером – может и превозмогает. Человек с амбициями – домогается. Должности, власти, женщины – чего и кого угодно. Он дока в причинных связях и отношениях, но не сведущ в основаниях, лишён их – и потому поверхностен и ненадёжен. Напротив, характерный индивид не причиняет, а обосновывает; он, укоренённый в бытии, неподдельно надёжен. Подспорьем ему служит не мораль, не право, не идеология, всегда социально и политически конъюнктурные, а природная упёртость, сдобренная нравственной интуицией экзистенциального порядка.

От срывов, разумеется, никто не застрахован, они случаются (жизнь есть жизнь) – но не по расчёту, а под напором иррационального, того же «основного инстинкта» чаще всего. Речь не о патологии (чётко распознаваемой и отторгаемой нравственным чутьём – и конъюнктурно ретушируемой, превращаемой в товар морально-правовыми спекуляциями): к ней-то как раз предрасположены амбициозные. Речь о том, за что, сделанное, будешь себя корить – но станешь корить и за то, если не сделаешь, пройдёшь мимо, поосторожничаешь. Выйти из правового поля (или вернуться в древнее), чтобы ответить око за око. Не заметить моральных преград, резонансно совместить вершины нравственности и безнравственности – и провести ночь с любимой женщиной, не оглядываясь на её и свои семейные обязательства. Ни от-

[1] Селин Л.-Ф. Из замка в замок: роман / пер. с фр. М. Климовой и В. Кондратовича. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. – С. 97.

[2] Че Гевара Э. Статьи, выступления, письма / пер. с исп. Е. Вороновой [и др.]. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 551.

[3] Там же. – С. 544.

некиваться, ни оправдываться, ни слезливо каяться потом ни к чему. Где всепоглощающее чувство, там выжженная земля. Если не в эпицентре, то вокруг. Фридрих Ницше категоричен: любовь варварски выделяет одного из всех, и всё, что делается из неё, совершается за гранью морального и неморального (см.: [8, с. 78, 92]). Альбер Камю предельно обостряет тезис: тот, кто не решается ранить людей, остаётся навеки бесплодным; «в конечном счёте любить одного человека – значит убивать всех остальных» [6, с. 320]. Не исключено… Атрибутивное противоречие характерного человека – между двумя нераздельно-неслиянными его ликами: непритворно нравственного существа, ничуть не озабоченного своей моральной образцовостью, и пассионария, пребывающего по ту сторону добра и зла. Или, иначе, это противоречие между сердечностью и брутальностью; между героями Дж. Д. Сэлинджера и Э. Хемингуэя (имея в виду литературную проекцию). Стильное его снятие отыскивается в геваровской линии: *становиться грубее, сохраняя в себе свою нежность*.

Рассмотренные антропологические типы различаются таким образом, что человек с амбициями и человек с интересом – существа собственно социальные (тут далеко до Марксова оптимизма касательно эмансипирующего потенциала общества), тогда как человек с характером – существо по преимуществу экзистенциальное со свойственной ему анормальной социальностью: либо избыточной (у вождя и мессии), либо недостаточной (у бунтаря и строптивца). Вождь жертвует своей экзистенцией, подчиняя её общественному служению. Мессия хранит экзистенцию, жертвуя собой. Оба они на авансцене общественной трагедии. Бунтаря и строптивца нередко обнаруживаем в координатах провинциального городка или тропической глуши. Между собой эти фигуры разнятся формами протеста и схожи формой трагедийности: их победы априори временны, в то время как вождь и мессия грезят эпохальным, или даже вечным, светлым будущим. Строптивец порой перебарщивает с экспрессией (Митя Карамазов), бунтарь – с рассудочным самоедством и чертовщиной (Иван) или с молчаливым поцелуем в ответ на чьё-то неприятие мира (Алёша, тёзка). Но именно они – живее всех живых. Их не превратить ни в мумию, ни в икону.

Выстроенная антропологическая вертикаль отчётливо просматривается в период социальных переворотов: революция на подъёме, когда в её авангарде люди с характером; революция идёт на спад, когда характерные деятели подменяются амбициозными; от революции не остаётся и следа при доминировании в обществе человека с интересом. Наступивший эволюционный период вновь сменяется предреволюционным отрезком истории, когда задавленные и соблазнённые пирамидой интересов, спеленованные рутиной повседневности осмеливаются поддержать характерных, а те чувствуют поддержку, или хотя бы возможность обретения таковой. Если на поступок решаются единицы, вместо революции получаем бунт. Он, надо заметить, не прекращается и в самые застойные времена: характерность и бунтарство всегда в связке.

Когда говорят о подлинной трагедии революций и гражданских войн, часто справедливо указывают на то, что правда (если не историческая, то человеческая) была за обеими (всеми) противоборствующими сторонами. Иначе сказать: в первых рядах сражающихся друг против друга – люди характерные. И то, что кто-то из них, подобно Григорию Мелехову, менял политические лагеря, свидетельствует не столько об имевших место социальных метаниях этих людей, сколько о том, что их личностно неотчуждаемая правда крепче правды политизированной.

Судьбы Русской революции, гражданской войны, страны, наконец, решались, обострённо персонифицируя ситуацию, в отчаянной рубке – когда действительно некогда всматриваться в лица – красной конницы Думенко и белой конницы Шкуро. Оба – пассионарии. Оба проиграли. Один расстрелян как «чужой» среди своих, другой повешен как «свой» среди чужих. Кто же выиграл в конце концов? Столетие спустя ответ напрашивается невесёлый: уж точно, не шолоховский герой, не натурный и самостоятельный человек. Триумф празднуют сегодня вёрткие субчики, которые, ловко институциализируясь, цинично пользуясь любой подвернувшейся идеологией, изо дня в день гнобят людей. Эксплуатируют исподтишка и по закону, принятому депутатской клакой.

Хрестоматийный «человеческий фактор». Решающий – и в революционную, и в суетливо-вялотекущую эпоху. Поставив

«фактор» на ноги, очистив его от наносов избыточной неопределённости, получим «вертикаль». В ней – такова прописанная выше авторская гипотеза – имеет смысл выделять три фигуры: человека с характером, человека с амбициями, человека с интересом. Вертикаль, возносящая на вершину характерного индивида, благоволит *здравому иррационализму*, дистанцирующемуся и от фанатично-мутного иррационализма «не от мира сего», и от оголтелого рационализма, бесстыдно прозрачного в своей примитивной посюсторонности, закономерно подчиняющего жизнь, включая «высшие интересы» людей, расчёту. Легитимация и облагораживание корысти столь же неприглядны, как и фидеистическая девальвация свободного ума. В иррационализме, когда он здравый, кратно больше от нехворой телесности, чем от «душеспасительной» проповеди. И гораздо больше от азартной смышлёности, нежели от калькуляции.

Экстраординарное, революционное состояние общества тем и отличается от размеренного, ординарного, что делает зримым и социально оправданным возвышение здравого иррационализма. «Сознательный пролетарий» на революцию не поднимется, он до скончания века будет искать рассудочно беспроигрышные – тред-юнионистские – варианты конформного существования. Максимально самокритичный рационализм (стало быть, вольно или невольно пересекающийся с иррациональным в человеке) говорит о том, чего нельзя, не следует делать, подразумевая, что всё прочее, не подпадающее под ограничение, разрешено. Здравый иррационализм критичнее любого критического рационализма – до такой степени, что настаивает, в духе нетривиального отрицания отрицания, на вполне определённом, конкретном действии «несмотря ни на что», невзирая на сколь угодно широкий спектр рассудочных возражений.

Два примера. Первый – борьба вернувшегося из эмиграции В. И. Ленина за курс на вооружённое восстание против большинства в руководстве партии. Один из внимательных слушателей «апрельских тезисов», развёрнутых в двухчасовом выступлении в особняке Кшесинской, позднее вспоминал: в той речи было много всего – но вовсе не было в ней «анализа объективных предпосылок, анализа социально-экономических условий для социализма в России» [10, с. 12]. Интеллигибельный марксизм социал-демократического формата резко отставлен в сторону – и победа пришла! Второй пример – монолог Романа Валерьяновича Хлудова из булгаковского «Бега»: «Ну какое может быть положение на фронте? Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал командующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! <…> Положение? Поезжайте… и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И ещё скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар!»[1]. *Неслыханно!.. но так оно и есть!* – вот формула, приближающая нас к распознаванию здраво иррационального феномена, субъектно порождаемого сильным характером.

Я не сторонник разговоров на тему «что было бы, если бы…» и минимизирую предположения о том, «чего не было бы, если бы…». Но не без исключений. Одно из них касается роли В. И. Ленина в Октябрьском вооружённом восстании и последовавшем социальном перевороте. Убеждён (хилая гипотетичность тут неуместна): не было бы Ленина – не было бы и социалистической революции в России. Речь не о творческом развитии марксисткой теории в новую, империалистическую эпоху и даже не о выдающихся организаторских способностях и твёрдой воле лидера большевиков – всё это в определённом смысле производные от его сущностного качества: *сильного характера при минимуме амбиций*. Главные соратники-конкуренты – Троцкий и Сталин – уже не той породы. У обоих – зашкаливающие амбиции[2]. И то, что у генсека характер оказался сильнее, чем у оппонента, содержательному развитию революции, органическому перерастанию её из военной фазы в мирную всё равно не помогло. (Органический рост не отменяет здесь как таковую прерывность социального движения – элиминируются лишь, в тенденции, предпосылки к термидору и перерожденчеству). Революционный формализм, раскритикованный властью в сфере искусства,

[1] Булгаков М. А. Бег // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. – М.: Худож. лит., 1989–1990. – С. 231.

[2] В плане культа личности Сталин вторичен. В 1922 г. в устав Красной Армии была включена политическая биография Троцкого, которая заканчивалась словами: «Тов. Троцкий – вождь и организатор Красной армии. Стоя во главе Красной армии, тов. Троцкий ведёт её к победе над всеми врагами Советской республики» [цит. по: 5, с. 287].

возобладал, риторически издеваясь над революционным содержанием, в сфере политики. И ещё. Амбиции – это не покрасоваться. Ну какой из рябого и сухорукого красавчик? Амбиции – это жажда власти, безраздельной, которую заведомо не удержать. Сегодняшняя «добропорядочная» мода на Сталина созвучна господствующему ныне безыдейному технократизму, эклектично сочетающему в своём воспроизводстве глобальное и локальное, амбиции и интересы – характера тут кот наплакал. Маргинальная мода на Троцкого – сейчас и раньше – коррелятив беспочвенного классово-космополитического авантюризма (при рельефно критичном толковании); в лучшем случае – мода на великое освободительное начало (как минимум континентального масштаба), которое, при дающей о себе знать нехватке характера у зачинателей, так и остаётся перманентным началом без сколько-нибудь внятного продолжения-завершения.

Прежде чем вернуться к фигуре Ленина, два слова в защиту не присущего и ему «покрасоваться». Ничего априори негативного в демонстративной удали нет – на переднем крае борьбы, само собой, не в штабах. Без героев в смертельной схватке не устоять, не победить.

...У командира молодецкий вид.
Фуражка набок, расхлебастан ворот.
Смекалист, бесшабашен, норовист –
Он чёртом прёт на обречённый город…

Процитирован Арсений Несмелов[1], один из любимых поэтов. Мне не так важно, на чьей стороне воевал он тогда и в каком политическом лагере оказался бы теперь – лишь бы не в концентрационном. Кратно важнее, что офицерская честь для него выше любых идеологий, а Маяковский столь же ценен, как Тютчев и Достоевский, как сам русский язык:

Не знаю лучшего
Для сквернословий и молитв.
Он, изумительный, – от Тютчева
До Маяковского велик…

Романтизированный реализм, невидимый порой за поволокой цинизма. По факту – воин-поэт активно боролся с большевизмом, отдавая должное противнику: «…Сам Ленин был нашим врагом!».

[1] См.: Несмелов А. И. Стихотворения и поэмы // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. – Владивосток: Рубеж, 2006. – 560 с.

Несколько штрихов к портрету большевистского вождя, «человека с сильным характером при минимуме амбиций». Обращаемся, разумеется, к неконформистским (без лакировки) свидетельствам.

Максим Горький, допуская, что Ленин «понимал драму бытия несколько упрощённо и считал её легко устранимой…», сосредоточивает внимание на других его личностных качествах. В очерке-некрологе читаем: этот человек «изумительно сильной воли» и воинствующего оптимизма во всём остальном был типичным русским интеллигентом со свойственным тому скромным, аскетическим подвижничеством, лишённым внешнего блеска и не поддающимся соблазну честолюбия. И ещё, отмеченные соратником-оппонентом, немаловажные черты: азартен, но не корыстен; по отношению к товарищам – сердечно внимателен, но не манерно заботлив с прицелом и выгодой для себя (см.: [4]).

Неортодоксальный коминтерновец Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич, родители его матери – нижегородцы, знакомые М. Горького). Вот его эскизные, с натуры, зарисовки Ленина: мужчина с «заурядными русскими чертами», «сама простота», «большой крепкий лоб, улыбка человека здорового, знающего истину и уверенного в самом себе», «в его манерах и поступках не было ни малейшего намёка на вкус к власти, только требовательность серьёзного специалиста, который хотел, чтобы работа выполнялась хорошо и вовремя, и открытое стремление уважать новые порядки, вплоть до самых незначительных, казавшихся чисто символическими» [9, с. 127, 213]. Напротив, для сравнения, Зиновьев, второй по партийному стажу в большевистском ЦК, «имел вид чрезвычайно самоуверенный… он просто чувствовал себя на своём месте на вершине власти… однако от него исходило также ощущение дряблости и скрытой неуверенности» [Там же, с. 99]. Без комментариев.

Уже цитированный Николай Николаевич Суханов, меньшевик-интернационалист, симптоматично характеризует ораторскую особенность Ленина: не мастер изящной «круглой фразы», не острослов – «но оратор огромного напора, силы, разлагающей тут же, на глазах слушателя сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до

взятия в плен» [10, с. 11]. Создатель большевистской партии именуется «явлением чрезвычайным», «гением» – и как все гении видится ненормально-узким, не способным постичь многого даже в общественной практике и теории. «Но зато в известной сфере идей – немногих, “навязчивых” идей – Ленин проявлял такую изумительную силу, такой сверхчеловеческий натиск, что его победоносное влияние в среде социалистов и революционеров уже достаточно обеспечивается самими свойствами его натуры» [Там же, с. 21]. Он, утверждает автор «Записок о революции», взял массы бесшабашным радикализмом и разудалой левизной, а партийную братию – приёмами Бонапарта и Макиавелли (см.: [Там же, с. 23–24]). Не исключено, думается, и более глубокое сопряжение левого и правого в ленинизме. Вряд ли все его победы над левым коммунизмом были пирровыми (возразим здесь Н. Н. Суханову). И вряд ли пролетарско-крестьянские массы, «не знавшие иной выучки, кроме царской нагайки», жаждали услышать от взывающего к ним революционера сплошь левую мысль о сущностном равенстве людей, а и не мстительную ещё, перевёрнутую иерархически правую мысль о диктатуре трудового народа.

По оценке евразийца Георгия Владимировича Вернадского, «авторитет Ленина имел решающее значение в партийных делах и делах всей нации с первых дней революции и до последних дней его болезни», при этом большевистский лидер «не терпел помпезности, никогда не демонстрировал свою власть и не разрешал делать это другим». Ленин смело грёб против течения, твёрдо держась выдвинутого лозунга и принятого решения, до тех пор пока не достигал цели или не приходил к выводу о необходимости смены курса. «…*Он никогда не боялся остаться один* (курсив наш. – *А. Ф.)*»! В его характере удивительно сочеталось, казалось бы, несочетаемое: непреложный формализм и замечательный инстинкт, силы разрушения и силы созидания. «…В одном человеке соединились фанатик и оппортунист» [3]. Как-то всё-таки соединились…

О внутренней противоречивости Ленина, «утописта» и «реалиста», пишет и социалист-эмигрант Николай Владиславович Валентинов (Вольский). На одном полюсе масштабной личности – «хилиазм, революционный раж, свирепость, иллюзионизм, безграничная сектантская нетерпимость, отрицание допустимости каких-либо компромиссов, желание, ни с чем не считаясь, не осматриваясь по сторонам, прямо, кроваво, беспощадно идти к намеченной цели». На другом полюсе – «осторожность, практический нюх, конформизм, хитрость, большая расчётливость, способность, с помощью далеко идущих компромиссов и комбинаций, гибко приспосабливаться к требованиям изменяющейся жизни». Вывод, однако, не комплиментарен: такого рода полярности не сопрягаются, Ленин – двоедушен (см.: [2]). Позволю себе не согласиться: полярности, конечно же, могут сопрягаться, более того – возможен их положительный синтез. При наличии в человеке стержня – того, что зовётся характером.

У экзистенциалиста Николая Александровича Бердяева – подключаем его к рассуждениям – нет никаких сомнений: «Ленин сделан из одного куска, он монолитен» [1, с. 95]. И эта крепкая порода, чуждая богеме, целиком вбирает в себя сшибку интеллигента-сектанта и государственника.

Национал-большевик Николай Васильевич Устрялов увидел в Ленине «подлинность нутряной какой-то правды…», своеобразно включавшей в себя – в развороте революционных перипетий – «и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновлённую демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера» [11, с. 372]. Да, «роковая двойственность», или даже множественность, но без распада – наоборот, в сплетении глубинных различий, в слиянии полярностей. Триумфатор Октября воспринимается автором очерка-памятования «воплощённой стихией революции» и, будучи стихией, пребывающим по ту сторону добра и зла. Он отнесён к числу «фантастов», встающих иногда у руля человеческой навигации, отбрасывая и сметая «людей реальной жизни» (людей с интересом, по-нашему), погружая их в царство призраков (см.: [Там же, с. 374]).

Именуемые здесь «фантастами» (Александр Македонский, Наполеон) одновременно и гиперреалисты. Вот оно, предельное, пожалуй, противоречие, удержать и положительно снять которое способен только человек с характером, и никто иной.

Заключение. Не симпатизируя Ленину-философу (всё-таки догматик, несмотря на некоторые мощные интуиции), но уважая Ленина-политика (ниспровергатель

эксплуатации, борец, свободный от догматизма в собственно революционной теории и практике), не веря в коммунизм и с омерзением относясь к капитализму (это, увы, даже не ненависть – как бы научиться его ненавидеть?), чаще защищаю сегодня большевистскую линию, нежели критикую её (см., например: [13]). По совести говоря, делаю ставку на невульгарно натурных людей. На тех, у кого интересы имеют основанием характер, не наоборот, не как у рацио-мещанина. Не уверен, что характерный археоавангард кардинально изменит к лучшему общую социальную ситуацию. Но именно ему охранять и крепить человеческое достоинство.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репр. воспроизведение изд. YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Валентинов Н. Малознакомый Ленин. СПб.: Мансарда: Смарт, 1991. 154 с.
3. Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор / пер. с англ. В. С. Антонова. М.: Аграф, 1998. 311 с.
4. Горький М. В. И. Ленин (первая редакция). URL: http://www.gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-i-lenin-pervaya-redakciya.htm (дата обращения: 02.01.2020). Текст: электронный.
5. Гуревич П. С. Социально-психологические иллюзии Великого Октября // Революция, эволюция и диалог культур: доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН (14–16 ноября 2017 г.) / отв. ред. А. В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 277–297.
6. Камю А. Записные книжки (май 1935 – март 1951) / пер. с фр. О. Гринберг, В. Мильчиной // Сочинения: в 5 т. Т. 5. Харьков: Фолио, 1998. 410 с.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). К естественной истории агрессии // Так зазываемое зло / пер. с нем. А. И. Фёдорова; под ред. А. В. Гладкова. М.: Культурная революция, 2008. С. 85–308.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдии к философии будущего / пер. с нем. Н. Н. Полилова // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2005–2013. С. 7–227.
9. Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург: Оренбургская книга: Праксис, 2001. 696 с.
10. Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1991–1992. Кн. 3–4. 399 с.
11. Устрялов Н. В. Памяти В. И. Ленина // Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003. С. 372–376.
12. Фатенков А. Н. Антропология М. Горького взглядом из капиталистического сегодня // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 48–57.
13. Фатенков А. Н. Понять прошлое с достоверностью настоящего: вековые смыслы Русской революции // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 45–53.
14. Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2008. 144 с.
15. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663, [1] с.
16. Юнгер Э. Уход в Лес / пер. с нем. А. Климентова. [Б. М., б. и.]. 2014. 149 с.

Статья поступила в редакцию 15.01.2020; принята к публикации 23.02.2020

Сведения об авторе

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; Приволжский исследовательский медицинский университет; 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru; https://orcid.org/0000-0001-8628-2413.

Библиографическое описание статьи

Фатенков А. Н. Антропологическая вертикаль: власть характера над амбициями и интересами // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 66–75. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-66-75.

References

1. Berdyaev, N. A. The Origin of Russian Communism. M: Nauka Publ., 1999. (In Rus.)
2. Valentinov, N. Little-known Lenin. St. Petersburg: Mansarda, Smart Publ., 1991. (In Rus.)
3. Vernadsky, G. Lenin, Red Dictator. Moscow: Agraf Publ., 1999. (In Rus.)
4. Gorky, M. V. I. Lenin (First Edition). Web. 02.01.2020. http://www.gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-i-lenin-pervaya-redakciya.htm. (In Rus.)
5. Gurevich, P. S. Socio-psychological Illusions of the Great October Revolution, in: Revolution, Evolution and Dialogue of Cultures (ed. by A. V. Chernyaev). M: Gnozis Publ., 2018: 277–297. (In Rus.)

6. Camus, A. Notebooks <May 1935 – March 1951>, in: A. Camus, Works, vol. 5. Kharkiv: Folio Publ., 1998. (In Rus.)
7. Lorenz, K. On Aggression, in: K. Lorenz, The So Called Evil. M: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., Moscow, 2008: 85–308. (In Rus.)
8. Nietzsche, F. Beyond Good and Evil, in: F. Nietzsche, Complete Works, vol. 5. M: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., Moscow, 2005–2013. PP. 7–227. (In Rus.)
9. Serge, V. Memoirs of a Revolutionary. Orenburg: Orenburgskaya kniga, NPTs «Praksis» Publ., 2001. (In Rus.)
10. Sukhanov, N. N. Notes on the Revolution. Vol. 2. M: Politizdat Publ., 1991–1992. (In Rus.)
11. Ustryalov, N. V. In Memory of V. I. Lenin, in: N. V. Ustryalov, National Bolshevism. Moscow: Eksmo Publ., 2003: 372–376. (In Rus.)
12. Fatenkov, A. N. M. Gorky's Anthropology from the Capitalist Today's Perspective. Humanitarian Vector, no. 2, pp. 48–57, 2019. (In Rus.)
13. Fatenkov, A. N. To Understand that Past with Realness of Present: Eternal Senses of Russian Revolution. Filosofiya khozyaistva, no. 5, pp. 45–53, 2017. (In Rus.)
14. Freyer, H. Revolution from the Right. M: Praxis Publ., 2008. (In Rus.)
15. Spengler, O. The Decline of the West: Outlines of a Morphology of World History. M: Mysl' Publ., 1993. (In Rus.)
16. Jünger, E. The Forest Passage. Transleted from German by A. Klimentov. [S. l., s. n.], 2014. (In Rus.)

Received: January 15, 2020; accepted for publication February 23, 2020

Information about author

Fatenkov Aleksey N., Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarina ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia; Privolzhskiy Research Medical University; 10/1 Minin sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru; https://orcid.org/0000-0001-8628-2413.

Reference to the article

Fatenkov A. N. Anthropological Chain: Power of Character over Ambitions and Interests // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 66–75. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-66-75.

ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

PHILOSOPHY OF THINKING AND COGNITION

УДК 801.31
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-76-84

Роман Георгиевич Ардашев,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: ardachev.rg@bk.ru

Иррациональность общественного сознания

В статье рассматриваются формы, условия и особенности развития иррационального сознания наших современников. На основе увеличения веры в сверхъестественное, не логичное, а интуитивное, пралогичное знание доказывается идея об усилении иррациональности индивидов и социальных групп, возникновения новых, возрождения и усиления старых объяснительных моделей общественного воспроизводства. На примере собственного эмпирического исследования показываются формы иррациональности, причины и последствия его актуализации, изменения стилей и форм мышления, нарушения причинно-следственных связей и закономерностей, алогичность поступков и многих других процессов, опирающихся на пралогичное мышление, социальную аномию общественного воспроизводства. Помимо этого, при помощи факторного анализа рассматриваются объяснительные модели и объяснительные парадигмы мышления, актуализирующиеся у тех, кто склонен к иррациональному мышлению (социокультурная, социально-психологическая, социально-образовательная, идеолого-мировоззренческая форма иррациональности общественного сознания). Приводятся примеры ответов респондентов о значимости и мотивации применения иррационального мышления в их обычной повседневной жизни. В исследовании учитываются как макропоказатели социокультурного развития (традиции, обычаи, верования), так и микропоказатели социальных практик (ритуалы, социальные действия, наделённые мистической силой и сверхъестественными стратегиями объяснения). Итогом данного исследования выступает вывод об усилении иррациональности мышления современников, являющегося инструментом социальной адаптации к общественным переменам, требующим от участников социального взаимодействия новых точек опоры, поиска новых смыслов жизни, новых стратегий объяснения и интерпретации происходящих событий. Иррациональность мышления выступает квазипоказателем социальной реальности, изменяющей условия социального воспроизводства и социальной динамики в целом.

Ключевые слова: иррациональность сознания, социальная аномия, социальная неуверенность, отсутствие уверенности, отсутствие ориентиров

Roman G. Ardashev,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: ardachev.rg@bk.ru

The Irrationality of Public Consciousness

The article discusses the forms, conditions and features of the development of the irrational consciousness of our contemporaries. On the basis of increasing faith in supernatural, not logical but intuitive, prelogical knowledge, the idea of strengthening the irrationality of individuals and social groups, the emergence of new and the revival and strengthening of old explanatory models of social reproduction is proved. The example of our own empirical research shows the forms of irrationality, the causes and consequences of its actualization, changes in styles and forms of thinking, violation of cause-effect relationships and patterns, inconsistency of actions and many other processes based on prelogical thinking, social anomie of social reproduction. In addition, with the help of factor analysis, explanatory models and explanatory paradigms of thinking that are relevant for those who are prone to irrational thinking (sociocultural, socio-psychological, socio-educational, ideological-ideological form of irrationality of public consciousness) are considered. Examples of respondents'

© Ардашев Р. Г., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

answers about the importance and motivation of using irrational thinking in their ordinary everyday life are also given. The study takes into account both macro indicators of socio-cultural development (traditions, customs, beliefs) and micro indicators of social practices (rituals, social actions endowed with mystical power and supernatural strategies of explanation). The result of this study is the conclusion about the strengthening of the irrationality of thinking of contemporaries, which acts as an instrument of social adaptation to social changes, requiring new points of support for participants in social interactions, the search for new meanings of life, new strategies for explaining and interpreting events. The irrationality of thinking is a quasi-indicator of social reality, changing the conditions of social reproduction and social dynamics in general.

Keywords: irrationality of consciousness, social anomie, social uncertainty, lack of confidence, lack of reference points

Введение. В период социальных перемен появляется множество спорных, иллюзорных стратегий социальной адаптации к новым условиям. Это выражается в вере в экстрасенсов и магов, народных целителей и колдунов, а не сертифицированных академических врачей, психологов и каких-то других специалистов, располагающих статистически и научно обоснованными данными лечения, структурирования и понимания жизни. Таким образом, психика людей строится на субъективных, иррациональных формах интерпретации общественных процессов и своего поведения в социальной среде.

Одной из теорий, объясняющих особенности иррациональности, мистичности, нелогичности сознания, является теория пралогического мышления Люсьена Леви-Брюля [6], сформулированная им в 20-е гг. XX в. при изучении примитивных народов, особенностей их мышления. Но его идеи, достаточно спорно воспринятые современниками, находят сторонников при объяснении современных казусов и парадоксов общественного сознания, выраженного в мистичности сознания и иррациональности поведения.

Наши современники зачастую мыслят вопреки логике, подчиняясь законам толпы, коллективных представлений, не опираясь на очевидную несостоятельность или даже явную ложь, готовы поверить кому-то (публичной персоне, некоему эксперту, выступающему в СМИ, но не своему рациональному восприятию происходящих событий) [11; 14; 15]. Многие наши современники верит в пророчества и гороскопы, обращаются к народным целителям, разгадывают сны через сонники и так далее. Но мы не просто вербализируем приметы, заложенные в нашей культуре нормы, суеверия, практики, укрепляя их, тем самым в общественном сознании, мы воспроизводим весь ритуал: стучим по дереву, плюем через плечо, держим дулю в кармане, кидаем соль через плечо и т. д. [11–13; 16].

Это примеры пралогического поведения, которые рассматриваются нашими современниками И. Е. Головаха-Хикс [2], Л. И. Кабановой [5] и другими. Изучая примитивные общества, Л. Леви-Брюль отмечал именно эти черты – ориентацию на коллективные представления, ритуалы и традиции, нелогичные причинно-следственные связи и т. д. [6].

Согласно проведённому ВЦИОМ опросу, в 1990 г. 63 % россиян принимали за истину гипноз, гадания, толкование снов и предсказания, в то время как в 2019 г. лишь 22 % респондентов верят в это. Кроме того, за последние несколько лет уменьшилось количество тех, кто верит в существование колдовства и порчи – с 48 до 31 %. Уточняется, что число верующих в приметы также за последние несколько лет сократилось – с 50 до 33 %. Ко всему прочему, менее 15 % респондентов верят в астрологические прогнозы, в то время как раньше эта цифра составляла 33 %[1].

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования стали подходы У. Джеймса [3], Э. Дюркгейма [4], Э. Фромма [9], опирающиеся на принципы и законы изучения религии и религиозности в традиционных и современных обществах.

Уильям Джеймс под формами иррациональной организации жизни понимал совокупность чувств, действий и опыта личности или группы людей, позволяющих объяснять происходящие вокруг события и явления как акты влияния внешних сил (Бога – и возникает религия, власти – и возникает тоталитарный режим и др.). Эмиль Дюркгейм включал в «сакральное» не только религию и религиозные вещи, но и то, что относится к мистическому, сверхъестественному в общественном сознании, что пока не познано, возможно, и не

[1] Насколько россияне верят в приметы и колдовство, показал опрос. – Текст: электронный // Газета.ру. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/07/02/n_13160959.shtml (дата обращения: 02.01.2020).

может быть познано. Понятие священного связано с постижением религиозного опыта, но может не совпадать с верой в Богов. По мнению учёного, коллективные представления возникают в процессе общения. Эрик Фромм под религией понимал любую систему взглядов и действий, которой придерживается какая-то определённая группа, благодаря чему формируется система ориентаций, верований и поклонений членов этой группы. Черты религиозности могут обнаруживаться в вещах, событиях и проектах, не имеющих отношения к сверхъестественному.

Иррациональное мышление формируется через механизмы внушения, заражения и подражания и передаётся из поколения в поколение. Они носят в значительной мере императивный характер, так как воспринимаются индивидом почти автоматически, навязываются, слабо поддаются критике. В них смешаны когнитивные элементы с эмоциональными переживаниями, вызванными явлениями окружающего мира. Вера людей в то, что кто-то может им помочь или помешать, управлять их жизнью, удачей и счастьем, определяет жизнеспособность последних.

Как отмечает Н. П. Андрюшкова, вера в иррациональные процессы и явления усиливается в переходный период, кризисные моменты жизни общества. Любые социальные трансформации могут повлечь за собой кризис социальной и личной идентичности, что приводит к поиску опор в иррациональных стратегиях мышления. Такие психологические факторы мотивации суеверного поведения, как страх смерти, одиночество, чувство бессилия, могут приводить к всплеску интереса к иррациональным моделям поведения (магическим). Результатом становится повышение уровня внушаемости (в том числе и самовнушаемости), что приводит к формированию мистического сознания [1].

В основе данного поведения, по нашему мнению, лежит то, что люди не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, не знают, на что и на кого опираться, поэтому ищут опоры в иррациональных процессах и явлениях. В результате срабатывает закон «мистического сопричастия» (Л. Леви-Брюль). Это предположение стало нашей научной гипотезой.

Исследование на тему «Формы иррациональности общественного сознания» проходило в 2019 г., в нём приняли участие 2 200 чел. в возрасте от 18 до 75 лет, разных социально-демографических стратификационных групп, проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока.

Проект состоял из четырёх фокус-групп, в нём приняли участие 36 чел. Участники фокус-групп отбирались по принципу типичного представителя социально-демографических групп, участвовавших в исследовании.

Нами была проведена триангуляция результатов анкетного опроса и фокус-группового исследования, при этом применялся факторный и транс-символический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе ответов на вопрос: «В повседневной жизни вы чаще опираетесь на рациональные или субъективные доводы и аргументы?» получены следующие результаты: женщины в 44,2 % случаев опираются на объективные, рациональные данные, мужчины – в 67,5 %. При этом, чем старше мужчины, тем этот процент выше, а среди женщин ответы распределены равномерно по всем возрастам. В целом женщины более иррациональны, чем мужчины (табл. 1).

Таблица 1

Опора на рациональные или субъективные доводы и аргументы в повседневной жизни

Возраст, лет	*Рациональные, %*		*Субъективные, %*	
	мужчины	*женщины*	*мужчины*	*женщины*
18–25	45,5	32,4	54,5	67,6
26–35	46,6	35,4	53,4	64,6
36–45	52,1	34,5	47,9	65,5
46–55	55,8	31,9	44,2	68,1
56–65	65,4	36,3	34,6	63,7
66 и старше	86,5	34,8	13,5	65,2
Итого	**67,7**	**44,2**	**32,3**	**55,8**

Возникает вопрос: почему одни респонденты опираются на иррациональные, а другие – на рациональные вещи. Выявлены мотивы доминирования тех или иных аргументов в объяснении событий или явлений личной или социальной жизни.

Для мужчин доминирующим мотивом выступает нежелание брать ответственность на себя за свой выбор, при этом появляются такие аргументы, как «судьба», «карма», то, на что они не влияют, лишь вынуждены подчиниться (24,4 %). На втором месте – желание удивить всех своим решением, поступком – во многом это стратегия предъявления себе и другим задач большего порядка, чем возможно решить или

реализовать на данный момент, в таком случае надежда только на высшие силы (Бога, духов-покровителей, ангелов и иных существ) – 23,5 %. Третье место – увлечённость эзотерической культурой и литературой (16,5 %) и достаточно близкое к нему четвёртое место – хобби (14,5 %) занимают близкое значение и по процентному распределению, так как отвечают за мировоззрение и интересы мужчин, участвующих в исследовании.

Для женщин распределение несколько иное. На первом месте – увлечённость эзотерической культурой и литературой (24,4 %). На втором месте – нежелание брать ответственность за рациональный выбор (20,5 %) и на третьем – влияние семейных ценностей (19,4 %), хобби занимает четвёртую позицию (16,2 %). Данные результаты позволяют говорить о том, что респонденты предпочитают опираться на кого-то другого – высшие силы или свою семью, но не на самого себя (табл. 2). Своего рода инфантилизм.

Таблица 2

Мотивы обращения к иррациональным или рациональным формам сознания

Мотив	*Мужчины, %*	*Женщины, %*
Желание удивить всех своим решением, поступком	23,5	11,1
Влияние семейных традиций	11,3	19,4
Полученное образование	6,7	5,1
Хобби	14,5	16,2
Нежелание брать ответственность за рациональный выбор	24,4	20,5
Увлечённость эзотерической культурой и литературой	16,5	24,4
Другое	3,1	3,3

Отвечая на вопросы о том, почему возникают иррациональные стратегии объяснения той или иной ситуации или процесса, респонденты отмечали то, что от них не зависит, при этом сложно изучить, проследить, проанализировать судьбу или карму тех, кто может за них принять решение и нести ответственность (старшие родственники, мужья или жены, реже дети). В то время, когда делался выбор в пользу рациональных аргументов, говорилось о верифицируемых данных – статистке, закономерностях, причинно-следственных связях и т. д. При рациональном выборе аргументов учитывалось больше рисков и возможных трудностей.

Уровень удовлетворённости от применения иррациональных стратегий достаточно высок, так как позволяет объяснить и интерпретировать любой вариант исхода ситуации как положительный, так и отрицательный, при этом предполагается: невозможно увидеть лучший вариант. Отрицательные события (болезнь, увольнение с работы, ссора с родственниками или друзьями) также могут выступать поводом для того, что это к лучшему (*для того чтобы понять, что тебе по-настоящему важно, заняться любимым делом, поменять круг общения, найти время для себя и близких* и т. д.). Удовлетворённость иррациональными стратегиями у женщин – 82,2 %; у мужчин – 65,6 %; неудовлетворённость у женщин – 17,8 %; у мужчин – 34,4 %.

Уровень удовлетворённости от применения рациональных стратегий мышления значительно ниже. У женщин он составил 44,1 % (в два раза ниже, чем от применения иррациональных стратегий); у мужчин – 82,3 % (на треть выше, чем от иррациональных); неудовлетворённость у женщин – 55,9 % (в три раза выше, чем от иррациональных), у мужчин – 17,7 % (табл. 3).

Таблица 3

Уровень удовлетворённости/ неудовлетворённости иррациональными и рациональными стратегиями мышления

Уровень удовлетворённости	*Рациональные, %*		*Иррациональные, %*	
	мужчины	*женщины*	*мужчины*	*женщины*
Высоко удовлетворён	35,6	12,3	31,2	38,7
Достаточно удовлетворён	46,7	31,8	34,4	43,5
Не всем удовлетворён	10,9	31,2	22,1	13,6
Совсем не удовлетворён	6,8	24,7	12,3	4,2
Итого	**100**	**100**	**100**	**100**

Отметим, что уровень удовлетворённости во всей выборке респондентов иррациональными стратегиями мышления выше, чем рациональными. Причём у женщин этот процент заметно выше, чем у мужчин. Возможно, это вызвано тем, что аргументы, доводы и логика могут объяснить, позволяют понять, но не снимают интереса к непознанному, неузнаваемому. Рациональное не оставляет места для загадки, оно открыто для нашего мышления и сознания, не позволяя ничему спрятаться. Это приводит к понимаю, к ясности, но далеко не всегда

к радости или удовлетворению, к тому, что может сделать жизнь человека наполненной и интересной, хотя и во многом непредсказуемой и хаотичной.

Рациональные стратегии мышления опираются на категоричные суждения: победитель/проигравший, сила/слабость, реализованность/нереализованность и т. д. Если не одно, то другое доминирует, тогда как иррациональные стратегии даже проигрыш могут сделать победой. В этом их бесспорное преимущество для личности человека, для его сознания – готового идти дальше, осознавая, что он получил опыт, который становится его ресурсом и силой. Рациональные стратегии способны более категорично решать вопрос, если проигрыши или какие-то неприятности происходят одна за другой, при этом человек не может найти выход из них, увидеть альтернативы и иные способы изменения ситуаций и процессов.

По мнению респондентов, среди их окружения имеются те же вопросы и проблемы (80 %), иными словами, они находятся в кругу тех, кто мыслит, как и они сами. Следовательно, их решения поддерживает окружение, их поступки понятны и принимаются окружением. Как результат – рефлексивность, критичность к тем или иным аргументам в данной ситуации не актуализируется.

При анализе иррациональности общественного сознания нами выявлены несколько групп факторов, определяющих формы и векторы развития сознания, при описании 82 % общей дисперсии (табл. 4).

Таблица 4

Факторный анализ иррациональности общественного сознания

Фактор	*Переменные*	*Коэффициент*
Социокультурный. Вес фактора – 16,2. Объяснительная дисперсия – 29,6 %	Наши предки жили по законам, которые помогали им и выжить и быть в достатке, это и у нас сработает, если мы будем их соблюдать	0,764
	Помня свои корни, мы получаем силу рода для своих дел сегодня	0,731
	Русская культура укрепляет душу и тело, давая силы на все проекты и дела	0,654
Социально-психологический. Вес фактора – 13,8. Объяснительная дисперсия – 22,7 %	На всё воля Божья	0,723
	Сохраняя природу, помогая и людям, и духам – получишь покровительство Богов	0,673
	Наши мысли влияют на то, какие люди нас окружают	0,621
Социально-образовательный. Вес фактора – 11,7. Объяснительная дисперсия – 19,4 %	Болезни происходят от злых духов или проклятий и порч людей	0,697
	Счастье, богатство, удачу можно украсть	0,654
	Не получив благословения высших сил, на успех любого дела рассчитывать нельзя	0,521
Идеолого-мировоззренческий. Вес фактора – 8,5. Объяснительная дисперсия – 11,2 %	Вера в то, что мы не одни и всё совершается по чьему-то умыслу, спасает от одиночества и бессмысленности	0,574
	Не всё, что происходит с нами, можно понять и объяснить	0,533
	Не все причины поступков и событий понятны, не все последствия мы видим	0,513

Участники фокус-групп давали следующее объяснение выявленным нами факторам. Социокультурный фактор иррациональности общественного сознания опирается на культурные традиции и нормы, заложенные предками, при этом в условиях социальных переломов – имеющие особое значение, так как позволяют найти опоры для объяснения разнообразных социальных и психологических состояний или явлений.

Наша связь с предками вот так и срабатывает, когда солью вокруг посыпать, а когда через плечо переплюнуть – всё надёжнее и безопаснее будет. Или же духам когда подношения делаешь – веришь, не веришь, а делаешь, стало быть, где-то надежда живёт на то, что помогут, не оставят и уберегут… (С. Ю., музыкант, 44 года).

Мы родились на этой земле, потому должны знать и чтить традиции тех, кто тут жил задолго до нас. Тот, кто уходит от веры предков – теряет часть души. После ищет покровительства и защиты у других Богов, но не всем они помогают, так как не по роду и не по чести – оставлять веру одних и идти к другим... (М. А., архитектор, 38 лет).

Чёрная кошка – для меня всегда срабатывающая примета. Лучше вернуться туда, откуда пришёл – день идёт насмар-

ку, что бы ни делал. В студенчестве всегда с пятаком под пяткой ходила на экзамены – всегда помогало. И детям своим теперь то же советую, и они также ходят… (С. В., менеджер, 42 года).

Социально-психологический фактор иррациональности общественного сознания актуализируется в стрессовых ситуациях или ситуациях, сопровождающихся постоянной тревожностью и позволяющих увидеть невидимые связи между событиями, а если их нет, то придумать эти связи и получить поддержку извне (она может исходить как от других людей, так и духовных сущностей).

Зная, что у кого-то можно попросить защиты, помощи или силы – легче становится. Особенно когда ещё другим помогать начинаешь, вместе молишься, тогда и самому легче, и человеку помощь, и ангелам проще благословлять, нас грешных… (М. А., домработница, 55 лет).

Я регулярно дом мою с солью и провожу всякие очистительные практики там, где сплю. Это помогает и телу, и душе. Помогает уйти тем сущностям, кто случайно или не случайно ко мне заходит. Прошу помощи у высших сил и своего ангела в частности. Думаю, что это мне помогает идти по жизни. Я не одна... (А. В., репетитор английского языка в частной школе, 27 лет).

Если вдруг плохо мне, дела не очень идут и на работе какая-нибудь гадость, я иду к знакомой ворожее, она мне водичку даст, травки зажжёт, заговор скажет, всё само налаживается. Прямо моя спасительница… (Л. А., руководитель пресс-службы, 42 года).

Социально-образовательный фактор актуализируется тогда, когда не хватает объективных знаний, тогда эти места заполняются суевериями, народными представлениями. Если нет объяснения каким-то процессам, то это рождает страх. Чтобы этого не происходило, в человеке заложена черта, способная объяснить и объяснять всё и вся.

Народные травки лечат от всех хворей, главное знать, что от чего пить. Если травка не помогает, то только молитва и спасёт. Искренняя и безупречная. Её всегда слышат те, кому она посвящена… (О. С., секретарь, 29 лет).

У меня есть заговоренный амулет, мне знахарка его подарила – так вот от всего он меня бережёт. Если что не так происходит, беру его в руки – думаю о том, что мне не нравится и как хотела бы поменять, через день всё меняется примерно так, как хотелось мне... (И. М. фитнес-тренер, 25 лет).

Я молюсь. У меня дома есть Икона Казанской Богоматери, которая мне помогает. В случае беды или болезни – прошу помощи и сил на преодоление, и она мне помогает, легче на душе и в теле становится сразу после молитвы… (М. А., администратор в ресторане, 31 год).

Идеолого-мировоззренческий фактор иррациональности общественного сознания актуализируется тогда, когда появляются люди новой формации, воспринимающие себя и окружающий мир через призму их значимости. Для современного российского общества это относительно новый взгляд на себя и людей вокруг. Зачастую он является переломным в процессе становления новых духовно-этических и моральных норм общества.

Знаю, что помогают мне высшие силы, оберегают меня от всего дурного, что могло случиться. Ведут к тому, что суждено мне сделать на роду… (Д. Г., хореограф, 45 лет).

У меня есть миссия души. Она у всех есть, но не все её знают. Я свою знаю. И поэтому в каждом человеке, в каждом событии, что встречается мне на пути, вижу знак того, что я сама это выбрала, и этот человек или это испытание нужны мне, чтобы чему-то научиться, что-то понять... (А. В., массажист, 45 лет).

Мои покровители – это предки моего рода. Мы – буряты, чтим их и всегда помним, оттого они помогают тем, кто выполняет их волю. К шаману ездим всей семьёй, чтобы поговорить с предками, спросить совета и попросить помощи. Это у нас как семейный ритуал по весне происходит. Это скрепляет всех членов нашего рода... (В. В., фотограф, 42 года).

Таким образом, ответы респондентов показывают достаточно высокий уровень иррациональности сознания. Объяснение происходящего респонденты находят в предках, в высших силах, которые воздействуют на их жизнь. Они могут лишь просить о помощи и защите и приносить дары. Брать личную ответственность за свою жизнь в полной мере мало кто хочет.

Таким образом, иррациональность сознания может опираться на разные факторы, фокус интерпретации своей жизни,

своих мыслей, поступков и действий, как и мыслей, поступков и действий окружающих зависит личного опыта социализации и жизненного опыта, а также социальной среды, поддерживающей рациональную или иррациональную стратегию сознания для анализа сложившихся обстоятельств.

Отметим, что в рационально ориентированной среде также возникают иррациональные стратегии. Эти формы могут быть обусловлены культурой (например, загадывание желаний на Новый Год или День рождения) или же потерей надежды из-за категоричных суждений или диагнозов врачей. Возникновение ритуалов несёт в себе трансформационную функцию: возможность от иррационального мотива перейти к рациональному действию. Об этом более подробно изложено в работах О. А. Полюшкевич [7; 8].

Иррациональность сознания является ещё и способом психологической защиты. Когда человек испытывает тревогу, беспокойство, напряжение, он обращается к суевериям, знахарям, экстрасенсам, гадалкам, или напрямую к ритуальным техникам, которые были переданы предками или, возможно, созданы самостоятельно. С помощью суеверно-ритуальной деятельности человек достигает внутренней сбалансированности и снижения уровня тревожности. Проявление тревоги может быть важным элементом адаптивного процесса. Однако если тревога чрезмерна и носит социальный характер, то она, наоборот, тормозит адаптивные возможности.

Наблюдаемое в последние годы распространение мистицизма и суеверности является прямым следствием усиления социальной, экономической и духовной нестабильности, вынуждающей прибегать при чувствах тревоги и бессилия к защите сверхъестественных и таинственных сил.

Причиной иррационального мышления может быть отсутствие возможного объяснения происходящих событий. Только сверхъестественные силы могут стать ответом на вопросы, что является показателем либо малообразованности, либо ограниченности системного видения проблемы или рассматриваемой ситуации. Иррациональность мышления в данном случае выступает способом осмысления реальности.

Выводы. Таким образом, пралогичность мышления достаточно большой группы современников очевидна, как очевидны иррациональные формы и стратегии объяснения социальной реальности, выбора жизненных целей, мотивов и стратегий личной и социальной реализации. Мистичность сознания и доминирование коллективных представлений прослеживаются в обществе достаточно убедительно. На основе этого мы можем утверждать о смешении первобытного и современного сознания. Более уместно говорить о смешанном или разорванном развитии сознания и мышления современников.

Иррациональность мышления строится на коллективных стратегиях адаптации к меняющимся условиям и формам жизни. Социальные трансформации, новые порядки привели к тому, что значительная часть населения нашей страны стала прибегать не к рациональным, а иррациональным доводам и стратегиям социальной адаптации к новым условиях жизни. Стабилизация социального порядка приведёт к уменьшению интереса к иррациональности и увеличению тяги к рациональному, логичному знанию.

Социальные изменения современного мира создают почву для усиления не логического, а иррационального начала, так как предлагают освоение всё новых и новых пространств, сфер и явлений как реального, так и виртуального миров. Иррациональность находит новые формы и объекты развития в современном мире. Повседневная реальность показывает, скорее, обратную картину: наш современник иррационален как никогда.

Список литературы

1. Андрюшкова Н. П. Психологические факторы суеверности у молодёжи // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2016. Вып. 3. С. 107–114.

2. Головаха-Хикс И. Е. Концепция пралогического мышления Л. Леви-Брюля и роль мистического в современном сознании (на материале современных верований и фольклорных нарративов) // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 164–173.

3. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 333 с.

4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон +, 1998. С. 175–231.

5. Кабанова Л. И. Игры с «пра-логическим» // Studia Culturae. 2019. № 39. С. 47–55.

6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 602 с.

7. Полюшкевич О. А. Ритуал перехода: задачи реализации при неизлечимых болезнях // Философия здоровья: интегральный подход: межвуз. сб. науч. тр. Иркутск: ИГМУ, 2018. С. 12–20.

8. Полюшкевич О. А. Ритуалы как социальные конъюнкторы // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 338–341.

9. Фромм Э. Психоанализ и религия // Иметь или быть? М.: Политиздат, 1990. 314 с.

10. Ariely D. Predictably Irrational: The Hidden Forces that Shape Our Decisions. New York: HarperCollins, 2008. 348 c.

11. Davison Gerald C. Irrational beliefs in the articulated thoughts of college students with social anxiety // Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy. 1987. No. 5. Pp. 238–254.

12. Deglin V. L. Paradoxical Aspects of Human Thinking // Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology. 2003. Vol. 39. Pp. 12–32.

13. Evans B. T. Rationality and the illusion of choice. Front. Psychol. 2014. No. 5. P. 104. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00104.

14. Goldstein D. G., Gigerenzer G. Models of ecological rationality: the recognition heuristic // Psychol. Rev. 2002. No. 109. Pp. 75–90. DOI: 10.1037/0033–295X.109.1.75.

15. Kim G. R., Olson Matthew H. Sound mind, irrational behavior? // Front. Psychol., 2014. No. 5. P. 104. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00104.

16. Stanovich K. E. Rationality and the Reflective Mind. New York: Oxford University Press, 2011. 319 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2020; принята к публикации 25.02.2020

Сведения об авторе

Ардашев Роман Георгиевич, кандидат юридических наук, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 3; e-mail: ardachev.rg@bk.ru; https://orcid.org/0000-0002-2286-8711.

Библиографическое описание статьи

Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-76-84.

References

1. Andryushkova, N. P. Psychological factors of superstition in youth. Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, no. 3, pp. 107–114, 2016. (In Rus.)

2. Golovakha-Hicks, I. Ye. The concept of paralogical thinking of L. Levy-Bruhl and the role of the mystic in modern consciousness (based on modern beliefs and folklore narratives). Traditional Culture, no. 3, pp. 164–173, 2011. (In Rus.)

3. James, W. The diversity of religious experience. M: Nauka, 1993. (In Rus.)

4. Durkheim, E. Elementary forms of religious life. Mysticism. Religion. The science. Classics of world religious studies. Anthology. M: Canon +, 1998: 175–231. (In Rus.)

5. Kabanova, L. I. Games with the «pre-logical». Studia Culturae, no. 39, pp. 47–55, 2019. (In Rus.)

6. Levy-Bruhl, L. Supernatural in primitive thinking. M: Pedagogica, 1994. (In Rus.)

7. Polyushkevich, O. A. The transition ritual: implementation tasks for incurable diseases. Health Philosophy: Integral Approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk: IGMU, 2018: 12–20. (In Rus.)

8. Polyushkevich, O. A. Rituals as social conjunctors. Consolidation of Russian society: organizational, educational and sociocultural resources. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ed. O. A. Karmadonova, O. A. Polyushkevich. Irkutsk: ISU, 2015: 338–341. (In Rus.)

9. Fromm, E. Psychoanalysis and religion. To have or to be? M: Politizdat, 1990. (In Rus.)

10. Ariely, D. Predictably Irrational: The Hidden Forces that Shape Our Decisions. New York, NY: HarperCollins. 2008. (In Engl.)

11. Davison, Gerald C. Irrational beliefs in the articulated thoughts of college students with social anxiety. Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy, no. 5, pp. 238–254, 1987. (In Engl.)

12. Deglin, V. L. Paradoxical Aspects of Human Thinking. Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology, vol. 39, pp. 12–32, 2003. (In Engl.)

13. Evans, J. S. B. T. Rationality and the illusion of choice. Front Psychol, no. 5: 104, 2014. DOI: 10.3389 / fpsyg.2014.00104 (In Engl.)

14. Goldstein, D. G., Gigerenzer G. Models of ecological rationality: the recognition heuristic. Psychol. Rev, no. 109, pp. 75–90, 2002. doi: 10.1037 / 0033–295X.109.1.75 (In Engl.)

15. Kim, G. R., Olson, M. H. Sound mind, irrational behavior? Front. Psychol., no. 5: 104, 2014. DOI: 10.3389 / fpsyg.2014.00104 (In Engl.)

16. Stanovich, K. E. Rationality and the Reflective Mind. New York, NY: Oxford University Press. 2011. (In Engl.)

Received: January 22, 2020; accepted for publication February 25, 2020

Information about author

Ardashev Roman G., Candidate of Law, Irkutsk State University; 3 Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: ardachev.rg@bk.ru; https://orcid.org/0000-0002-2286-8711.

Reference to the article

Ardashev R. G. The Irrationality of Public Consciousness // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 76–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-76-84.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 321
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-85-94

Вера Николаевна Даренская,
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика),
e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Критика социального утопизма в работах С. Н. Булгакова

Статья посвящена рассмотрению концепции христианского солидаризма С. Н. Булгакова, которая включает в себя критику социально-политических проектов эпохи модерна (социализм, капитализм и др.) на основе христианской этики и антропологии и имеет большую эвристическую и идейную ценность для нашего времени. Данный тип политического и социального проектирования позволяет выйти за рамки секулярных идеологий, продемонстрировавших свой утопизм в XX в., и соединить политические взгляды с нравственными ценностями и религиозным мировоззрением народа. Показано, что высшей основой общества, по С. Н. Булгакову, является союз людей, основанный на их человечности, т. е. на братстве людей по их достоинству. Это союз не экономический, а нравственный, поэтому общественный идеал, согласно концепции С. Н. Булгакова, определяется не только экономическим строем, а в первую очередь общим типом человеческих отношений, который основан на нравственности, а последняя – на религиозной, а не экономической жизни людей. Теоретический подход к пониманию природы общественного идеала, предложенный С. Н. Булгаковым и основанный на его критике утопических социальных проектов, весьма актуален для нашего времени. Концепция христианского солидаризма С. Н. Булгакова обнаруживает свою актуальность в общем контексте современного кризиса традиционных идеологий, поскольку эта концепция «выносит за скобки» все устоявшиеся идеологические доктрины и непосредственно основана на базовых христианских ценностях, показывая разные пути их воплощения в социально-экономической жизни в любых исторических условиях. В статье использованы недавно введённые в научный оборот источники.

Ключевые слова: С. Н. Булгаков, утопия, идеология, политика, христианский солидаризм, религия

Vera N. Darenskaya,
Lugansk National University named after T. Shevchenko
(Lugansk, Luhansk People's Republic),
e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Christian Criticism of Social Utopianism in the Works by S. N. Bulgakov

This article is devoted to the consideration of the concept of Christian solidarity by S. N. Bulgakov, which includes criticism of social and political projects of the Modern era (socialism, capitalism, etc.) based on Christian ethics and anthropology and has a great heuristic and ideological value for our time. This type of political and social design allows us to go beyond the secular ideologies that demonstrated their utopianism in the twentieth century, and combine political views with moral values and religious worldview of the people. It is shown that the highest Foundation of society, according to S. N. Bulgakov, is a union of people based on their humanity, i. e. on brotherhood of people according to their dignity. This union is not economic, but moral and therefore the social ideal, according to the concept of S. N. Bulgakov, is determined not only by the economic system, but first of all, by the general type of human relations. This type of relations is based on morality, and the latter – on the religious, not economical life of people. The theoretical approach to understanding the nature of the social ideal proposed by S. N. Bulgakov is based on his criticism of utopian social projects, and this approach is very relevant for our time. The concept of Christian solidarity by S. N. Bulgakov finds its relevance in the general context of modern crisis of traditional ideologies, since this concept "puts out of brackets" all established ideological doctrines and is directly based on basic Christian values. The concept is showing different ways of their implementation in social and economic life in any historical conditions. This article uses recently introduced scientific sources.

Keywords: S. N. Bulgakov, utopia, ideology, politics, Christian solidarity, religion

Введение. Сергей Николаевич Булгаков – один из крупнейших мыслителей XX в. не только русского, но и мирового масштаба. Несмотря на то, что его наследие активно изучается в России, начиная с 1990-х гг., оно ещё не оценено по-настоящему и не изучено во всех своих аспектах. В XX в. он был, наряду с о. Павлом Флоренским и А. Ф. Лосевым, мыслителем особого – энциклопедического – типа, синтези-

© **Даренская В. Н., 2020**

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

ровавшим православное мировоззрение в самых разных областях его выражения – от экономической и социологической теории до самых сложных областей богословия. Именно такой энциклопедизм особенно актуален для настоящего времени как ценный образец цельности личности и сознания, ныне столь редких и труднодостижимых в эпоху «постмодерна». С. Н. Булгаков известен как один из авторов знаменитых сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), впервые давших оценку и анализ революционным событиям с христианских позиций. *Целью* данной статьи является анализ и обобщение его социально-экономических взглядов, которые делают его одним из основателей русского христианского солидаризма.

С. Н. Булгаков – образец вольнодумца, прошедшего путь от марксизма к Православию; как яркий образец «собственных Платонов» (М. Ломоносов) – тех универсальных умов, которые может рождать Россия. Личность отца Сергия уже при жизни поражала современников, понимавших её подлинный масштаб как мыслителя, и уже в 1948 г. в Париже вышло фундаментальное двухтомное исследование творчества о. Сергия – книга Л. Зандера «Бог и мир», начатое автором ещё при его жизни. В настоящее время именем С. Н. Булгакова названа площадь в городе Ливны Орловской области, с 1996 г. в городе существует лицей имени С. Н. Булгакова, а памятник философу установлен в Ливнах рядом с бывшим мужским Свято-Сергиевским монастырём. В наше время становится особо актуальным не только его философское и богословское наследие позднего периода творчества, но и работы более раннего периода, посвящённые критике социально-утопических проектов, поскольку последние существуют и в настоящее время.

Методология и методы исследования. Уже в XXI в. издано собрание работ о мыслителе – «С. Н. Булгаков Pro et contra» (2003) [12], исследование на французском языке Антуана Аржаковского “Le père Serge Boulgakov, un philosophe et un théologien chrétien” (Paris, 2007) [15] – уже есть его перевод на английский и на украинский языки, однако до сих пор нет перевода книги на русский. Вышло биографическое издание Д. А. Крылова «Сергей Булгаков» (2016) [10]. В Орле регулярно проводятся конференции и издаётся сборник «Булгаковские чтения». Есть и представительные международные конференции [11]. Однако в качестве яркого *критика социального утопизма* С. Н. Булгаков до настоящего времени исследован очень мало: среди таких работ можно выделить важную компаративную статью Ю. Н. Давыдова «Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика)» [7], а также новейшие работы И. В. Калмыковой и П. П. Мартинкуса «Возвращение пастыря: анализ власти в творчестве С. Н. Булгакова (1903–1917 гг.)» [9], Е. Я. Засядь-Волк «“Россия, как ты погибла?..” С. Н. Булгаков о революции 1917 года» [8] и Х. Хориэ «Был ли “социализм” идеалом священника Сергия Булгакова в первом десятилетии XX века?» [14], заложившие основу анализа данной проблематики в целом. В данной статье будет продолжен актуальный анализ социальных утопий в творчестве С. Н. Булгакова.

Результаты исследования и их обсуждение. С. Н. Булгаков родился 16 (28) июля 1871 г. в г. Ливны, учился в Ливенском духовном училище и в Орловской духовной семинарии (до 1888 г.), затем два года в Елецкой классической гимназии. В 1894 г. окончил юридический факультет Московского университета. Священник в седьмом поколении, он – вопреки воле родителей – в юности прервал эту семейную традицию, вернувшись к ней в уже зрелые годы, пройдя искушения интеллигентским безбожием. Повторив путь многих «поповских детей» XIX в., он ушёл из семинарии в университет. В 19 лет Булгаков уже хотел заниматься философией и литературой, но не позволил себе такую роскошь и выбрал юридический факультет, приковав себя «как каторжник к тачке» к политической экономии – чтобы «приносить пользу обществу». Там господствовал марксизм как «последнее слово» экономической науки. В издательстве Н. Водовозова, которое первым в России стало выпускать марксистскую литературу, вышла его первая книга «О рынках при капиталистическом производстве» (1897), как и первая книга В. Ульянова «Развитие капитализма в России» (1899), изданная там же. В 1898 г. он был направлен в двухлетнюю командировку в Европу для подготовки диссертации. В Германии он лично познакомился с вождями социал-демократии А. Бебелем, К. Каутским, Э. Бернштейном и др.; вступил в интенсивную переписку с Г. Плехановым. Но в своём новом исследовании «Капитализм и земледелие», по его выражению, «против

воли и в борьбе с самим собой» С. Н. Булгаков пришёл к заключению, что закон концентрации производства не действует в сельском хозяйстве. Миф о марксизме как «универсальной научной теории» был разрушен. А вывод С. Н. Булгакова полностью подтвердился уже в XX в. – частные фермерские хозяйства до сих пор являются самыми эффективными, а советские колхозы, созданные по марксистской теории, были катастрофически неэффективной формой эксплуатации крестьянского труда и одним из факторов краха СССР.

После получения степени магистра он стал профессором Киевского политехнического института, а с 1906 г. – профессором Московского коммерческого института (по 1918 г.). В этом же году был избран депутатом II Государственной Думы (как беспартийный «христианский социалист»). В это время он уже участвует в религиозно-философском возрождении – публикуется в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни», сборнике «Проблемы идеализма» (1902). В 1903 г. он издаёт сборник своих статей «От марксизма к идеализму» – знаковый для всей русской культуры, начало русского религиозного Ренессанса. В 1905 г. в дни Первой русской революции, С. Н. Булгаков пишет статью «Героизм и подвижничество», в которой говорит о «двух путях» русской интеллигенции. Согласно его концепции, героизм – это попытка изменить общество внешними средствами, сменив один класс другим, с применением насилия и террора и с полным пренебрежением к духовному и нравственному содержанию собственной личности. Подвижничество – это иной путь, предполагающий, прежде всего, изменение, духовное преображение собственной личности.

С. Н. Булгаков не просто участник знаменитых «Вех», но и один из главных выразителей «веховства» как идейного движения, призвавшего интеллигенцию к отрезвлению, отходу от сектантской морали, утопизма и революционерства – к работе на духовное развитие общества, а не его политическое разрушение. В данной работе С. Н. Булгаков писал о том, что оценка общественного прогресса должна происходить на основании приложения к процессу истории определённого нравственного идеала. В свою очередь, в поисках формулировки сущности этого идеала мыслитель сначала обратился к наследию И. Канта, но затем нашёл кантовскую этику слишком формальной и обратился уже непосредственно к Евангелию. Именно эти поиски высшего жизненного идеала и дали главный толчок дальнейшей творческой судьбе С. Н. Булгакова, его переходу в область религиозной философии, который происходил в эти годы. Докторская диссертация учёного «Философия хозяйства», защищённая в 1912 г. в Московском университете, вызвала большой общественный резонанс и стала «знаковым» явлением для всей русской философии серебряного века. Именно в этой книге С. Н. Булгаков дал полностью обоснованное и теоретически развёрнутое *нравственное понимание сущности экономической жизни как процесса преображения жизни*, вовсе не сводящегося к своим чисто материальным и прагматическим целям. В рамках этой концепции автор впервые обращается к философии Софии – как Божией Премудрости, наполняющей собой материальное бытие как её высшее духовное содержание и цель. Тем самым, и сама деятельность человека должна стать «софийной», то есть сущностно преображающей материальное бытие, а не только извлекающей из него одну только лишь материальную выгоду. Софийная философия хозяйства С. Н. Булгакова в настоящее время стала очень известной и актуальной концепцией – рассматривается как альтернатива тому типу экономики, который ныне господствует на глобальном уровне и приводит к истощению ресурсов и разрушению биосферы.

Итог своим размышлениям о сущности экономической жизни С. Н. Булгаков подвёл в большой статье «Об экономическом идеале» – вступительной лекции в курс «Критическое введение в политическую экономию». Здесь философ формулирует своё *христианское понимание экономической жизни*: «Роскошь есть победа чувственности над духом, мамона над Богом в индивидуальной душе или в целом обществе… Роскошь и нищета одинаково антикультурны, и одинаковая духовная бедность может царить в лачуге нищего и в палатах вельможи… именно такому отношению к богатству учит Евангелие. Оно не гонит человеческой радости и не клеймит всякого чувственного удовольствия. Но оно предостерегает от плена духа в заботах о богатстве и завтрашнем дне, осуждает “надеющихся на богатство” и повелевает сделать решительный выбор между служением Богу или мамоне, считая

несовместимым то и другое… но оно не осуждает культуру и необходимый для неё экономический прогресс» [4, с. 283]. Тем самым, христианское понимание экономики, по С. Н. Булгакову, – это понимание уже принципиально *не прагматическое, а нравственное*: экономическая жизнь оценивается не с точки зрения накопления богатства или типа собственности, а с точки зрения того, *как она формирует человека*. Поэтому при любом экономическом строе человек может как развиваться, так и деградировать – всё зависит от него самого: от того, с какой целью он трудится, какие цели вкладывает в свой труд. Труд может быть с высокой духовной целью совершенствования самого человека, но может быть и с низменной целью корысти, жадности и зависти. И это зависит не от экономического строя, а от нравственного «строя» самой человеческой души, который зависит не только от экономики.

В свою очередь, это привело С. Н. Булгакова к нелицеприятной оценке марксизма, Маркса как личности и социализма как движения в целом. В своей яркой статье «Карл Маркс как религиозный тип», опубликованной в журнале «Московский еженедельник» в 1906 г., он писал: «…и без Маркса рабочее движение отлилось бы в теперешнюю политическую форму, создалась бы социал-демократическая рабочая партия… Но Маркс наложил на неё неизгладимую печать своего духа (а следовательно, и того духа, которого он сам был орудием) в отношении философски-религиозном… Общая концепция социализма, выработанная Марксом, конечно, проникнута этим духом, отвечает потребностям воинствующего атеизма… превратив социализм в средство борьбы с религией… социализм ищет осуществления правды, справедливости и любви в общественных отношениях, но может отличаться преобладанием чувств иного, не столь высокого порядка: классовой ненависти, эгоизма, той же самой буржуазности – только навыворот» [3, с. 270]. Таким образом, у К. Маркса социализм превратился в квазирелигию и стал у него в первую очередь средством борьбы с христианством. Но поскольку, тем самым, сразу же отбрасывались и объявлялись «предрассудками» все нравственные принципы, которые воспитывало в людях христианство, то такой социализм фактически стал поощрением низменных инстинктов и аморальности. В реальной истории это выразилось как в крайних жестокостях сталинского режима, так и в моральном разложении народа в период социализма. Это происходило потому, что, хотя в теории социализм проповедовал свои нравственные принципы, которые были весьма похожи на христианские, но на практике люди поощрялись исключительно к «удовлетворению материальных потребностей». Поскольку же при социализме возможности такого удовлетворения были весьма ограничены, то это со временем с неизбежностью привело к падению социалистического строя и возвращению к капитализму.

Позднее в своих лекциях по истории экономических учений он обобщил этот вывод: «Социалистическое отрицание “прибавочной ценности” утверждается ими на зависти неимущих к имущим, эксплуатируемых к “эксплуататорам”, или на утверждении права на продукт труда как исключительную собственность, т. е. представляет собой притязание собственников, утеснённых в осуществлении своей собственности» [2, с. 270]. Тем самым, С. Н. Булгаков пришёл к выводу, что *социализм, особенно в его безбожном марксистском варианте, не только не является преодолением зла капитализма, но наоборот, он это зло полностью заимствует и даже ещё более усиливает все его пороки*. И этот вывод подтвердила сама история – в СССР в действительности было построено общество с такими же корыстными людьми, как при капитализме; эта корыстность сдерживалась тоталитарным строем, но ярко проявилась сразу после того как этот строй рухнул и исчезли сдерживающие факторы.

В своей итоговой работе на эту тему «Христианство и социализм», вышедшей в 1917 г. отдельной брошюрой в разгар революционных событий, он писал следующее: «Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчинённость хозяйства высшим началам нравственности и религии; он есть служение маммоне, маммонизм, по выражению Т. Карлейля. Никогда ещё в истории не проповедовалось в жизни такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне» [5, с. 222]. Однако что можно противопоставить ныне этому духовному падению? Социализм? Нет, это иллюзия, утверждает С. Н. Булгаков, поскольку социализм на практике опирается на те же самые мотивы в человеческой душе, как и капитализм –

материальную жадность и зависть, тот же самый «маммонизм» – и даже ещё более усиливает их, как это показывает сама практика социализма. Как пишет С. Н. Булгаков, «в социализме же мещанство приобретает, можно сказать, воинствующий характер. Здесь борьба за свои экономические интересы, личные и классовые, проповедуется как основное, руководящее начало жизни. Удивительно ли, что когда социализм показывает своё подлинное лицо, как теперь в России, где все обезумели в какой-то оргии хищничества, то лицо это выглядит мещанским до отвратительности, в нём обнажаются самые низкие, животные инстинкты человеческой природы. Таков духовный лик и современного русского социализма, этого "социал-буржуйства"» [Там же]. С. Н. Булгаков в этой работе указывает на тот факт, что на уровне своих лозунгов социализм весьма близок к христианству, которое также утверждает ценности справедливости и защиты трудящихся, но в реальной исторической практике эти лозунги не соответствуют действительности и приводят к иному результату. Почему так происходит – было сказано ранее. Стоит лишь отметить удивительную прозорливость С. Н. Булгакова, который очень точно указал на внутренние противоречия социализма, особенно в его марксистском варианте, и неизбежность его исторического поражения и крушения, которое затем и произошло. Впрочем, в тот период он был далеко не одинок в таких прогнозах – ведь похожие мысли высказывали и многие другие мыслители серебряного века – однако работы С. Н. Булгакова особенно ценны тем, что они были написаны профессиональным экономистом и бывшим марксистом, знавшим проблему «изнутри» и на уровне конкретной экономической теории.

Поэтому, делая итоговый вывод, философ утверждает, что «*своей проповедью мещанства социализм обедняет, опустошает душу народную. Он сам с ног до головы пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм на выворот*. Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии. Не имея в своём лексиконе более уничижительного слова, чем "буржуазия", сам социализм духовно пропитан этим самым мещанством; он отравлен духом тех самых "буржуев", которым он завидует и которых ненавидит» [5, с. 222] (выделено нами. – *В. Д.*). К этому стоит добавить, что если капитализм является результатом длительного и объективного развития общества, то социализм был попыткой реализации на практике одного из философских проектов переустройства общества. Нельзя не учитывать это принципиальное отличие между ними, вследствие которого проект социализма был не результатом практического опыта, а всего лишь умозрительной конструкцией, попытка реализации которой не только была неудачной, но и привела к катастрофическим последствиям – массовой гибели людей вследствие голода и репрессий в Китае, СССР и Камбодже.

Таким образом, обычное противопоставление «капитализма» и «социализма», как показывает анализ С. Н. Булгакова, – это ложная дилемма, которая искусственно навязывается обществу с целью разжигания гражданской войны и разрушения государства. Именно это и произошло в России в XX в. На самом же деле социализм не решает экономических проблем, а только усугубляет их и возвращает после своего неизбежного краха общество к состоянию намного худшему, чем до начала «социалистического эксперимента». И худшему не только в экономическом смысле, но, в первую очередь, в моральном – портя людей своей жадностью. Но где же выход из этой, казалось бы, тупиковой ситуации? Он состоит в том, что *сознание людей должно выйти за пределы своего добровольного рабства у экономики и экономической оценки своей жизни*. Жизнь должна оцениваться на основании совсем иных, христианских ценностей. Экономика вообще есть не цель, а средство – в первую очередь средство самовоспитания человека с помощью труда. Собственность может быть любой, социальный и политический строй может быть любым – и при любой форме собственности и любом строе человек может честно трудиться на благо себе и ближних и ради спасения своей бессмертной души. Этот общий вывод С. Н. Булгакова следует рассматривать как ценное и актуальное для нашего времени философское обоснование христианского солидаризма.

Как один из основателей «Союза освобождения», С. Н. Булгаков уходит из него,

когда этот Союз трансформируется в кадетскую партию. Философ пытается создать «Союз христианской политики» – и через несколько лет понимает, что сама идея такого проекта наивна и утопична. Радикальный поворот в его жизни – «от марксизма к идеализму» (так назывался и сборник его статей 1903 г.), от политической экономии к философии. Следующим важнейшим шагом стало возвращение в Православие – в 1918 г. С. Н. Булгаков рукоположен в священники, стал отцом Сергием; в годы Гражданской войны находился в Крыму и интенсивно работал в философии. Подробно о крымском периоде жизни и деятельности С. Н. Булгакова мы знаем благодаря кропотливым трудам профессора С. Б. Филимонова, который нашел в архивах газеты тех лет и опубликовал помещённые в них заметки о лекциях перед широкими аудиториями, прочитанных С. Н. Булгаковым.

Стоит подробно остановиться на заметке корреспондента газеты «Южные ведомости» от 24 сентября (7 октября) 1919 г. «“Духовные корни большевизма”: (лекция С. Н. Булгакова)». Журналист писал: «Привлекшая большую аудиторию лекция проф. о. С. Н. Булгакова “О духовных корнях большевизма” отличается от обычных суждений о большевизме тем, что лектор ищет внутренних духовных причин развития большевистских идей. По мнению С. Н. Булгакова, большевизм – не порождение Ленина и Троцкого, а продукт атеизма и “обоготворения” народа… лектор доказывал, что идейный большевизм в России идёт ещё от Белинского и Герцена, Добролюбова и Чернышевского, марксистов и народников, вообще от свободомыслящей интеллигенции» [цит. по: 13, с. 136]. В данных суждениях С. Н. Булгаков в основном повторил свои идеи, уже ранее присутствовавшие в его публицистике, однако придал им более заострённую форму, рассчитанную на более широкую публику. Общим методологическим принципом понимания идеологических явлений у С. Н. Булгакова является выявление их нравственно-религиозной основы (положительной или отрицательной) и на основании этого раскрытие их глубинных исторических корней.

Однако, с другой стороны, как отмечает автор, по определению С. Н. Булгакова, «…большевизм – явление мировое, в атеистической Европе оно более подготовлено идейно, нежели в России. У нас он проявился преждевременно ввиду исключительно благоприятно сложившихся для его появления условий: война, революция, особые свойства русского народа. Европейский большевизм имеет свои духовные корни в тех учениях, которые проповедывают возможность насаждения на земле Царства Божия без Бога. Отцы большевизма – Жан Жак Руссо, Карл Маркс, Фейербах. В поисках “корней” большевизма лектор идёт ещё дальше и находит их даже в мессианизме. Революционное движение в еврействе 2000 лет тому назад (в момент зарождения христианства) и ожидание пришествия Мессии для установления рая на земле С. Н. Булгаков считает чуть ли не первым проявлением большевизма» [цит. по: 13, с. 136]. Как видим, автор этой заметки здесь лишь иронически воспринял столь глубокий поиск корней большевизма в истории и тот уровень философских обобщений, на котором мыслил отец Сергий. Этот журналист, судя по всему, не относился к числу глубоких интеллектуалов, но тем более ценен его пересказ основных мыслей лектора, поскольку именно так они, видимо, и были восприняты тогда большинством слушающей его публики. Это контраст между обычным уровнем мышления интеллигенции и философским осмыслением истории стал явственно виден ещё в пору появления сборника «Вехи», который был восприняли как своего рода «пощечину» общественному мнению. Но, как показала история, «веховцы» оказались правы.

Далее он передаёт следующий общий вывод С. Н. Булгакова: «Силою оружия удастся победить большевиков. Но большевизм остаётся пока непобеждённым, так как корни его лежат глубоко в сердцах людей, ослеплённых, по мнению лектора, теми учениями, которые поставили народ, демократию на место Бога. В Западной Европе большевизм может иметь больший успех, нежели в России, так как там “корни” идут глубже; капиталистический строй с громадной массой фабрик и заводов создаёт атмосферу, благоприятную для отравления большевистским ядом. Лектор видит счастье России в том, что большевизм не вылился у нас в культурные формы, а выродился и принял звериное лицо. Это может содействовать скорейшему исцелению. А исцеление возможно лишь церковным просвещением масс, усилением религиозного и национального чувства… при котором человек “искал бы Бога в сердце, а не в брюхе” и при которой совесть вытесня-

ла бы атеистическое начало, воспитанное в народе именно интеллигенцией, наукой, рационалистической философией вплоть до учения Л. Н. Толстого.

Имеются ли у нас те силы, которые могут вывести народ на такой путь идейного уничтожения большевизма, на путь возвышенного поклонения Богу, а не мамоне? С. Н. Булгаков не видит таких сил. Но он надеется на чудо, он верит, что Россия пойдёт по тому пути, на который ей указывала другая часть русской интеллигенции, боровшаяся с атеистическими и "народобожескими" течениями Запада, в лице славянофилов, Достоевского, Соловьева и др.» [цит. по: 13, с. 137]. Как видим, суждения С. Н. Булгакова о большевизме, прозвучавшие в его крымских лекциях, весьма непривычны и даже парадоксальны. Именно поэтому они актуальны для нашего времени и требуют своего осмысления на основе уже известного хода истории.

В последние годы жизни С. Н. Булгаков завершил и разработку своей версии философии христианского солидаризма в критической по отношению к социализму работе «Душа социализма», опубликованной в трёх выпусках журнала «Новый град» в 1937 году. В ней он писал: «В христианском учении о человеке, как лично-родовом существе, содержится мысль и об общности жизни, т. е. о такой общественности, в которой сохраняется личное начало, нераздельное с родовым… никакого служения не хочет знать эгоцентризм, который в этом смысле не выше откровенного принципиального себялюбия… "экономического человека"» [1]. Историческую ситуацию, которая сложилась к середине XX в., С. Н. Булгаков определил следующим образом: «Человечество задыхается и изнемогает в безысходности этого противоречия между эгоцентризмом индивидуализма и садизмом коммунизма, бездушного этатизма и оскалившего зубы расизма» [Там же]. Однако именно христианство, по мысли С. Н. Булгакова, может предложить альтернативу этому безысходному положению дел. Каким образом это возможно? Это возможно не путём внешних преобразований общества, которые, как показывает история, лишь усиливают уже существующие нравственные пороки, а путём его преображения на новых нравственных основаниях. И поэтому «даже классовая борьба в классовом обществе может определяться не враждой, но классовой совестью, с сознанием взаимных обязанностей. Не это ли именно проповедовал апостол Павел даже относительно рабов и рабовладельцев, увещевая рабов повиноваться ради Господа, а рабовладельцев помнить свои христианские обязанности относительно рабов? К этой классовой совести обращался в своё время Карлейль, призывая "капитанов промышленности" помнить о своём общественном служении» [Там же]. В последних строках этого рассуждения очень ярко сформулирован сам принцип социальной солидарности как основы общества. В своей концепции С. Н. Булгаков чётко следует общей традиции русской философской мысли, одна из фундаментальных идей которой всегда состояла в том, что источником преображения общества является внутреннее преображение человека, а не наоборот. Принципиально утопичными считаются именно надежды на то, что переустройство внешних социально-экономических форм приведёт к улучшению самого человека. Русские философы доказали, что это не так, ещё до того, как сама история произвела соответствующий опыт. Приведённая ранее формулировка отца Сергия, естественно, не является исчерпывающей, но она входит в сокровищницу русской мысли, столь необходимую для мысли наших современников.

В этой итоговой работе проблема социального идеала определяется С. Н. Булгаковым объективно, как некоторое строение человеческого общества, из которого исключается господство начал, эгоизма и утилитаризма, что сохраняет значение начал подчинённых, не имеющих. главенства в этике. Поскольку эгоизм утверждает, что для каждого деятеля высшая цель есть его собственное благо, следовательно, то уничтожает все общественные обязанности человека, что не служит средством его личного блага. Однако если возможно определить такие общие условия, при которых какое бы то ни было число людей будет пользоваться наибольшим счастьем, то эти условия всегда предполагают соединение людей в определённый общественный союз. Общество, как нечто высшее по отношению к отдельной личности, не есть общество, служащее произволу и эгоизму отдельной личности. Такое общество составляет нравственную, следовательно, свободную цель человека, то есть оно также и не есть союз, держащийся на основе насилия. Нравственная, т. е. всег-

да присущая самой человеческой природе цель, искомый идеальный тип общества, соответствует не временной, а постоянной потребности этой природы. Как цель высшая, и потому соединяющая в себе все частные цели человека, оно вносит правильное гармоническое сочетание во все отдельные сферы жизни, является их одухотворяющим и объединяющим началом. Однако всем этим требованиям удовлетворяет лишь союз людей, основанный на чистой их человечности, т. е. на братстве людей по их человеческому достоинству. Это союз не экономический, а нравственный, поэтому общественный идеал, утверждает С. Н. Булгаков, определяется вовсе не экономическим строем, а типом человеческих отношений, который основан на нравственности, а последняя – на религиозной, а не экономической жизни людей.

Известный философ нашего времени Г. Д. Гачев в ярком очерке «Сергей Булгаков» отметил: «Главное – он труженик земли и духа, муж зрелый, середняк – ответственный, а не пользующийся даровым... Трудяга. На таких мир стоит и жизнь продолжается, и дух источается» [6, с. 223]. Благодаря этим качествам он и прошёл столь сложный путь – от марксизма к православному священству; от экономики – к философии и богословию.

Подход к пониманию природы общественного идеала, предложенный С. Н. Булгаковым и основанный на критике утопических социальных проектов, для настоящего времени весьма актуален. В современной исторической ситуации «синтез» трех основных идеологий – либеральной, социалистической («левой») и «правой» (традиционалистской) – невозможен в силу исторических обстоятельств, поскольку каждая из этих идеологий включает в себя историю борьбы с двумя другими как свою составную идейную часть. Поэтому в современном мире возможен не синтез уже готовых идеологий, а интеграция общественного сознания на основе тех исходных базовых ценностей, которые едины для данных идеологий. Расхождение идеологий возникло как результат различной интерпретации одних и тех же ценностей – и этими исходными ценностями были личность и её свобода. В либеральной идеологии эти ценности были истолкованы через категорию «независимого» индивида, который противопоставлял себя обществу и Богу. В «левой» – через категорию общества, которое ставило себя выше Бога и индивида; в традиционализме – через категорию бессмертной души, связанной с Богом и как ценность стоявшей намного выше интересов индивида и общества. Поэтому современная идеология, способная интегрировать общественное сознание, должна «вынести за скобки» все эти исторические интерпретации и основываться на самих ценностях как таковых. На основе этих исходных ценностей люди разных мировоззрений могут находить «общий язык». Тем самым, идейная интеграция российского социума в настоящее время может быть обеспечена не общеобязательной идеологией (которая невозможна и согласно Конституции РФ), а лишь единством исходных ценностей и общностью конечной цели: сохранения и развития России как цивилизации. Именно в этом общем контексте обнаруживает свою актуальность концепция христианского солидаризма С. Н. Булгакова, поскольку она «выносит за скобки» все устоявшиеся идеологии и непосредственно основана на христианских ценностях, показывая разные пути их воплощения в социально-экономической жизни в любых исторических условиях.

Заключение. Концепция христианского солидаризма С. Н. Булгакова, включающая в себя критику всех традиционных для эпохи модерна социально-политических проектов (социализм, капитализм и др.) на основе христианской этики и антропологии, для настоящего времени имеет большую эвристическую и идейную ценность. Именно такой тип политического и социального проектирования позволяет выйти за рамки секулярных идеологий, продемонстрировавших свой утопизм в XX в., и соединить политическое мировоззрение с религиозным мировоззрением нашего народа, большинство которого ориентировано на Православие. Хотя в современном мире большинство людей ведут светский образ жизни и не включены в религиозную традицию непосредственно, однако они всё равно сохраняют тот ментальный тип, который был сформирован их предками в христианской цивилизации, и соответствующие ему ценности. Именно для такого типа сознания и является актуальной социальная философия С. Н. Булгакова. Чем глубже его богатое творческое наследие войдёт в русскую интеллектуальную и духовную культуру, тем мощнее она станет перед вызовами будущего.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Душа социализма. URL: http://www.ivashek.com/ru/texts/philosophy-texts/725-dusha-sotsializma (дата обращения: 10.12.2019). Текст: электронный.
2. Булгаков С. Н. История экономической мысли. М.: Русская печатня, 1916. Т. 1, вып. 3. 275 с.
3. Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1993. С. 240–272.
4. Булгаков С. Н. Об экономическом идеале // Отъ марксизма къ идеализму: сб. ст. (1896–1903). СПб.: Общественная польза, 1903. С. 262–287.
5. Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. 350 с.
6. Гачев Г. Д. Сергей Булгаков // Русская Дума: портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991. 272 с.
7. Давыдов Ю. Н. Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика) // Вопросы философии. № 2. 1994. С. 54–73.
8. Засядь-Волк Е. Я. «Россия, как ты погибла?..» С. Н. Булгаков о революции 1917 года // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2008. № 35. С. 180–188.
9. Калмыкова И. В., Мартинкус П. П. Возвращение пастыря: анализ власти в творчестве С. Н. Булгакова (1903–1917 гг.) // Булгаковские чтения. 2012. № 6. С. 33–41.
10. Крылов Д. А. Сергей Булгаков. СПб.: Наука, 2016. 255 с.
11. С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь // Булгаковские чтения: междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения / ред. А. П. Козырев. М.: Русский путь, 2003. 524 с.
12. С. Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1. Антология. СПб.: Изд-во Рус. христ. гум. ин-та, 2003. 1000 с.
13. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Оріанда, 2010. 408 с.
14. Хориэ Х. Был ли «социализм» идеалом священника Сергия Булгакова в первом десятилетии XX века? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 57–72.
15. Arjakovsky A. Le père Serge Boulgakov, un philosophe et un théologien chrétien. Paris: Parole et Silence, 2007. 210 p.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020; принята к публикации 28.02.2020

Сведения об авторе

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко; 910011, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, 2; e-mail: vera_darenskaya@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4839-4734.

Библиографическое описание статьи

Даренская В. Н. Критика социального утопизма в работах С. Н. Булгакова // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 85–94. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-85-94.

References

1. Bulgakov, S. N. The soul of socialism. Web. 10.12.2019. http: // www.ivashek.com/ru/texts/philosophy-texts/725-dusha-sotsializma. (In Rus.)
2. Bulgakov, S. N. History of economic thought. Vol. I, vol. 3. M: Russian printing house, 1916. (In Rus.)
3. Bulgakov, S. N. Karl Marx as a religious type. Collected works in 2 volumes. Vol. 2. M: Pravda, 1993: 240–272. (In Rus.)
4. Bulgakov, S. N. On the economic ideal. From Marxism to idealism. Collection of articles (1896–1903). SPb: Public benefit, 1903: 262–287. (In Rus.)
5. Bulgakov, S. N. Christian socialism. Novosibirsk: Nauka, 1991. (In Rus.)
6. Gachev, G. D. Russian Duma: portraits of Russian thinkers. M: Novosti, 1991. 2. (In Rus.)
7. Davydov, Yu. N. Weber and Bulgakov (Christian asceticism and work ethics). Questions of philosophy, pp. 54–73, no. 2, 1994. (In Rus.)
8. Zasyad-Wolf, E. Ya. “Russia, how did you die?..” S. N. Bulgakov about the revolution of 1917. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. History, no. 35, pp. 180–188, 2008. (In Rus.)
9. Kalmykova, I. V., Martinkus, P. P. Return of the pastor: analysis of power in the works by S. N. Bulgakov (1903–1917). Bulgakov readings, no. 6, pp. 33–41, 2012. (In Rus.)
10. Krylov, D. A. Sergey Bulgakov. SPb: Science, 2016. (In Rus.)
11. Bulgakov, S. N. Religious and philosophical path. Intl. science. Conf. dedicated to the 130th anniversary of the birth / Ed. Moscow: Russian way, 2003. (In Rus.)

12. Bulgakov, S. N. Pro et contra. Vol. 1 (anthology). SPb: Publishing house of Rus. Christ. humanit. in-t, 2003. (In Rus.)

13. Filimonov, S. B. From the past of Russian culture in the Crimea: searches and finds of the source historian. Simferopol: N. Orianda, 2010. (In Rus.)

14. Horie, H. Was “socialism” the ideal of the priest Sergius Bulgakov in the first decade of the twentieth century? Vestnik pstsu I: Theology. Philosophy. Religious studies, pp. 57–72, vol. 2, 2016. (In Rus.)

15. Arjakovsky, A. Le père Serge Boulgakov, un philosophe et un théologien chrétien. Paris, Parole et Silence, 2007. (In French.)

Received: February 5, 2020; accepted for publication February 28, 2020

Information about author

Darenskaya Vera N., Candidate of Philosophy, Associate Professor; 2 Oboronnaya st., Lugansk, 910011, Luhansk People’s Republic; e-mail: vera_darenskaya@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4839-4734.

Reference to the article

Darenskaya V. N. Criticism of Social Utopianism in the Works by S. N. Bulgakov // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 85–94. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-85-94.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 101.1:316
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-95-103

Наталия Евгеньевна Смирнова,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, Россия),
e-mail: galonatasha@yandex.ru

Синтез логико-вербального и визуального мышления в контексте визуального поворота

Работа посвящена актуальным вопросам продуктивного синтеза логико-вербального и визуального мышления в начале XXI в. Автор представляет философский анализ перспективы синтетического мышления в контексте происходящего на наших глазах визуального поворота. Основное внимание концентрируется вокруг двух основных вопросов. Первый вопрос касается процесса обоснования синтеза визуального и логико-вербального мышления в рациональной деятельности. В рамках исторического подхода рассматривается процесс становления и развития теории визуализации, нацеленной на стремление сочетать в органичном равноправном синтезе возможности визуального и вербального мышления в решении интеллектуальных, научно-технических, педагогических проблем. Особое внимание уделяется проблеме специфики, соотношения, преемственности дидактического принципа наглядности с теорией визуализации. Второй вопрос связан с рассмотрением проблематики синтеза визуального и логико-вербального мышления в контексте визуального поворота и его последствий. Визуальный поворот ознаменовал собой переход к новому качественному состоянию общественной жизни, когда последняя во всё большей степени стала представлять собой форму визуальной культуры. Визуальный поворот, с одной стороны, ещё раз продемонстрировал, что превалирующая в настоящее время в теоретической, рациональной деятельности логико-вербальная парадигма оказалась во многих случаях малоэффективной. В результате развития информационных технологий, появления колоссальных объёмов информации возникает необходимость её быстрого качественного отражения – что является прямой прерогативой визуального мышления. Но, с другой стороны, визуальный поворот порождает «клиповую культуру», «клиповое мышление», которые в своей крайности, вообще, выступают антиподами рациональной, научно-философской деятельности мышлению. Проведённое исследование выявляет сложные, многогранные отношения между визуализацией и визуальным поворотом, акцентирует внимание на дальнейшем развитии и укреплении тенденций к синтезу визуального и логико-вербального мышления в рациональной, научно-философской деятельности.

Ключевые слова: синтез, логико-вербальное мышление, визуальное мышление, визуальный поворот, клиповое мышление

Natalia E. Smirnova,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia),
e-mail: galonatasha@yandex.ru

Synthesis of Logical-Verbal and Visual Thinking in the Context of Visual Rotation

The work is devoted to pressing issues of productive synthesis of logical-verbal and visual thinking at the beginning of the 21st century. The author presents a philosophical analysis of the perspectives of synthetic thinking in the context of visual turn taking place before our eyes. The focus is on two main issues. The first question relates to the process of substantiating the synthesis of visual and logical-verbal thinking in rational activity. In the framework of the historical approach, the process of formation and development of the theory of visualization is considered, aimed at the desire to combine the possibilities of visual and verbal thinking in the solution of intellectual, scientific, technical, and pedagogical problems in an organic equal synthesis. Particular attention is paid to the problem of specificity, correlation, continuity of the didactic principle of visualization with the theory of visualization. The second question is related to the consideration of the synthesis of visual and logical-verbal thinking in the context of the visual turn and its consequences. The visual turn marked the transition to a new qualitative state of social life, when the latter began to become increasingly a form of visual culture. The visual turn, on the one hand, once again demonstrated that the logical-verbal paradigm prevailing in theoretical and rational activity at present turned out to be ineffective in many cases. As a result of the development of information technology, the emergence of colossal volumes of information, the need arises for its rapid qualitative reflection – which is a direct prerogative of visual thinking. However, on the other hand, the visual rotation gives rise to “clip culture”, “clip thinking” which in their extremes in general are the antipodes

© Смирнова Н. Е., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

of rational, scientific and philosophical activity of thinking. The study reveals a complex, multifaceted relationship between visualization and visual rotation, emphasizing the focus on further development towards the development and strengthening of the synthesis of visual and logical-verbal thinking in rational, scientific and philosophical activities.

Keywords: synthesis, logical and verbal thinking, visual thinking, visual rotation, clip thinking

Введение. Одной из общезначимых, сущностных характеристик нашего времени вполне может быть рост визуальной составляющей социальной действительности. Красноречивым примером этого является окружающий человека материальный мир, созданный и трансформированный на основе тех или иных эстетических, дизайнерских представлений. Наиболее значимым проявлением визуальной специфики современной культуры является всё связанное с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий.

Преобладание во всех сферах жизни общества информационных технологий уже давно стало свершившимся фактом. Высокий темп социальных изменений, научно-технический прогресс, развитие экранной культуры, интернет-пространства способствуют визуализации современной нам реальности. Информационный «взрыв» приводит к необходимости цифровой трансформации абсолютно всех сфер общественной жизни.

Чтобы справиться с информационным «взрывом», всё чаще используются различные виды визуализации с целью сжать, образно структурировать и наглядно представить множество цифр, слов и идей. С этим же связано то, что компьютерная презентация итогов любой научной деятельности является нормой. Всё это ещё раз подтверждает основные идеи теории визуализации, которая нацелена на обоснование и проведение в жизнь идей гармонизации визуального и логико-вербального мышления.

В целом можно найти много положительных или подтверждающих правоту теории визуализации примеров в связи с проблематикой визуализации общественной жизни. Это ещё раз актуализируют два фундаментальных основания теории визуализации: во-первых, открытие функциональной асимметрии головного мозга, во-вторых, подтверждающуюся практикой эффективность различных форм интеллектуальной визуализации, известнейшими примерами чего можно взять опорные сигналы В. Ф. Шаталова [25] или интеллект-карты Т. Бьюзена [6]. Но все эти примеры пока не вывели данный анализ за рамки обычной, верификационной практики. Необходимо привлечь внимание к возможным другим, противоположным, критическим взглядам как теорию визуализации (идею гармонизации визуального и логико-вербального мышления), так и на положение теории визуализации в указанных условиях роста визуальной культуры.

Более широкий подход к проблематике современной визуальной культуры ведёт к предельно актуальной для современной философии теме/проблеме «визуального поворота». Обращение к последней проблематике не позволяет считать, что указанные положительные для теории визуализации примеры уже дали положительный прогноз на дальнейшее продуктивное развитие связи между визуальным и логико-вербальным мышлением. Спецификация полемики по проблематике «визуального поворота» характеризуется диаметральностью позиций, варьирующих от полного отрицания необходимости визуального мышления до визуализации и объективизации философской мысли, способности увидеть движение мысли, т. е. создания «визуальной философии». В целом встаёт задача осмысления современной истории поставленного вопроса о специфике влияния на проблематику визуализации, визуального поворота. Соответственно, предстоящий анализ выстраивается в логику последовательного анализа сначала к общей проблематике теории визуализации, потом к проблематике визуального поворота, и в заключение к определению искомого ответа: каковы перспективы синтеза логико-вербального и визуального мышления в контексте визуального поворота.

Решение данных проблем осложняется тем, что визуальная теория, идея синтеза визуального и логико-вербального мышления не представляют собой окончательно сформировавшейся теории, а концепция визуального поворота находится ещё в стадии становления. Скорее всего, подобные трудности становятся нормой для современной постнеклассической проблематики. Главное, есть уверенная надежда, что строгое, критическое мышление может стравиться с указанными трудностями. Ориентация на последнее, не в последнюю

очередь связана с опорой на достижение в методологической области научно-философской деятельности.

Методология и методы исследования. В качестве приоритетных методов исследования в статье использовались диалектический, системный, функциональный, синергетический методы, а также методы анализа и синтеза. Последовательное применение диалектического метода позволило тематизировать логико-вербальное и визуальное мышление в контексте его исторического развития. Базисом исследования послужил ряд классических и современных концепций, с разных сторон затрагивающих проблематику соотношения логико-вербального и визуального мышления в рамках происходящих в современном обществе изменений.

Результаты исследования и их обсуждение. ***Проблема истории идеи синтеза визуального и логико-вербального мышления.*** Широкая распространённость, наличие множества классических примеров синтеза визуального и логико-вербального мышления в исторической рациональной, философско-научной традиции объективно ведёт к большему обоснованию теории визуализации. Верно и обратное. Учитывая данную ситуацию, одним из первостепенных направлений развития теории визуализации следует признать новое прочтение истории мысли, науки, философии на предмет их причастности к идеям синтеза визуального и логико-вербального мышления. Базисным условием этого нового прочтения выступает уверенность в том, что существующая история мысли написана сторонниками определяющей роли в мыслительной работе, именно логико-вербального мышления. Соответственно, явно или неявно, в истории мысли не обращалось особого внимания на визуальное дополнение логико-вербального мышления.

Специальные исследования показывают, что использование в интеллектуальной деятельности визуального мышления, ориентация на некий синтез визуального и логико-вербального мышления носили довольно распространённый характер. Об этом говорят те или иные сообщения об использовании визуализации в обучении и представлении фундаментальных идей. В частности, классическим примером на «гносеологическую визуализацию» является следующая приписываемая Анаксимену из Милета идея о сопровождении своих логических размышлений визуальными изображениями. Объясняя своему ученику парадокс относительно возрастания количества вопросов с приобретением жизненного опыта, философ сопроводил свой вербальный ответ изображением большого и малого кругов, т. е. визуально: «Твои знания – это маленький круг, а мои – большой. И впредь, чем больше ты станешь узнавать нового, тем больше будет возникать у тебя неясных вопросов» [23, с. 297].

Очень интересным представляется продумать сам факт того, что одна из самых вершин философских размышлений – теория Парменида о бытии – в самом центре теории давала образ «прекруглого Шара» [Там же].

Таким образом, идеи гармоничной связи логико-вербального и визуального мышления можно найти в истории философской мысли. Но визуальное мышление в те времена применялось стихийно, без всякого теоретического обоснования (согласно Е. Н. Медынскому: «Книги, как рукописные, так и печатные, нередко снабжались рисунками, но то было, так сказать, эмпирическое применение наглядности без теоретического её обоснования...»). Уже в эпоху классической Греции Аристотелем были заложены основы формальной логики, которая на долгие века утвердила приоритетность логико-вербального мышления. В этом плане поспорим с представлением о том, что Аристотеля можно отнести к родоначальникам визуалистики. Он лишь подчеркнул стремление к визуальным восприятиям, как подтверждение изначального стремления людей к знаниям [22, с. 29]. Данное замечание противоречит самому духу философии Аристотеля, да и всей современной ему культуре.

Исторические исследования показывают, что визуальное мышление начинает играть всё большую роль в эпоху Нового времени. В качестве примера весьма перспективного для теории визуализации направления исследований можно взять следующее высказывание Б. Латура: «Прорыв нововременной науки напрямую связан с изменениями в европейской визуальной культуре» [12, с. 95]. Существует следующее объяснение того, что именно с этого времени можно вести собственную историю визуальной теории и практики. Суть дела в том, что предшествующей философии не нужно было изменять мир, на нужно было развивать опирающуюся на опыт нау-

ку. В этом плане философской предпосылкой, послуживший импульсом к развитию теории образного мышления и использования его в процессах познания и образования, могут служить все идеи философии Ф. Бекона (новая наука, опыт, сенсуализм).

Дидактический принцип наглядности и визуализация. Впервые теоретическое обоснование принципа наглядности в познании и обучении дал великий чешский педагог Ян Коменский (1592–1670). Следует отметить, что он, не употребляя термин «наглядность», предложил «золотое правило» обучения: «Всё, что только возможно, представлять для восприятия чувствами: видимое для восприятия – зрением; слышимое – слухом; запахи – обонянием; подлежащее вкусу – вкусом; доступное осязанию – путём осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринимать несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами…» [10, с. 200]. Это «золотое правило» Я. Коменского легло в основу принципа наглядности. Необходимость опоры на чувственное познание Ян Коменский обосновывает, опираясь на сенсуалистическую философию. Таким образом, определяющим фактором познания становится наглядность, а основным источником знания является чувственное познание. Наглядность способствует многогранности приобретаемого знания. Однако, признавая ощущения в качестве первоисточников человеческих знаний, идея философа обнаруживает в себе некоторое противоречие процесса познания, так как чувственное познание, наглядность по существу становятся тождественными понятиями. Дальнейшее развитие научной педагогики только подчёркивало, уточняло и развивало идеи Я. Коменского о принципе наглядности. Например, развитие принципа наглядности в познании и обучении стали основной темой работ выдающегося швейцарского педагога И. Г. Песталоцци (1746–1827). Песталоцци, как и Я. Коменский, считал необходимым использование наглядных средств. В труде «Метод» он отметил, что наглядность выступает в качестве единственной основы развития мышления [15, с. 64]. Фундируясь, на философии сенсуализма, наглядность, следовательно, развитие образного мышления трансформируется в самоцель.

В настоящее время дидактический принцип наглядности (требование давать ученикам «пищу» их органам чувств, вызвать ощущение, создать наглядные образы в их сознании раньше словесных знаний) является фундаментальным педагогическим принципом. С одной стороны, это способствует распространению и обоснованию общей идеи синтеза визуального и логико-вербального мышления. С другой – препятствует последнему. В основе принципа наглядности лежит общее представление о том, что логико-вербальное мышление – мышление так таковое. Соответственно: по мере взросления обучающихся и по мере появления более сложного, абстрактного учебного материала принцип наглядности должен постепенно уменьшать своё значение и присутствие в педагогической практике. Наглядные примеры, в силу своей конкретности, объёмности, многоплановости, мешают мысли, не позволяют формировать и функционировать высшей форме мышления – логико-вербальному, понятийному, ненаглядному мышлению.

Развитие теории визуализации должно диалектически преодолеть ограниченность дидактического принципа наглядности для утверждения принципиальной равноправности всех форм мышления в деле решения современных проблем [14].

Исторические и теоретические начала формирования современной визуальной теории, идей синтеза визуального и логико-вербального мышления. В XIX в. происходит обогащение и усложнение общего понимания мышления вследствие открытия и исследования невербальных, разнообразных форм мышления, внимание к различным сферам практической деятельности. О равноценности логико-вербального и визуального мышления впервые заговорили сторонники гештальтпсихологии. В их трудах гештальт представляет собой синкретичную совокупность элементов психической жизни, которая не сводится к сумме составляющих его частей [19, с. 24]. Особую значимость для изучения специфики визуального мышления имеют труды Р. Арнхейма. В основу современного знания о визуальном восприятии была положена теория гештальтпсихологии. Согласно убеждениям Арнхейма, визуальное восприятие по своей структуре воплощает чувственный аналог интеллектуального познания: «В настоящее время можно утверждать, что на обоих уровнях – перцептивном и интеллектуальном – действуют одни и те же механизмы. Следовательно, такие термины, как “понятие”, “суждение”, “логика”, “абстракция”, “заключение”, “расчёт” и

т. д., должны неизбежно применяться при анализе и описании чувственного познания» [2, с. 59].

Большинство исследователей отмечают, что огромное значение для идеи гармонизации визуального и логико-вербального мышления имело открытие функциональной асимметрии полушарий головного мозга, сделанное Р. Сперри, за что учёному присудили Нобелевскую премию (1981). Исследования полушарной асимметрии ведут к всё более точному пониманию специфики работы каждого из полушарий [24].

Таким образом, научное сообщество «уходит от теории левополушарного доминирования к гипотезе равноправного взаимодействия двух полушарий» [17, с. 199–209].

Среди зарубежных мыслителей, внёсших особенный вклад в становление теоретических аспектов визуальной проблематики в рамках философского знания авторов: М. Андерсон, О. Патрицк [26], Х. Клинке [27], Р. Вригхт [29], М. Лынч [28].

Отечественные авторы начинают исследовать множество различных аспектов визуальной проблематики целым рядом авторов (Е. В. Батаева, О. В. Беззубова, М. В. Березняк, С. М. Даниэль, В. М. Маслов, Ф. М. Морозов, А. А. Парамонов А. М. Пятигорский, М. В. Ямпольский и др.). Ключевым следует признать творчество уральских философов (Г. С. Баранов, В. И. Жуковский, Д. В. Пивоваров, Р. Ю. Рахматуллин и др.). Прежде всего, следует отметить Д. В. Пивоварова, который в 1982 г. представил теорию неразрывной, паритетной связи между чувственным и рациональном в познавательном процессе, которая принципиально исключала идею некой ущербности визуального мышления в сравнении с логико-вербальным [16].

Д. В. Пивоварову принадлежит также следующее, можно сказать, основополагающее для современной теории визуализации определение визуального мышления, которое «способно отражать любые категориальные отношения (пространственные, временные, атрибутивные, казуальные, телеологические и др.) в форме зримого явления сущности» [Там же].

А. В. Макулин в своём диссертационном исследовании рассматривал визуализацию как «творческую объективацию идей, промежуточное звено познания, активную работу “внешнего разума” с умной графикой...» [13, с. 6].

Визуальное, по мнению А. В. Макулина, не предполагает сухой, лишённый всякой живой мысли схематизм, загнанный в рамки определённой догматики [Там же].

Основными показателями визуального мышления в сравнении с абстрактным и логическим мышлением являются простота и эффективность, творческий подход к решению стандартных задач. Перевод основного содержания объекта в визуально-графическую форму выполняет функцию объяснения и интерпретации информации.

Особенности визуального мышления на основе математических дисциплин изучает Н. А. Резник. Он выделяет следующие средства визуального представления информации: чертёж – средство геометрического способа предъявления информации; формульный способ относится к визуальной форме, но не ассоциируется с наглядными представлениями; символически-наглядные средства – условные знаки, которые своими начертаниями дают возможность визуального восприятия их смысла.

Особое значение отводится способу представления информации, Данный способ предполагает выбор специальных терминов, составление определений, отработку формулировок законов и правил. Структурирование информации происходит с помощью основных элементов визуальных средств специальным образом. Методической составляющей технологии визуализации выступает работа с названными средствами.

А. В. Кучерова, обращаясь к данному вопросу, также имеет в виду не первичное применение образов, а предполагает гармоничное сочетание наглядности (диаграмм, инфографики, графиков, рисунков), сопровождающей понятия, процессы, отношения между объектами [11]. Визуальное мышление представляет собой творческий способ решения проблемных задач. Простота и эффективность, творческий подход к решению стандартных задач -— это и есть основные показатели визуального мышления в сравнении с абстрактным и логическим мышлением. Визуально-графическая форма (чертежи, рисунки, схемы и др.), которая отражает основную суть содержания объекта, эффективнее выполняет функцию объяснения и интерпретации информации.

Таким образом, визуальное мышление – это мышление, в основе которого лежит образная подача информации, Его характерными чертами являются быстрота понимания смысла и успешность решения

задачи. Метод применяемой визуализации, психологические характеристики и интеллектуальные возможности, личностный опыт и умение получать информацию являются параметрами эффективности визуального мышления.

В настоящее время происходит синтез вербального и визуального мышления. Этому процессу способствуют современные технологии обучения и визуализация учебной информации.

Проблема определения «визуального поворота». В рамках интереса к определению специфики современного, повсеместного роста визуального формируется концепция «визуального поворота». Одним из ключевых вопросов специфики современного визуального поворота является время начала этого феномена. Считается, что он начинает общезначимо проявлять себя с 1950-х гг., но уже в 1930-х гг. наблюдается такой феномен, как «икономания». В более полном плане, применительно к искусству, компьютерным разработкам, говорят о трёх визуальных поворотах.

Первый визуальный поворот происходил в 1920–1930-е гг. и характеризовался ростом значимости визуальных аспектов различных явлений. Второй визуальный поворот относят к 1960–1980-м гг. Ему присущ масштаб распространения средств массовой коммуникации и революционный сдвиг в области зрелищных видов искусств, фантастических фильмов. Мы живём в эпоху третьего визуального поворота. Начиная с 2000 гг., наблюдался прорыв в области визуальности компьютерных игр, повсеместно использовались технологии Motion Capture. Суть визуального поворота состоит в том, что происходит перенос внимания и доверия от слова к образу. Масштабность информации требует её незамедлительной обработки.

Ключевой фигурой для отражения специфики визуального поворота считают работы М. Маклюэна, прежде всего, «Галактику Гуттенберга: становление человека печатающего».

Общий анализ такого сложного, многогранного феномена, как визуальный поворот приводит к разным его оценкам. В целом их можно свести к двум противоположным: негативной и позитивной. В негативном плане отмечается, что визуальный поворот ведёт, в частности, к массовой манипуляции людьми [21 с. 116]. Применительно к интересующей нас проблематике синтеза визуального и логико-вербального мышления предельную негативность для нашего случая можно свести к такому феномену, как «клиповое мышление». Подобная форма мышления не позволяет человеку выйти за рамки обыденного сознания. Он не обладает критичностью, способностью отражать в своём сознании целостную картину мира [1]. Человек может обладать обширными знаниями, но оказывается не в состоянии сформировать адекватное системное представление о мире, обществе, даже о своей жизни. Упрощённый язык массовой культуры, содержащий знаки с примитизированным содержанием, в этом случае воспринимается гораздо легче. Всё это не предполагает длительной сосредоточенности внимания на определённом тексте. Происходит переключение внимания с клипа на клип, с фрагмента на фрагмент, с сайта на сайт.

Отмечается, что сам факт визуального поворота должен обострить и привлечь внимание к проблематике визуального мышления, идеи синтеза визуального и логико-вербального мышления [13].

Однако клиповое мышление обладает положительными моментами. Оно формирует быстроту реакций, что крайне актуально в настоящее время высоких скоростей. Клиповое мышление обладает способностью к решению нескольких задач. В силу того, что информация воспринимается фрагментарно, это защищает обладателей клипового мышления от информационной перегрузки. Клиповое мышление является необходимым для адаптации к быстроменяющимся условиям среды.

Заключение. Таким образом, необходимо отметить следующие моменты: парадигма превосходства логико-вербального мышления в современных условиях всё больше доказывает свою несостоятельность. Особо ярко подобное положение вещей проявилось в условиях развития постиндустриального общества и визуального поворота. Синтез логико-вербального мышления приводит к объективизации и представлении знаний путём наглядности. Необходимость такого рода взаимодействия двух видов мышления обусловил визуальный поворот. Визуализация знаний ведёт как к позитивным, так и негативным моментам проявления клипового мышления. Однако подобное положение вещей выступает необходимостью в рамках постиндустриального общества.

Список литературы

1. Антипов М. А. Экран как коммуникационная основа постсовременного общества // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. Вып. 8. С. 216–221.

2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Архитектура, 2007. 392 с.

3. Батаева Е. В. Визуальные концепты в классической немецкой философии // Гуманітарний часопис. 2011. № 2. С. 41–46.

4. Батаева Е. В. Фланерство и видеомания: модерные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 61–68.

5. Березняк М. В. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований / пер. с англ. Я. Левченко // Логос. 2012. № 1. С. 212–242.

6. Бьюзен Т., Бьюзен Б. Супермышление. Минск: Попурри, 2003. 299 с.

7. Вертгеймер М. Продуктивное мышление: пер. с англ. / общ. ред. С. Ф. Горбова, В. П. Зинченко. М.: Прогресс, 1987. 336 с.

8. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В., Жуковский В. И. Зримая сущность: визуальное мышление в изобразительном искусстве. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 284 с.

9. Жуковский В. И. Визуальное мышление в процессе художественного творчества // Философия и культура. № 4. 2014. С. 618–626.

10. Коменский Я. А. Великая дидактика. Избранные педагогические сочинения. М.: Учеб. пед. изд-во, 1955. 638 с.

11. Кучерова А. В. Визуализация учебной информации в процессе обучения рисунку // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 2. С. 3–12.

12. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.

13. Макулин А. В. Социальная визиософия: инфографика, визуализация и графический язык социально-философского познания: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2019. 615 с.

14. Маслов В. М. Наглядность и визуализация в парадигмальном и гуманистическом планах. Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12460 (дата обращения: 05.01.2020).

15. Песталоцци И. Г. Педагогика // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. 336 с.

16. Пивоваров Д. В. О соотношении чувственного и рационального в познавательном процессе // Чувственное и рациональное: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. С. 3–13.

17. Пивоваров Д. В. Визуальное мышление. Текст: электронный // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; М.; Минск: Панпринт, 1998. С. 138. URL: www//www. philosophydic.ru (дата обращения: 05.01.2020).

18. Поляков В. М. Нейропсихология в скрининговых исследованиях детских популяций // Вторая международная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия: сб. докл. / под ред. Т. В. Ахутиной, Ж. М. Глозман. М.: Федоровец, 2003. С. 199–209.

19. Порозова Д. Ю. Гештальт как основа визуального восприятия // Человек в мире культуры. 2012. № 3. С. 23–28.

20. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 350 с.

21. Склярова В. С. Визуальные повороты и зрелищная культура: теоретические аспекты и культурные практики // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4. С. 116–121.

22. Терентьева И. Н. Визуальное, слишком визуальное (к характеристике иконического поворота в современных медиа и актуальных медиаисследованиях) // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 2. С. 29–35.

23. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1993. 576 с.

24. Хок Р. Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 416 с.

25. Шаталов В. Ф. Педагогическая проза. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990. 383 с.

26. Anderson M., Bernd M., Patrick O. Diagrammatic Representation and Reasoning. London: UK, 2002. Pp. 277.

27. Klink H. Art Theory as Visual Epistemology. Cambridge: Scholars Publishing, 2014. P. 147.

28. Lynch M. Pictures of Nothing? Visual Construals in Social Theory // Sociological Theory. 1991. Vol. 9, No. 1. Pp. 1–21.

29. Wright R. Computer Graphics as Allegorical Knowledge: Electronic Imagery in the Sciences. Leonardo: Supplemental Issue. 1990. Pp. 65–73.

Статья поступила в редакцию 06.02.2020; принята к публикации 28.02.2020

Сведения об авторе

Смирнова Наталия Евгеньевна, магистрант, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; e-mail: galonatasha@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7901-826X.

Библиографическое описание статьи

Смирнова Н. Е. Синтез логико-вербального и визуального мышления в контексте визуального поворота // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 95–103. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-95-103.

References

1. Antipov, M. A. Screen as the communication basis of a post-modern society. XXI century: results of the past and problems of the present. Penza: PGTA, vol. 8, pp. 216–221, 2013. (In Rus.)

2. Arnheim, R. Art and visual perception. M: Architecture, 2007. (In Rus.)

3. Bataeva, E. V. Visual Concepts in Classical German Philosophy. Humanitarian Clockwork, no. 2, pp. 41–46, 2011. (In Rus.)

4. Bataeva, E. V. Flanning and video mania: modern and post-modern visual practices, Vopr. philosophii, no. 11, pp. 61–68, 2012. (In Rus.)

5. Bereznyak, M. V. Visual Essentialism and the Object of Visual Research. Trans. from English by Ya. Levchenko. Logos, no. 1, pp. 212–242, 2012. (In Rus.)

6. Buzan, T., Buzan, B. Superthinking. Minsk: OOO “Potpourri”, 2003. (In Rus.)

7. Wertheimer, M. Productive Thinking. Trans. from English, ed. by S. F. Gorbova, V. P. Zinchenko. M: Progress, 1987. (In Rus.)

8. Zhukovsky, V. I., Pivovarov, D. V., Zhukovsky, V. I. Visible essence: (visual thinking in graphic art). Sverdlovsk: Publishing House Ural. University, 1991. (In Rus.)

9. Zhukovsky, V. I. Visual thinking in the process of artistic creation. Philosophy and Culture, no. 4, pp. 618–626, 2014. (In Rus.)

10. Comenius, J. A. Great didactics. Selected Pedagogical Works. M: Uch. ped. publishing house, 1955. (In Rus.)

11. Kucherova, A. Visualization of EDUCATIONAL information in the process of teaching drawing. Modern problems of science and education, no. 2, pp. 3–12, 2019. (In Rus.)

12. Latour, B. Visualization and cognition: portraying things together. Logos, vol. 27, no. 2, pp. 95–156, 2017. (In Rus.)

13. Makulin, A. V. Social visosophy: infographics, visualization and the graphic language of socio-philosophical knowledge: Dr. philos. sci. diss. Arkhangelsk, 2019. (In Rus.)

14. Maslov, V. M. Visibility and visualization in the paradigmatic and humanistic planes. Modern problems of science and education, 2014, no. 2. Web. 05.01.2020. https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12460. (In Rus.)

15. Pestalozzi, I. G. Pedagogy. Selected pedagogical essays. Collected works. In 2 vol. V. 1. M: Pedagogy, 1981. (In Rus.)

16. Pivovarov, D. V. On the relationship of sensory and rational in the cognitive process. Sensual and rational. Interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk: Publishing House Ural state. Univ., 1982: 3–13. (In Rus.)

17. Pivovarov, D. V. Visual Thinking. Modern Philosophical Dictionary. Ed. by B. E. Kemerovo. London, Frankfurt, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk: Panprint, 1998. Web. 05.01.2020. https://www.philosophydic.ru. (In Rus.)

18. Polyakov, V. M. Neuropsychology in screening studies of child populations. Ed. by Akhutina, T. V., Glozman, J. M. Second Int. Conf., dedicated to the 100th birthday of A. R. Luria. Glozman. M: Fedorovets LLC, 2003: 199–209. (In Rus.)

19. Porozova, D. Yu. Gestalt as the basis of visual perception. Man in the world of culture, no. 3, pp. 23–28, 2012. (In Rus.)

20. Savchuk, V. V. Media philosophy. Fit of reality. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Arts, 2013. (In Rus.)

21. Sklyarova, V. S. Visual turns and spectacular culture theoretical aspects and cultural practices. Bulletin of Culture and Arts, no.4, pp. 116–121, 2017. (In Rus.)

22. Terentyeva, I. N. Visual, too visual (to the characterization of the iconic turn in modern media and relevant media research). Vestnik NSTU im. R. E. Alekseeva. Management in social systems. Communicative technologies, no. 2, pp. 29–35, 2012. (In Rus.)

23. Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomism. Compiled by Lebedev, A. V. M: Nauka, 1993. (In Rus.)

24. Hawk, R. R. 40 studies that shocked psychology. SPb: Prime-Euroznak, 2003. (In Rus.)

25. Shatalov, V. F. Pedagogical prose. Arkhangelsk: North-West Prince Publishing House, 1990. (In Rus.)

26. Anderson, M., Bernd, M., Patrick, O. Diagrammatic Representation and Reasoning. London, UK. 2002. (In Engl.)

27. Klink, H. (ed.) Art Theory as Visual Epistemology. Cambridge: Scholars Publishing. 2014. (In Engl.)

28. Lynch, M. Pictures of Nothing? Visual Construals in Social Theory. Sociological Theory, no. 1, pp. 1–21, 1991. (In Engl.)

29. Wright, R. Computer Graphics as Allegorical Knowledge. Electronic Imagery in the Sciences. Leonardo. Supplemental Issue. 1990: 65–73. (In Engl.)

Received: February 6, 2020; accepted for publication February 28, 2020

Information about author

Smirnova Natalia E., Graduate student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarina ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia; e-mail: galonatasha@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7901-826X.

Reference to the article

Smirnova N. E. Synthesis of Logical-Verbal and Visual Thinking in the Context of Visual Rotation // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 95–103. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-95-103.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК: 101.1
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-104-110

Юрий Михайлович Шаев,
Пятигорский государственный университет
(г. Пятигорск, Россия),
e-mail: existentia20065@yandex.ru

Герменевтические проблемы человеко-машинной коммуникации

Современные информационные технологии в настоящее время проникают во множество сфер жизни и выполняют функции, которые ранее были доступны только человеку и человеческому разуму. В современном мире быстро развиваются технологии искусственного интеллекта, нейросетевые технологии, которые используются для анализа и обработки данных совершенно различной природы. Они могут использоваться и в научных целях, часто современные исследователи просто не в состоянии качественно переработать большие объёмы информации, которые существуют в различных отраслях знания. В этом плане компьютерный разум, технологии анализа больших объёмов данных могут оценивать большие объёмы информации на качественно ином уровне, позволяют обмениваться данными, что в рамках технологии интернета вещей напоминает опыт человеческой коммуникации. Протоколы обмена данными стремятся к унификации для того, чтобы сделать возможным обмен данными, «коммуникацию» между различными устройствами эффективной и работающей без сбоев. Важной частью коммуникации в рамках человеческого общества является рефлексия. Смогут ли машины анализировать самих себя на различных смысловых уровнях, можно ли этот процесс алгоритмизировать и как будет выглядеть межмашинный обмен данными – это пока открытые вопросы. Возможно, в будущем человеку придётся создавать специальные герменевтические техники для понимания результатов работы искусственного интеллекта и включения их в дискурсы культуры, более того, возможна ситуация овладения искусственным разумом техник рефлексии, в этом случае человечество может как никогда ранее приблизиться к точке сингулярности – максимальному единству человека и технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, коммуникация, человеко-машинное взаимодействие, знак, нейросети, биополитика, интернет вещей

Yury M. Shaev,
Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia),
e-mail: existentia20065@yandex.ru

Hermeneutic Problems of Human-Machine Communication

Modern information technologies penetrate many spheres of human life and perform functions, which were previously available only for a human and to human mind. Nowadays, artificial intelligence technologies, neural network technologies are developing and they are used to analyze and process data of completely different sources. They can be used for scientific purposes. Sometimes modern investigators are not able to qualitatively process large amount of information that exist in various spheres of knowledge. In this regard, computer intelligence, technologies for analyzing large amounts of data can assess this information at a qualitatively different level and exchange it, which in the framework of the Internet of things technology reminds us the experience of human communication. Data exchange protocols strive for unification, in order to make possible the data exchange or “communication” between various devices efficient and working without failures. An important part of communication within the framework of human society is reflection. There is a number of questions such as whether machines would be able to analyze themselves at different semantic levels, whether this process could be algorithmized and how inter-machine data exchange would look. It is possible that in the future a person will have to create special hermeneutic techniques to understand the results of artificial intelligence and include them in the discourses of culture. Moreover, the developing of artificial intelligence reflection and reflecting skills is possible in the nearest future. In this case, humanity can come closer to the singularity point – the maximum unity of human and technologies.

Keywords: information technologies, communication, human-machine interaction, sign, neural networks, biopolitics, the Internet of things

Введение. Настоящее время по праву можно назвать эрой информации. Информационные технологии развиваются настолько быстро, что не всегда возможно предсказать ближайшие тренды на перспективу нескольких лет. Особенно это

© Шаев Ю. М., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

касается технологии Интернета вещей, в целом различных сетевых технологий и программных решений, использующих различные протоколы нейронных сетей и машинного обучения. Нейронные сети вместе с технологией интернета вещей в современном мире поистине совершают революцию во многих сферах жизни и деятельности человека, так как практически все области в развитых странах охвачены информационными технологиями. Многие теоретики говорят о скором наступлении точки сингулярности – некоего состояния, при котором будет достигнуто единство человека и технологий в ряде аспектов, включающих практически тотальный контроль над всеми процессами с использованием информационных технологий, повсеместное использование машин и роботов, заменяющих человека и его трудовые функции, проникновением искусственного интеллекта в сферы администрирования и принятия решений на уровне исполнительных органов государственной власти.

Самое широкое распространение приобретают технологии машинного обучения, основанные на нейросетевых принципах, модели *predictive analytics* и тесно связанные с ними технологии аналитики *big data*. Данные технологии находят своё применение в различных областях, начиная с транспорта и производства (автоматические методы отслеживания «слабых мест», анализ пассажиропотока, автотрафика и его динамики) и кончая маркетинговыми исследованиями и рекламными технологиями.

Как отмечают специалисты, в настоящее время аналитическая мощь нейросетевых технологий превышает возможности человека в плане анализа огромного количества данных, обработки и формулировки аналитических выводов. Помимо анализа больших массивов данных, по-видимому, в скором времени ожидается усовершенствование аналитических алгоритмов, которые могут быть применены в областях принятия решений в условиях, например, сложной среды с множеством факторов (сейчас разработки в этой сере имеются в области систем беспилотного управления).

В этом плане возможности анализа и «понимания» многих аспектов действительного мира (а всё, что является объектом анализа информационных технологий, составляет основу действительности, бытия в философской терминологии). Особенно это актуально в сфере научных исследований, где видится весьма перспективным применение технологий *big data*, алгоритмизированных аналитических методов и процедур. В плане техник анализа возможна такая ситуация, что компьютер сможет анализировать данные и делать выводы лучше, чем человек в ряде случаев. Более того, множество теоретически сложных направлений в науке станут развиваться на основе технологии искусственного интеллекта, и может сложиться такая ситуация, что выводы или какие-то разделы научного знания, созданные или усовершенствованные с помощью искусственного интеллекта, окажутся не доступными для человеческого понимания даже для специалистов.

Методология и методы исследования. В исследовании используется сравнительная методология при сопоставлении элементов искусственного интеллекта, нейровычислений и проблематика понимания, традиционно представленная в рамках герменевтики и семиотики. Помимо этого используется феноменологический подход в описании проблем понимания как таковых.

Результаты исследования и их обсуждение. Рядовой человек, который никогда не занимался научными исследованиями, имеет слабое представление о современной науке, постнеклассической рациональности. Некоторые теоретики даже считали, что отдельные произведения литературы «могут смягчить эту ситуацию “герменевтического разрыва” и отразить в нарративной форме, форме художественного произведения, событий и персонажей, представленной в нём картины мира в рамках неклассических представлений о пространстве-времени, стохастичности и циклических аспектах мироустройства» [13, с. 287–312].

Использование информационных технологий, искусственного интеллекта может привести к возникновению ситуации герменевтического непонимания между, условно говоря, «техникой» и человеком. Мы фиксируем «герменевтического», так как это, скорее, задача и исходный пункт – непонимание, как начало усилий по достижению понимания. О похожей проблеме задумывались применительно к возрастающей сложности научного знания ещё в первой половине XX в. некоторые логики, в частности, Ч. С. Пирс отмечал, что сама по себе наука окажется настолько теоретически сложной, что человеческому интеллекту станет не под силу понимать многие из её

положений, то есть здесь тоже появляется герменевтическая проблема понимания как такового [6, с. 156]. Стоит сказать, что проблемы понимания и истолкования являются традиционными темами философии в рамках западного интеллектуального пространства и области философии науки. В рамках герменевтики и феноменологии понимание видится в числе «важнейших бытийственных моментов, определяющих человеческую сущность» [4; 11]. Более того, некоторые теоретики считали понимание самого себя и интенции понимания окружающего мира – основой и гарантом человеческого бытия [11]. Стоит сказать, что проблемы понимания и коммуникации были и остаются проблемами в рамках научных, философских исследований и в обыденной жизни: даже людям, которые общаются на одном языке, бывает сложно понять друг-друга, соотнести свой и чужие горизонты понимания и виды интерпретации, на что указывали теоретики герменевтики [4, с. 355–363; 9]. Данная проблема тесно связана с вопросом самопонимания, рефлексии и соотнесения своего «я» с условиями и экзистенциальными ситуациями собственной жизни. Понимание же в рамках машинного кода и компьютерных технологий соотносится с однозначным толкованием команд в рамках алгоритмов: что и как следует сделать с данными в зависимости от ряда параметров. При этом компьютер, скорее, не понимает, а следует алгоритмам обработки данных. Существуют опыты соотнесения человеческого сознания с компьютерной программой [14], в рамках которых предпринимается попытка использования компьютера как модели сознания.

На наш взгляд, проблема понимания обостряется в связи с распространением такой технологии, как интернет вещей. В рамках данной технологии «умные» вещи связаны сетевыми технологиями и могут обмениваться информацией, регулировать собственное функционирование без участия человека в автономном режиме. Таковы «умные» дома, поддерживающие температуру и работу электронных устройств внутри, электронные гаджеты (начиная от фитнес-браслетов и кончая медицинскими приложениями). Более того, технология интернета вещей в долгосрочной перспективе предполагает оцифровку практически всего доступного материального мира, включение физических объектов различной природы в некий информационный универсум. Вещи, будучи связанными сетью, обмениваются информацией и «понимают» друг друга однозначно – унификация протоколов – то, к чему стремятся разработчики технологических решений и программных продуктов в области интернета вещей. В этой ситуации «понимание» словно обходится без субъекта, то есть вещи коммуницируют друг с другом. Это своего рода герменевтика без субъекта, в чём-то напоминающая «третий мир» К. Поппера [7], мир содержания всего человеческого знания, ставшая реальностью в эпоху постинформационного общества. Возникает ситуация, при которой сам субъект в его классическом европейском понимании оказывается под вопросом.

Интернет вещей в настоящее время получает такое развитие во многом благодаря универсальности протоколов (B2B, B2C), обеспечивающих обмен данными внутри его «гражданского» и промышленного секторов. В сегменте промышленного интернета вещей разработаны программные продукты, позволяющие не только осуществлять автоматический контроль, но и определять возможности перестройки самого технологического процесса на основе алгоритмов так называемой предсказательной аналитики *(predictive analytics)*, теории больших чисел и нейронных вычислений. Представляются перспективными возможности интегрирования электронной техники, либо оснащение электронными элементами техники и устройств, удобство для использования в повседневной жизни, что также обеспечивает быстрое развитие и устойчивость сетевой структуры интернета вещей. Таким образом, данная сетевая технология обеспечивает связанность вещей, их координацию и, что самое главное, унификацию протоколов, делающую возможным однозначное «понимание» передаваемой информации (в её расширенном понимании). Речь здесь идёт о создании среды «понимания» между вещами, т. е. именно того, чего в человеческом обществе в ситуациях межчеловеческой коммуникации так нелегко достичь. На эту проблему обращали внимание многие теоретики герменевтики и случаев понимания в широком социальном контексте [4; 9]. Отметим, что стремление к созданию такой модели коммуникации, в рамках которой достигалось бы однозначное понимание, существовал бы единый, унифицированный язык, было давней мечтой философов и одной из глав-

ных проблем семиотики как науки о знаках (в её различных вариациях). Лингвистические модели знака не всегда оказываются применимыми в рамках моделирования и алгоритмизации искусственного интеллекта. Особенно это показательно в плане развития технологии больших данных, на что обращают внимание некоторые исследователи. Данные технологии предполагают сосуществование и аналитику больших размеров и самой разнообразной природы, где традиционные семиотические подходы к описанию и моделированию коммуникативного процесса не всегда работают, например, традиционные языковые подходы к определению сущности языка через несколько размерностей построения кода, а не только двойное членение, как было принято в лингвистике структуралистского типа [12, с. 181–186] или прагматические подходы к описанию семиозиса через понятия итерпретанта как суммы всех возможных реакций реципиента на знак (включая физиологические). В последнем случае конечный субъект фактически отсутствует, так как информация в виде машинного кода циркулирует между устройствами и не всегда предполагает субъекта-человека или предполагает его только на конечной стадии, например, в ситуации рекламного воздействия на потребителя, когда с помощью нейротехнологий сеть определила его вкусовые предпочтения, а в качестве рекламных сообщений ему выдаются вполне определённые кванты информации в самой различной форме: визуальной, аудиальной.

В случае рекламного воздействия иногда возникает ситуация нацеленности рекламного воздействия, не предполагающего «дискурсивные сомнения». Как правило, рекламное воздействие нацелено на то, чтобы покупатель совершил необдуманную покупку, осуществил эмоциональный выбор. Здесь позиция разумного субъекта, бывшего в центре внимания европейских философов, тоже подвергается сомнению. Впрочем, такая ситуация наблюдается в достаточно широком спектре практик в современном обществе – начиная от маркетинговых технологий и кончая политическими – если вспомнить теоретиков биополитики (Х. Арендт [2], М. Фуко [10] и Дж. Агамбен [1]), которые рассуждали о кризисе разумно-дискурсивного «субъектного» способа политического самоопределения и ориентации власти на «субъекта разумного», взвешивающего все «за» и «против» при выборе политической программы или кандидата. Они в основном ориентировались на «телесно-биологические» детерминанты в политических действиях, то есть на то, каким образом власть действует через экономические каналы, систему здравоохранения, тюрьмы и другие аспекты, предполагающие, в конечном счёте, взаимодействие с телесно-биологическими параметрами человеческого существа.

В рамках современного информационного пространства часто так и происходит – человек частично теряет свою субъектность (в ряде случаев она не требуется – в мире автоматизированных процессов всё меньше остаётся места человеку), либо информационный универсум апеллирует к его телесно-эмоциональным детерминантам – как в случае рекламы и маркетингового воздействия, систем учёта и контроля со стороны государства, предполагающих биометрию и «топологию тела». В этом плане наблюдается помимо герменевтического разрыва некий герменевтический кризис субъекта, у которого остаётся немного топосов понимания и мысли в традиционном европейском истолковании этого слова, когда человек соотносит себя и окружающий мир в актах мысли и рефлексии – часто в условиях городской среды, в крупном мегаполисе это сделать удаётся всё реже. В этом смысле некоторые теоретики говорят о кризисе герменевтического европейского сознания, которое доминировало в интеллектуальном поле долгое время – на его основе были построены крупные метафизические системы и основаны техники мысли, предполагающие поиск внутренних платоновских смыслов, сущности вещей за самими вещами, в отвлечении от телесных аспектов бытия, что сказалось на европейской культуре, она стала слишком центрированной на поиске смыслов и герменевтических процедурах по его извлечению [5, с. 34–53].

Несмотря на это, проблема самопонимания остаётся важной для человека. Как представляется, человек не сведён только к набору телесно-психологических детерминант и поведенческих реакций. Важно сохранять свою субъектность (дискурсивную субъектность) даже в условиях информационного перенасыщения и апелляции к телесно-аффективным сторонам нашего бытия. Акт понимания себя или окружающего мира является своего рода фунда-

ментом размывающейся сейчас идентичности, ведь именно понимая, мы стягиваем воедино многие качества и свойства. Стоит сказать, что понимание как таковое – непростой процесс, точно так же, как необходимы усилия для того, чтобы разобраться со сложным математическим аппаратом, человеку требуются усилия в понимании себя и окружающего мира – все значимые теоретические достижения осуществлены через акты мощной рефлексии. В отличие от компьютерного кода и взаимодействия «вещей» с максимально однозначной кодировкой и дешифровкой информации человек осуществляет понимание в различных регистрах. При этом коннотативная мощь языка такова, что часто сообщения могут менять свой смысл с течением времени в ходе существования внутри социальных практик, например, то или иное сооружение, произведение архитектуры, понимаемое как сообщение, может обрастать новыми смыслами или утрачивать их [12, с. 294–296]. Показателен пример с Пизанской башней или десакрализацией религиозных объектов, путём естественного включения их в новую социально-семиотическую среду. Дешифровка и понимание в таком случае не исключают множества герменевтических перспектив, что является нормальной ситуацией в рамках культуры (циркуляция знаков и возможность множественного толкования). Отметим, что и машинный интеллект может «обучаться» и работать в нескольких смысловых регистрах – известны случаи сочинения нейросетью хеви-метал треков и написания стихов. В этом плане машинный интеллект работает на комбинаторных и эвристических принципах. Здесь тоже возникают специфические герменевтические проблемы – возможно, произведение, созданное искусственным интеллектом, будет содержать потенциал для извлечения смыслов различного уровня (как делали экзегеты – толкователи священных книг в поисках множественных смыслов: исторического, морального, профетического и др.). Тем более, что современное искусство во многом ориентировано на эффекты рецепции и на реципиента как такового. Возможно даже, что произведения, созданные машинами, будут выступать в качестве источников вдохновения, в качестве своего рода символов нового человеко-технологического мира. Более того, сейчас существуют проекты сингуляристских церквей, как неких квазирелигиозных объединений, ориентированных на веру во всемирный деперсонализированный компьютерный разум, способный изменить мир. Здесь также видны любопытные герменевтические феномены – разрыв в понимании и истолковании действительности между компьютерным сверхразумом (что не кажется уже таким фантастическим) и человеческим разумом.

Заключение. Если касаться проблемы возможности охвата всего теоретического багажа, созданного человеком, то даже сейчас самые талантливые теоретики не в состоянии учесть всех возможных теоретических следствий или синтезировать теорию с учётом очень большого количества работ, например, в сфере социологии (причём сделать это непротиворечивым образом). Возможно, в будущем появятся нейросети и алгоритмы, которые смогут конструировать качественные теоретические системы, тогда теоретикам придётся прилагать усилия для понимания и истолкования данных теоретических построений. Возможна ситуация в будущем, при которой человек станет заниматься разработкой специальных герменевтических практик, в рамках которых будут предприниматься попытки истолкования результатов работы искусственного интеллекта и включения этих результатов в культурно-интеллектуальный контекст нового гибридного общества человеко-машинного взаимодействия. Это ещё один модус проблемы герменевтического разрыва между человеком и машиной.

В этой ситуации возможны новые конфигурации хайдеггеровской трактовки положения человека и самопонимания – когда субъект спрашивает себя – «что я есть?» в этом вопросе уже присутствует понимание самого бытия – человек спрашивающий, вопрошающий, ищущий знания – это опыт человеческого бытия. В случае же с компьютерным интеллектом, возможно, появится интеллект, который подобно человеку будет задаваться вопросом о сущности самого себя, и этот герменевтический разрыв, вероятно, станет самой характерной чертой точки сингулярности – максимальной близости человека и технологий.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.

2. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
3. Гадамер Х. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
4. Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006. 184 с.
6. Крющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 200 с.
7. Поппер К. Эпистемология без познающего субъекта // Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 439–495.
8. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Академия, 1995. 160 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-ц: Кучково поле, 2002. 624 с.
10. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и Время. М.: Ad Marginem. 452 с.
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
13. Эко У. Поэтики Джойса. СПб.: Симпозиум. 496 с.
14. Dennet D. Consciousness explained. New York: Back Bay Books, 1992. 527 p.
15. Ricoeur P. Hermeneutics and the human sciences: essays on language, action, and interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 314 p.
16. Risser J. Hermeneutics and the voice of the Other Rereading: Gadamer's Philosophical hermeneutics. Albany: Suny press, 1997. 278 p.

Статья поступила в редакцию 19.01.2020; принята к публикации 25.02.2020

Сведения об авторе

Шаев Юрий Михайлович, кандидат философских наук, доцент, Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: existentia20065@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-0212-6814.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено в рамках поддержанного фондом грантов Президента РФ исследовательского проекта № МК-6507.2018.6 «Интернет вещей в контексте трансгуманизма: анализ онтологических оснований».

Библиографическое описание статьи

Шаев Ю. М. Герменевтические проблемы человеко-машинной коммуникации // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 104–110. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-104-110.

References

1. Agamben, G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. M: Evropa, 2011. (In Rus.)
2. Arendt, H. Vita activa. SpB.: Aleteya, 2000. (In Rus.)
3. Gadamer, H. G. X. Г. The Relevance of the Beautiful and Other Essays. M.: Iskusstvo, 1991. (In Rus.)
4. Gadamer, H. G. Truth and Method. M.: Progress, 1988. (In Rus.)
5. Gumbrecht, H. U. Production of presence: what meaning cannot convey. M., 2006. (In Rus.)
6. Kryushchenko, V. V. Language and sign in pragmatism. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2008. (In Rus.)
7. Popper, K. Epistemology without a Knowing Subject. Logic and the growth of scientific knowledge. M: Progress, 1983: 439–495. (In Rus.)
8. Ricœur, P. Hermeneutics. Ethics. Politics. M: Academia, 1995. (In Rus.)
9. Ricœur, P. The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics. M: Kanon, 2002. (In Rus.)
10. Foucault, M. The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979 . SpB: Nauka, 2010. (In Rus.)
11. Heidegger, M. Being and Time. M: Ad Marginem. (In Rus.)
12. Eco, U. The Absent Structure. Введение в семиологию. SpB: Symposium, 2006. (In Rus.)
13. Eco, U. The Middle Ages of James Joyce. SPb: Symposium. (In Rus.)
14. Dennet, D. Consciousness explained. New York: Back Bay Books, 1992. (In Engl.)
15. Ricoeur, P. Hermeneutics and the human sciences: essays on language, action, and interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. (In Engl.)
16. Risser, J. Hermeneutics and the voice of the Other Rereading: Gadamer's Philosophical hermeneutics. Albany: Suny press, 1997. (In Engl.)

Received: January 19, 2020; accepted for publication February 25, 2020

Information about author

Shaev Yury M., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Pyatigorsk State University; 9 Kalinina ave., Pyatigorsk, 357532, Russia; e-mail: existentia20065@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-0212-6814.

Sources of article funding

The paper is supported by the Grant of the President of the Russian Federation. Project name: “The Internet of Things in the Context of Transhumanism: Analysis of Ontological Foundations” MK-6507.2018.6.

Reference to the article

Shaev Yu. M. Hermeneutic Problems of Human-Machine Communication // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 104–110. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-104-110.

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

HUMAN GEOGRAPHY AND PHILOSOPHY OF TRANSBOUNDEDNESS

УДК 168.1
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-111-120

Александр Витальевич Гладкий,
Киевский национальный торгово-экономический университет
(г. Киев, Украина),
e-mail: alexander.gladkey@gmail.com

Денис Игоревич Олифир,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: denis-olifir@yandex.ru

Онтология категорий «ландшафт» и «комплекс» в пространственной синергии

В системной парадигме теория ландшафта и теория комплекса попадают под понятие системы, характеризующейся множеством элементов, находящихся в различных взаимосвязях и взаимоотношениях. Такая постановка вопроса не исчерпывает глубины и разнообразия рассматриваемых категорий. В сумме элементов, объединённых различными связями и отношениями, появляются синергетические эффекты – новые качества, свойства, потенциальные возможности, дополнительные эффекты. Новизна работы заключается в раскрытии синергетических свойств ландшафта и комплекса в концепции пространственной синергии. Методологическую основу исследования составили методы анализа, обобщения, восхождения от абстрактного к конкретному, сравнения и моделирования. Проведён анализ категорий «ландшафт» и «комплекс», сопоставлена точка зрения ведущих учёных в различных научных концепциях. В рамках системного подхода рассмотрено учение о территориально-производственных комплексах (ТПК). Раскрыты особенности концепции общественно-географических комплексов (ОГК). Выявлены преимущества территориально-производственной системы (ТПС). Проведённое исследование показало, что появление новых качеств и эффектов присуще как естественным (ландшафтам), так и социально-экономическим (комплексам) системам. В пространственной синергии формируются эстетические и лечебно-оздоровительные качества территории, развивается гуманистически-образная метагеография. Пространственная синергия реализуется в крупных городах, городских агломерациях, узлах – за счёт метрополитарного, агломерационного и узлового эффектов соответственно; в пределах ландшафтов – за счёт природно-эстетических, лечебно-оздоровительных и культурно-цивилизационных свойств; в виртуальной синергетичности киберпространства – за счёт его экстерриториальных и коммуникативных качеств.

Ключевые слова: ландшафт, комплекс, системный подход, пространственная синергия, территориально-производственный комплекс, общественно-географический комплекс, территориально-производственная система

© Гладкий А. В., Олифир Д. И., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Aleksandr V. Hladkyi,
Kyiv National University of Trade and Economics
(Kiev, Ukraine),
e-mail: alexander.gladkey@gmail.com

Denis I. Olifir,
Pushkin Leningrad State University
(Saint Petersburg, Russia),
e-mail: denis-olifir@yandex.ru

Ontology of Landscape and Complex Categories in Spatial Synergy

In the system paradigm, landscape theory and complex theory fall under the concept of a system characterized by a set of elements that are in different relationships. This formulation of the question does not exhaust the depth and diversity of the categories under consideration. In the sum of the elements united by various connections and relations, synergistic effects appear, i. e. new qualities, properties, potentials, additional effects. The novelty of the study lies in the disclosure of synergetic properties of the landscape and the complex in the concept of spatial synergy. Methodological basis of the research: methods of analysis, generalization, ascent from the abstract to the concrete, comparison and modeling. We analyzed the categories of landscape and complex and compared the points of view of leading scientists in various scientific concepts. Within the framework of the system approach, the doctrine of territorial production complexes (TPC) is considered. The features of the concept of socio-geographical complexes (OGC) are revealed. The advantages of the territorial production system (TPS) are revealed. The study showed that the emergence of new qualities and effects is inherent in both natural (landscapes) and socio-economic (complexes) systems. In spatial synergy, aesthetic and medical-improving qualities of the territory are formed, humanistic-figurative meta geography develops. Spatial synergy is realized in large cities, urban agglomerations, and nodes at the expense of metropolitan, agglomeration and nodal effects, respectively; however, within landscapes they are formed at the expense of natural and aesthetic, therapeutic – cultural and civilizational properties; in the virtual synergy of cyberspace – at the expense of its extraterritorial and communicative qualities.

Keywords: landscape, complex, system approach, spatial synergy, territorial and industrial complex, social and geographical complex, territorial production system

Введение. Современная наука в большинстве научных разработок пользуется системной парадигмой. В рамках этой парадигмы объекты различных научных исследований попадают под понятие системы и характеризуются множеством элементов, находящихся во взаимоотношениях и взаимосвязях друг с другом, образуя определённую целостность, единство. При этом элементы системы развиваются сопряжённо и взаимосвязаны не только в пространстве, но и во времени. Теория ландшафта в ландшафтоведении и физической географии, теория комплексов (общественно-географических, территориально-производственных и т. д.) в региональной экономике и социально-экономической географии – всё это частные конкретизированные выражения системы и системности.

Однако в последнее время многие учёные утверждают, что такая постановка вопроса не исчерпывает всей глубины и разнообразия объектов. Их можно свести к простой сумме элементов, даже объединённых определёнными отношениями и связями. В этом объединении появляются новые качества, новые потенциальные возможности, новые дополнительные эффекты, которые называют синергетическими. Именно поэтому под пространственной синергией (или синергетическим эффектом пространства) следует понимать те свойства последнего, которые, входя в противоречие между своими актуальными свойствами и человеческой деятельностью в их пределах, способны формировать дополнительные эффекты, качества, свойства. Пространственная синергия формирует новые качества материального (физического и социально-экономического) пространства, которые являются полезными, выгодными, эффективными, рентабельными, конкурентоспособными для применения в человеческой деятельности.

Исследованиями онтологических особенностей ландшафтов с точки зрения системного подхода занималось множество учёных. Среди учёных имена классиков – А. фон Гумбольдта, В. В. Докучаева, Л. С. Берга, а также наших современников – М. Д. Гродзинского, А. М. Маринича, А. Г. Топчиева, А. Г. Исаченко, О. В. Савицкой.

Изучению комплексов в региональной экономике и социально-экономической географии посвящены труды И. Г. Александрова, Л. Л. Никитина, Н. Н. Колосовского, М. М. Паламарчука, В. В. Кистанова,

А. Т. Хрущева, Ф. Д. Заставного, С. И. Ищука и др. Новые синергетические свойства данных объектов исследований раскрываются в работах Ю. Н. Голубчикова [2], М. Д. Гродзинского и О. В. Савицкой [12], Д. Н. Замятина [6; 7]. Однако содержательного анализа и сравнения названных концепций в рамках трансформации парадигмы науки ещё детально не происходило.

Именно поэтому целью данной работы является анализ категорий «ландшафт» и «комплекс» с позиций системной парадигмы, а также её трансформация в синергетическую под влиянием гуманистических идей.

Основными задачами работы являются определение сущности научных категорий «ландшафт» и «комплекс» в рамках различных научных концепций, а также анализ взглядов ведущих учёных-ландшафтоведов и физико-географов относительно феномена «ландшафт», а также экономистов и экономико-географов относительно феномена «комплекс». В обоих случаях целесообразно выделить исторические аспекты эволюции данных категорий. Авторы ставят перед собой задачу анализа типизации комплексов, обоснования необходимости выделения территориально-производственных комплексов (ТПК), исследования их видовой и функциональной структуры. В работе планируется определить сущность синергетического эффекта пространства и раскрыть синергетические свойства ландшафта и комплекса, что позволит рассматривать категории «ландшафт» и «комплекс» в рамках концепции пространственной синергии. Заключительной задачей исследования является анализ пространственных качеств синергетического эффекта.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования послужили методы анализа, обобщения, восхождения от абстрактного к конкретному, сравнения и моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Наиболее универсально категорию «ландшафт» можно определить как относительно однородный участок географической оболочки, который отличается закономерным сочетанием отдельных её компонентов (рельеф, климат, растительность и т. д.) и морфологических частей (фации, урочища, местности), а также особенностями сочетания и характером взаимосвязей с более низкими территориальными единицами. При этом взаимная зависимость географических компонентов проявляется в их пространственном изменении от места к месту. Отмечается, что ландшафт в широком смысле этого слова является синонимом природно-территориального комплекса (ПТК) определённого ранга, поскольку под ПТК понимается «пространственно-временная система географических компонентов, взаимообусловленных в своём размещении, и развивающаяся как единое целое» [8]. Действительно, системное сочетание в единой нераздельной целостности различных природных компонентов составляет основу существования ландшафтов, равно как и географической оболочки в целом.

Однако понятие «ландшафт» этим не исчерпывается. Если исследовать истоки данной категории, то становится очевидным, что наука заимствовала понятие ещё с конца XVI в., взяв из основных понятий фламандской живописи, изображающей картины негородской природы. Научное оформление дефиниции «ландшафт» представлено в работах немецкого натуралиста и путешественника Александра фон Гумбольдта, где учёный определил его как «общий характер земного региона», как «природный реальный феномен, который отражается в чувствах людей» [3].

Последователи А. фон Гумбольдта – А. Геттнер, А. Шлютер, К. Зауэр – отмечали преимущественно хорологические аспекты понимания ландшафта. По мнению того же Альфреда Геттнера – классического представителя хорологического подхода, «под ландшафтом следует понимать сочетание неживой природы, биоты и человечества» [1]. В работе «География, её история, сущность и методы» [Там же], Автор подчёркивал существование и высокую гуманистическую ценность эстетических качеств ландшафта и художественной стороны его исследования. Именно А. Геттнер обосновал эстетическую и практическую ценность стран и ландшафтов, роль и значение географических картин в развитии науки и тому подобное. Они, как считал исследователь, должны способствовать снижению чрезмерного внимания к практической (прикладной) стороне исследования. Ландшафт, по мнению учёного, является той основой, которая может интегрировать все географические знания в единое гуманистическое качество.

Отечественные учёные-ландшафтоведы – В. В. Докучаев, Л. С. Берг, Ф. Н. Миль-

ков и другие – находились, как утверждает М. Д. Гродзинский, под влиянием немецкой концепции ландшафтов [13]. Включая в состав ландшафта человека как носителя «культурных артефактов», специфических социальных и биологических черт, эти учёные подчёркивали, что он не ограничивается чисто механическим сочетанием компонентов и морфологических частей территории, но характеризуется наличием новых качеств, свойств и процессов, носящих несистемный, гуманистический характер ввиду природы бытия человека, человекоизмеряемости познания и освоения пространства. Однако впоследствии, в советские времена, эта идея была отвергнута. Уже в работах Л. Г. Раменского, К. И. Геренчука, А. Г. Исаченко было сформулировано учение о ландшафте, как уникальном наборе различных природных компонентов и специфических морфологических частей меньших рангов [8]. Всё это перешло во второй половине XX в. в понимание системности ландшафта, его внутренней иерархической полиструктурированности (вертикальной и горизонтальной), таксономичности, комплексности, взаимосвязанности и взаимообусловленности. Это понимание, отталкиваясь от классических законов физики (сохранение вещества и энергии, термодинамики), полностью отрицало существование каких-либо синергетических или гуманистических качеств последнего.

Диссонансом тогда только прозвучали мысли Д. Харвея и А. Арманда, которые утверждали, что в познании ландшафта обязательно присутствуют нотки субъективности, поскольку, прежде всего, выделение системы обусловлено личными качествами исследователя. Полноценно эти идеи начали развиваться в рамках феноменологии К. Гуссерля и Л. Витгенштейна. По мнению М. Д. Гродзинского, в рамках феноменологии «ландшафт понимается как глубоко индивидуальная субъективная категория, с которой связаны чувства человека, индивидуальные значения и ценности нематериального порядка» [13]. Эти же идеи – образы и формы восприятия ландшафтов в целостности их представления – широко раскрываются в работах Г. И. Денисика «Антропогенные ландшафты Правобережной Украины» [14], М. Д. Гродзинского и О. В. Савицкой «Эстетика ландшафта» [12].

Подобные идеи развивают Ю. Н. Голубчиков в рамках географии человека, гуманистической географии, ландшафтотерапии [2], а также Д. Н. Замятин в концепции метагеографии и пространственных образов [6; 7]. Все эти исследования предоставили возможности М. Д. Гродзинскому утверждать, что «ландшафт – это пространство, образ которого формируется конфигурацией мест, что занимают и изменяют относящиеся к нему элементы» [13].

Гуманистическая окрашенность концепции ландшафта существенно отдаляет её от чисто механистического системного представления, которое было характерно для советских исследований. Однако не приближает в полной мере и к синергетичности. Не учитываются те дополнительные свойства ландшафтов, которые формируют другие (кроме эстетических) качества уникального сочетания в пространстве отдельных компонентов и морфологических частей. Эти качества также носят человекоизмерительный характер. Но имеют, скорее всего, больше хозяйственное, цивилизационное, социоэкономическое значение. Согласно работам Дж. У. Дрэпера [4; 5], ландшафт формирует дополнительные специфические свойства социума, человеческой цивилизации, познавательной и мыслительной деятельности человека, точнее – натур цивилизационного континуума, основанного на пространственной синергии с её самоорганизацией, стохастической динамикой, неуравновешенными колебаниями и флуктуациями.

Идея синергетичности ландшафта сама по себе появилась ещё во времена господства учения энвайронменталистов. Дж. У. Дрэпер, как классический представитель этой школы, учитывая на основе разнообразия ландшафтов формирование различных условий бытия людей, разные свойства их самоорганизации и цивилизационной принадлежности, высказывал мнение о новых качественных изменениях в характере сущностного для жителей различных природных ландшафтов. Особенно ярко эти мысли раскрылись в малоизвестной книге «История Северо-Американской междоусобной войны: природа и жизнь Америки и их отношение к происхождению войны», где автор связывает возникновение противостояния Севера и Юга США как раз с разницей их ландшафтной среды [4]. В работе «История умственного развития Европы» Дж. У. Дрэпер отмечает, что именно ландшафтное разнообразие европейского континента привело к самой широкой

диверсификации ключевых научных и философских течений. Если определённые части Европы, по Дж. Дрэперу, отвечали за установление «века веры», то иные – за «век воли» и последующий грядущий «век разума» [5].

В современном мире идеи энвайронменталистов получают «второе дыхание» на основе глубокого и всестороннего видения в рамках этой традиции нелинейных несистемных зависимостей между компонентами ландшафта, а также понимания внутренней пестроты и несистемности этого термина, благодаря существенному прорыву науки в области феноменологии, герменевтики и синергетического анализа [14].

Региональная экономика и социально-экономическая география изучают системные объекты, которые формируются в виде территориальных комплексов различного ранга и состава. Наиболее развитыми являются учения о промышленных (ПК), а также о территориально-производственных (ТПК), природно-территориальных (ПТК) и общественно-географических комплексах (ОГК).

Под комплексом следует понимать такую совокупность взаимосвязанных элементов, которая имеет высокий уровень взаимообусловленности внутренних связей и соответствует определённой четко установленной цели. По мнению М. М. Паламарчука, целесообразно выделять: 1) природные комплексы; 2) природно-антропогенные комплексы, видоизменённые деятельностью человека (к ним физикогеографы относят изменённые антропогенной деятельностью ландшафты)$ 3) природно-общественные комплексы, в основе которых лежат естественно-ресурсные циклы; 4) производственные комплексы, в основу которых положены энергопроизводственные циклы; 5) общественные комплексы, которые представляют собой совокупность социальных непроизводственных объектов (социальной инфраструктуры, образования, науки, культуры и т. д.) [10].

В рамках системного подхода развилось учение о территориально-производственных комплексах (ТПК), впервые предложенное выдающимся советским экономистом Н. Н. Колосовским. Под ПТК понималось «такое сочетание предприятий в одной промышленной точке или целом районе, при котором достигается определённый экономический эффект за счет удачного подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [9]. При этом отмечалось, что создание новых ТПК находится в тесной связи с общим развитием комплексности районного хозяйства страны, а достижение значительного экономического эффекта возможно при проведении экономического районирования, т. е. выделения своеобразной, экономически законченной территории, которая представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства – «правильного районирования нельзя создать вне системы экономических отношений с другими районами» [Там же]. В результате функционирования ТПК достигался значительный экономический эффект, который проявлялся в экономии труда, масштабов производства, на научно-исследовательском и инженерно-конструкторском обслуживании, на различных устойчивых связях и коммуникациях (производственных, технологических, снабженческих, сбытовых и др.), кооперировании, комбинировании и комплексности использования сырья, на централизации функций управления и т. п.

Концепция ТПК является наиболее разработанной в отечественной региональной экономике и экономической географии советского периода. В разные годы её исследовали Э. Б. Алаев, Н. Т. Агафонов, П. Н. Алампиев, И. А. Горленко, С. И. Ищук, В. В. Кистанов, А. М. Колотиевский, С. Я. Ныммик, М. М. Паламарчук, Н. Д. Пистун, А. Е. Пробст, Ю. Г. Саушкин, А. Г. Топчиев, А. Т. Хрущев, Б. С. Хорев, Ф. Д. Заставный, О. И. Шаблий, М. Д. Шарыгин и др.

Из учения о ТПК органично вытекала идея общей комплексности всей человеческой деятельности, которая была дополнительно подтверждена идеями комплексности в природной среде – в рамках учения о ландшафте.

Общественно-географический комплекс (ОГК) начал рассматриваться как инвариантный объект исследования (впервые понятие «общественно-территориальный географический комплекс» использовалось Р. М. Кабо в 1947 г.), как «выделенная на основе общественно-географических связей территориальная и комплексно-пропорциональная структура материально-вещественных и духовных компонентов деятельности человека» [18].

Концепция ОГК стала важнейшим инструментарием для поиска путей целост-

ного устойчивого развития территории. В основе идеи ОГК Н. Д. Пистун применил комплексно-пропорциональный подход, позволяющий рассматривать определённую территорию как единую целостную сложную систему с составляющими её компонентами (природными, экономическими, социальными), а также выявлять и устранять имеющиеся диспропорции [18]. От концепции ТПК учение про ОГК кардинально отличается характером связей в рамках системы, в которой они носят вертикальный характер, т. е. происходят между отдельными видами человеческой деятельности, а не в пределах одной отрасли хозяйства. К тому же, в состав ОГК впервые вошли не только материально-вещественные, но и духовные компоненты деятельности человека (как и идеи ландшафтов в последнее время обогатились их эстетическими и цивилизационно-формирующими качествами). Это в определённой степени делает невозможным существование классических системных представлений о комплексах, т. к. в состав ОГК входят такие элементы, которые не могут быть формализованы и количественно измерены в полной мере (под измерения, следовательно, и учёт и систематизацию подпадают только материальные носители, конкретные овеществлённые выражения духовных компонентов деятельности человека). Сама же духовная составляющая комплекса, особенно с точки зрения герменевтики, остаётся гуманистической звеном его существования и имеет высокую долю субъективности в оценке [16]. Попытки её охарактеризовать без конкретных материальных носителей (в рамках духовного, сакрального, культурного пространства, пространства образов и представлений) носят явно некомплексный характер.

В рамках учения о ТПК постепенно выделилось отдельное направление научных исследований промышленных узлов и агломераций. Несмотря на значительное количество разработок (промышленные узлы и агломерации в разные годы анализировали Н. Т. Агафонов, В. Л. Бабурин, И. А. Горленко, Ф. Д. Заставный, С. И. Ищук, М. М. Паламарчук, Ю. Г. Саушкин, А. Г. Топчиев, Я. Г. Фейгин, М. Д. Шарыгин и др.), только в последние десятилетия активно развивается учение про узловой и агломерационный эффекты пространства. Они проявляются в условиях ограниченности земельных ресурсов и высокой сосредоточенности человеческой деятельности, а также предоставляют дополнительные конкурентные преимущества размещения производства благодаря специфическим условиям на рынке труда, земли, капитала, доступности информационных ресурсов, технологий и инноваций, эффективному использованию рыночных механизмов развития производства. Этот дополнительный агломерационный (или узловой) эффект носит синергетический характер. Простое сочетание отдельных элементов территориального комплекса приводит к образованию нового качества, новых преимуществ развития и размещения хозяйства, которые не могли бы сформироваться в иных условиях. Их определяет и создаёт так называемая пространственная синергия, которая сформировалась в пределах большого города и его пригородной зоны на основе использования земельных и других природных ресурсов территории, урбанизированной концентрированной системы расселения и плотной сети коммуникаций. Промышленные предприятия агломерации получают преимущества для своего функционирования, заключающиеся в создании прибыли от использования специфических свойств агломерирования.

Синергетический эффект развивается в пределах больших городов и надгородских расселенческих образований [17]. Он проявляется в процессах метрополизации (А. А. Денисенко, Г. П. Пидгрушный); экономического роста, раскрытого в теории центральных мест (А. Леш, В. Кристаллер), и в теории агломерационного эффекта территории (П. Р. Кругман, М. Фудзита, М. Бекманн); коммуникативности (М. Рей, Г. Гомес), развития технополисов и других территорий с особыми функциями (А. Тоффлер, Ш. Тацуно). Природа его возникновения аналогична узловому (агломерационному) эффекту: сверхвысокая концентрация на ограниченном участке пространства малых модульных, высокотехнологичных, креативно-интеллектуальных, репрезентативных видов человеческой деятельности, которая приводит к насыщенности (и даже перенасыщенности) территории, пересечению коммуникаций и интересов и, как следствие, к формированию дополнительной выгоды от конкурентности и взаимодополняемости сосуществования большой пестроты и разнообразия элементов целого.

В рамках дальнейшего развития этих соображений С. И. Ищук предложил идею

выделения территориально-производственных систем (ТПС). Каждая ТПС, по мнению учёного, объединяет производственные, социальные, расселенческие и природные элементы, которые призваны обеспечить формирование дополнительного социально-экономического эффекта пространства. При этом природные элементы входят в территориально-производственные системы преимущественно в рамках их ресурсных или экологических функций [15].

В понятии ТПС в отличие от ТПК и ОГК раскрывается глубокая сущность взаимосвязанных между собой элементов пространства, формируются дополнительные преимущества развития хозяйства и повышения эффективности различных видов человеческой деятельности. Итак, ТПС – это такое сочетание на территории различных элементов человеческой жизни (природных, ресурсных, промышленных, агропромышленных, инфраструктурных, социальных, расселенческих, экологических), которое представляет собой единство и целостность высокого уровня организации, со сложной структурой, конфигурацией, положением и отношениями взаимной обусловленности между элементами, которые способствуют формированию дополнительного социально-экономического (синергетического) эффекта [Там же]. В отличие от ТПС, в общепринятой литературе по характеристике ТПК основное внимание акцентируется на формировании определённого народнохозяйственного эффекта на основе территориального и организационного единства и устоявшихся взаимовыгодных связей между элементами. В ТПС этот эффект имеет более широкие рамки, выходящие за пределы хозяйственных связей и имеющих синергетическое, внеотраслевое происхождение. Связи между элементами ТПС не ограничиваются производственными. Они представляют собой конгломерат природных, ресурсных, общественных, промышленных, агропромышленных, инфраструктурных, социальных, расселенческих, экологических связей в их целостном проявлении и единстве взаимодействия.

Таким образом, исследования учёных – представителей ландшафтоведения и физической географии с одной стороны и региональной экономики и социально-экономической географии – с другой, совпадают в том, что и природные ландшафты, и общественные (социально-экономические) комплексы носят взаимосвязанный, взаимообусловленный, комплексный, системный характер [14]. Их существование и функционирование далеко не исчерпывается чисто механистическим сочетанием компонентов на определённой территории, а носит гуманистический человекоизмерительный характер – обладает синергетическими свойствами. В постнеклассической традиции науки синергетические свойства описываются в рамках самоорганизации систем различного генезиса и происхождения (природных, искусственных, физических, биологических, экономических, социальных, экологических), а также в рамках создания дополнительных (в основном качественных) свойств, преимуществ, эффектов, обусловленных системно-динамическим, нелинейным развитием системы с использованием принципа обратной связи (кольцевой причинности) и темпоральности, как кольцевой коммуникативности и поливариантности. Такое нелинейное развитие вместе с новыми качествами времени (темпоральность) и кольцевой замкнутостью процессов формирует новые качества пространства. Пространственно-временной континуум приобретает новые свойства именно в тех местах, где формируются когнитивно-диссонансные качества его восприятия, что и порождают новые качества и эффекты.

Пространственная синергия возникает в тех выигрышных точках (участках, ареалах) пространства, в которых традиционная деятельность индивида (его поведение, познавательная система, способ хозяйствования, содержание и характер мышления) в корне расходится с восприятием актуальной ситуации. Другими словами, она возникает там, где традиционные механизмы человеческого существования не исчерпывают потенциальных возможностей и свойств пространства [17]. Пространство оказывается гораздо более многогранным, более усложнённым и модульно-разнообразным. Именно пространство, а не индивид, благодаря своим уникальным свойствам когнитивности, консолидации, концентрированности, разнообразия, пестроты, полиморфности, коммуникативности, стохастичности предоставляет другие дополнительные более широкие возможности реализации хозяйственно-экономических, социально-ментальных и интеллектуально-духовных качеств человека.

В пределах пространственной синергии закладываются культурно-ментальные и цивилизационные противоречия, формируются эстетические и лечебно-оздоровительные качества территории, развивается гуманистически-образная метагеография и даже метафизика пространства-времени (как учение о надопытном начале и законах его существования). Пространственная синергия определяет те свойства отдельных его элементов, которые, входя в противоречие между своими актуальными свойствами и человеческой деятельностью в их пределах, способны формировать дополнительные эффекты, качества, свойства. Они, как правило, реализуются в пределах территории крупных городов, городских агломераций, узлов – за счёт метрополитарного, узлового, агломерационного эффектов, в пределах территории с уникальными ландшафтами – за счёт природно-эстетических и культурно-цивилизационных свойств, а также в виртуальной синергетичности киберпространства – за счёт его экстерриториальных и коммуникативных качеств.

Заключение. Таким образом, синергия, появление новых качеств и эффектов, присуща как естественным, так и социально-экономическим системам. Её влияние можно оценить и в дальнейшем – активно использовать в деятельности человека так же, как используется эстетическая и лечебно-оздоровительная ценность ландшафтов, как оценивается и используется синергетический эффект городов и агломераций, виртуального пространства, гуманистически-перцепционного и гештальтно-психологического пространственных качеств. Если влияние эстетических качеств ландшафтов или агломерационного эффекта сейчас активно исследуют и обнаруживают, то изучение других синергетических свойств пространства – задача ближайшей перспективы. На их основе человечество сможет разработать эффективные механизмы управления, организации (прежде всего, территориальной организации), развития и самоорганизации форм своей деятельности, которые предоставят новые возможности реализации скрытых ранее резервов и свойств пространства.

Исследования в области классической системной парадигмы науки сначала ландшафтов, а впоследствии и комплексов привели учёных к пониманию их внутренней синергетичности. Пространственная синергия начала выступать в роли новых качеств физического и социально-экономического пространства, которые являются полезными, выгодными, эффективными, рентабельными, конкурентоспособными для применения в деятельности индивида. Человек может их применять для осуществления своих конкретных целей, реализации замыслов, активного изменения бытия. Поиск механизмов выявления, оценки и использования преимуществ синергетического эффекта пространства (пространственной синергии) является одной из наиболее актуальных задач современных научных исследований.

Список литературы

1. Геттнер А. География, её история, сущность и методы / пер. с нем. Е. А. Торнеус; под ред. Н. Баранского. Л.: Гос. изд-во; М.: Красный пролетарий, 1930. 416 с.

2. Голубчиков Ю. Н. География человека. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.

3. Гумбольдт А. Картины природы. М.: Географгиз, 1959. 268 с.

4. Дрэпер Д. У. История Северо-Американской междоусобной войны: природа и жизнь Америки и их отношение к происхождению войны. СПб.: Тип. М.: Хана, 1871. 464 с.

5. Дрэпер Д. У. История умственного развития Европы: в 2 т. / пер. с англ. М. В. Лучицкой, под ред. И. В. Лучицкого. 3-е изд. Киев; Харьков: Южно-рус. кн. изд-во Ф. А. Иогансона, 1900. 642 с.

6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя. 2003. 336 с.

7. Замятин Д. Н. Метагеография. Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.

8. Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М.: Высш. шк., 1991. 365 с.

9. Колосовский Н. Н. К вопросу об экономическом районировании // Проблемы экономики. 1941. № 1. С. 36–52.

10. Паламарчук М. М. Территориальная структура производственных комплексов. Киев: Наук. Думка, 1981. 310 с.

11. Преображенский В. С. О чём спорят географы? М.: Знание, 1990. 46 с.

12. Гродзинський М. Д., Савицька О. В. Естетика ландшафту. Київ: Київський університет, 2005. 270 с.

13. Гродзинський М. Д. Пізнання ландшафту: місце і простір: монографія: у 2 т. Т. 1. Київ: Київський університет, 2005. 431 с.

14. Денисик Г. І. Антропогенні ландшафти Правобережної України: монографія. Вінниця: Арбат, 1998. 292 с.

15. Іщук С. І., Гладкий О. В. Теоретичні основи територіально-виробничого системоутворення // Сучасні проблеми розвитку географічної науки і освіти в Україні: матеріали V Всеукраїнської наук.-практ. конф. (Київ, 26–28 лист. 2015 р.) / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ: Обрії, 2015. С. 27–29.

16. Іщук С. І., Шпарага Т. І., Гладкий О. В. Розколота географія // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія «Географія». 2003. № 6. С. 5–8.

17. Костерін В. О. Синергетичний ефект крупних міст // Економіка, фінанси, право. 2000. № 4. С. 11–13.

18. Пістун М. Д. Основи теорії суспільної географії. Київ: Вища школа, 1994. 154 с.

Статья поступила в редакцию 09.01.2020; принята к публикации 10.02.2020

Сведения об авторах

Гладкий Александр Витальевич, доктор географических наук, профессор; Киевский национальный торгово-экономический университет; 02156, Украина, г. Киев, ул. Киото, 19; e-mail: alexander.gladkey@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-0600-0832.

Олифир Денис Игоревич, кандидат географических наук, доцент; Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: denis-olifir@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-0784-7699.

Вклад авторов в статью

А. В. Гладкий – основной автор, организатор исследования, осуществлял анализ, систематизацию и оформление статьи.

Д. И. Олифир осуществлял анализ, систематизацию и оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Гладкий А. В., Олифир Д. И. Онтология категорий «ландшафт» и «комплекс» в пространственной синергии // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 111–120. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-111-120.

References

1. Gettner, A. Geography, its history, essence and methods. L State publishing house; M: Red proletarian, 1930. (In Rus.)

2. Golubchikov, Y. Human geography. M: URSS editorial, 2003. (In Rus.)

3. Humboldt, A. Pictures of nature. M: Geografgiz, 1959. (In Rus.)

4. Draper, D. W. History of the North American civil war: the Nature and life of America and their relation to the origin of war. St. Petersburg: printing house of M. Khan, 1871. (In Rus.)

5. Draper, D. W. History of the mental development of Europe: in 2 v. Kiev; Kharkiv: South Russian publishing house of F. A. Johanson, 1900. (In Rus.)

6. Zamyatin, D. N., Humanitarian geography. Space and language of geographical images. SPb: Alethea. 2003. (In Rus.)

7. Zamyatin, D. N. Metageography. Space images and images space. M: Agraf, 2004. (In Rus.)

8. Isachenko, A. G. landscape Studies and physical and geographical zoning: Studies. M: No. SHK., 1991. (In Rus.)

9. Kolosovsky, N. N. On the question of economic zoning. Problems of Economics, pp. 36–52, no. 1, 1941. (In Rus.)

10. Palamarchuk, M. M. Territorial structure of industrial complexes. Kiev, 1981. (In Rus.)

11. Preobrazhensky, V. S. What do geographers argue about? M: Knowledge. 1990. (In Rus.)

12. Grodzinsky, M. D., Savitskaya, O. V. Aesthetics of landscape. Kyiv: Publishing and printing center “Kyiv University”, 2005. (In Ukr.)

13. Grodzinsky, M. D. Cognition of landscape: place and space: monograph. In 2 vol. Kyiv: Publishing and printing center “Kyiv University”. Vol. 2005. (In Ukr.)

14. Denisik, G. I. Anthropogenic landscapes of right-bank Ukraine: monograph. Vinnitsa: Arbat, 1998. (In Ukr.)

15. Ishchuk, S. I., Gladkiy, O. V. Theoretical bases of territorial-industrial system formation. Modern problems of development of geographical science and education in Ukraine: materials of the V all-Ukrainian

scientific-practical conference (Kiev, November 26–28, 2015) / Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv: Horizonte, 2015: 27–29. (In Ukr.)

16. Ishchuk, S. I., Shparaga, T. I., Hladkiy, O. V. Split geography. Scientific notes of Vinnytsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinsky, pp. 5–8, no. 6, 2003. (In Ukr.)

17. Kosterin, V. O. Synergetic effect of large cities. Economics, finance, law, pp. 11–13. no. 4, 2000. (In Ukr.)

18. Pistun, M. D. Fundamentals of the theory of social geography. Kyiv: Higher school, 1994. (In Ukr.)

Received: January 09, 2020; accepted for publication February 10, 2020

Information about author

Hladkyi Aleksandr V., Doctor of Geography, Professor, Kyiv National University of Trade and Economics; 19, Kyoto st., 02156, Kiev, Ukraine; e-mail: alexander.gladkey@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-0600–0832.

Olifir Denis I., Candidate of Geography, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University; 10, Petersburg highway, Pushkin, Saint Petersburg, 196605, Russia; e-mail: denis-olifir@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-0784-7699.

Contribution of authors to the article

A .V. Hladkyi – the main author, the organizer of research, who formulates the problem of research and conclusions.

D. I. Olifir – analysis and systematization of research materials, preparation of the manuscript.

Reference to the article

Hladkyi A. V., Olifir D. I. Ontology of Landscape and Complex Categories in Spatial Synergy // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 111–120. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-111-120.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 911.8; 172.4
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-121-130

Василий Львович Мартынов,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: lwowich@herzen.spb.ru

Ирина Евгеньевна Сазонова,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: iesazonova@herzen.spb.ru

Общественно-географические и социально-философские подходы к изучению вексиллологических проблем

Флаг – главный символ современных государств. Флажная система мира сформировалась в условиях европейской цивилизации, когда феодальная «Европа сословий», где основой символики был герб, становилась буржуазной «Европой наций», в которой главным символом стал флаг. Методика исследования представляет собой сочетание методов общественной географии и социальной философии. Вексиллологических трудов, написанных с географических позиций, мало. Однако в декабре 2019 г. было предложено создание новой научной дисциплины «Вексиллогеография». Социальная философия изучению флагов уделяет не слишком большое внимание. Но в последние годы стали появляться философские труды, посвящённые осмыслению государственных флагов. Обобщены и проанализированы сведения о развитии флажной системы России. Государственный флаг современной России, как считается, повторяет цвета государственного флага намного более обширной Российской империи. Реальная история российского флага более сложна, чем это представляется на первый взгляд хотя бы потому, что «государственного флага Российской империи» вообще не существовало. Бело-сине-красный флаг появляется при Петре I. Но с 1720 г. этот флаг используется только в качестве торгового. Основой символики феодальной Российской империи был герб, и вся остальная символика строилась на его основе. Выявлено, что медленное формирование буржуазной нации привело к тому, что до конца XIX – начала XX в. Россия государственного флага вообще не имела. В самые последние десятилетия существования Российской империи в качестве «национального» применялся бело-сине-красный флаг. В Советской России начинается использование красно-золотой советской символики, по сочетанию цветов сходной с символикой допетровского Московского государства. В 1991 г. снова поднимается трёхцветный флаг – «бело-лазорево-алый», фактически тогда же и возникший. В 1993 г. государственным флагом России становится бело-сине-красный флаг, при этом герб сохраняет красно-золотое сочетание цветов. Определено, что для современной Российской Федерации характерно сочетание «дореволюционного» бело-сине-красного флага и герба, построенного на красно-золотом сочетании цветов Московского царства и советской эпохи, причём оба сочетания цветов в равной мере являются историческими для России.

Ключевые слова: флаг, знамя, вексиллология, вексиллогеография, общество, нация, государство, Россия,

Vasily L. Martynov,
The Herzen State Pedagogical University of Russia, (Saint Petersburg, Russia),
e-mail: lwowich@herzen.spb.ru

Irina E. Sazonova,
The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia),
e-mail: iesazonova@herzen.spb.ru

Socio-geographical and Socio-philosophical Approaches to the Study of Vexillological Problems

The relevance of the article is determined by the fact that the flag is the main symbol of modern states. The flag system of the world was formed in the conditions of European civilization during the change of socio-economic formations, when the feudal “Europe of estates”, where the symbolism was based on the coat

© Мартынов В. Л., Сазонова И. Е., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

of arms, became the bourgeois “Europe of nations”, in which the flag became the main symbol. The research methodology is a combination of methods of social geography and social philosophy. There are few vexillological works written from geographical positions. However, in December 2019, the creation of a new scientific discipline of vexillology was proposed. Social philosophy does not pay too much attention to the study of flags. Nevertheless, in recent years, philosophical works devoted to the interpretation of national flags have begun to appear. Information about the development of the flag system in Russia is summarized and analyzed. The national flag of present-day Russia is believed to repeat the colors of the national flag of much larger Russian Empire. But the real history of the Russian flag is more complex than it seems at first glance because there wasn’t “the state flag of the Russian Empire”. A white-blue-red flag appeared under Peter I. Since 1720, this flag has been used only as a trade flag. The basis of the symbolism of the feudal Russian Empire was the coat of arms, and all other symbols were based on it. We revealed that slow formation of the bourgeois nation led to the fact that until the late XIX – early XX centuries there had been no Russian state flag at all. However, in the last decades of the Russian Empire, the white-blue-red flag was used. In Soviet Russia, red and gold Soviet symbols similar in color combination to the symbols of the pre-Petrine Moscow state began to be used. In 1991, the tricolour flag, “white-azure-scarlet”, was raised again. In 1993, a white-blue-red flag became the national flag of Russia, while the coat of arms retains the red-gold color combination. We determine that modern Russian Federation is characterized by a combination of the “pre-revolutionary” white-blue-red flag and coat of arms built on a red-gold combination of colors of the Moscow Tsardom and Soviet era, and both combinations of colors are equally historical for Russia.

Keywords: flag, banner, vexillology, vexillgeography, society, nation, state, Russia,

Введение. Флаг – главный символ современных государств. Исследованиями флагов занимается научная дисциплина, которая называется «Вексиллология». Термин «вексиллология» был предложен в 1958 г. американским учёным Уитни Смитом [16]. Вексиллология обычно понимается как вспомогательная историческая дисциплина, изучающая знамёна и флаги. Считается, что вексиллология тесно связана с геральдикой. Это действительно так, но только в отношении того направления вексиллологии, которое занимается изучением знамён. Для общественной географии и социальной философии интересны главным образом флаги, представляющие собой символы государственного суверенитета [9]. Историков, напротив, интересуют в основном знамёна: «Историк… имеет дело по большей части не с флагами, а со знамёнами» [3]. Можно сказать, что знамёна – это «знаки отличия», а флаги – «знаки различия». Отличия знамён от флагов подробно разобраны Г. В. Вилинбаховым [4].

Знамя, как правило, имеет сложный рисунок, на нём наносятся, а часто даже вышиваются, гербы, надписи, разнообразные геральдические фигуры. Многие знамёна как прошлого, так и настоящего представляют собой произведения искусства [5; 6].

Родиной флагов является Европа – для её небольших государств необходимо применение символов, составленных более или менее по одному стандарту и позволяющих разделять «своё» и «чужое». Именно поэтому флаги – очень простые в исполнении, пригодные к массовому производству в больших количествах полотнища [5].

Привычная нам флажная система сформировалась в условиях европейской цивилизации при смене социально-экономических формаций, когда феодальная «Европа сословий», где основой символики был герб, становилась буржуазной «Европой наций», в которой главным символом стал флаг.

Методология и методы исследования. Как утверждает Г. Элгениус, «появление национальных флагов представляет собой маркеры государственного строительства… и отражает политические перемены» [14, с. 27]. По утверждению М. Пастуро, флаг «воплощает или приобретает смысл только в том случае, когда он сопоставлен с другими флагами или противопоставлен им» [10, с. 280]. Но именно в «сопоставлении или противопоставлении» и заключается географическая сущность государственного флага. «Образность» становится одной из главных идей в изучении географии [7], а символы государств, регионов, городов, в первую очередь представленные флагами, являются «началом начал» этой образности.

Недостаточно вексиллологических трудов, написанных с географических позиций. Но такие труды постепенно появляются. К числу последних зарубежных работ в этом направлении относится, например, статья «Флаги, общество и пространство: к исследовательской повестке дня вексиллогеографии», опубликованная в декабре 2019 г. [15].

Социальная философия при всей своей тяге к изучению явного и тайного смысла разнообразных символов и эмблем уделя-

ла не слишком большое внимание изучению флагов. В последние годы появился, например, ряд публикаций М. А. Фадеичевой (Институт философии и права УрО РАН), посвящённых осмыслению вексиллологических проблем с философских позиций. Исследователь на основе сочетания цветов флагов отдельных государств мира делит государства на «государства-праздники» и «государство-будни» [13]. В другой своей статье М. А. Фадеичева приходит к несколько неожиданному выводу о том, что «флаги постсоветских государств – это… флаги из прошлого… В символике флагов нет современности и нет будущего…» [12, с. 259].

Результаты исследования и их обсуждение. Государственный флаг современной России, как считается, повторяет цвета государственного флага намного более обширной Российской империи. Но реальная история российского флага сложнее, чем это представляется на первый взгляд хотя бы потому, что «государственного флага» Российская империя вообще не имела – ни в одном официальном документе дореволюционного времени не используется это словосочетание.

Первые флаги появляются у России в начале XVIII в. О более ранних флагах достоверных сведений не сохранилось. Флаг корабля «Орёл», построенного в середине XVII в., якобы совпадал по сочетанию цветов с современным российским флагом, но известен только по неполным описаниям, в которых определяется в качестве «знамени», а не флага. Не совсем понятно, почему загадочному «флагу корабля “Орёл” в историографии российского флага придаётся столь большое значение» [8].

Знамя, созданное для «Орла», судя по дошедшим до настоящего времени документам, было обычным воинским знаменем Московского государства XVII в. Наиболее полная коллекция таких знамён представлена в Оружейной палате Московского кремля, которая в XVII в. и была их главным производителем. Обычно в центре знамени вышивался герб Московского царства – двуглавый орёл. Именно он был ключевым элементом символики феодального Московского государства, как и во всех прочих феодальных государствах той Европы. Всё остальное (цвета, их расположение и т. д.) было фоном.

Самым распространённым сочетанием цветов на русских военных знамёнах XVII в. было сочетание белого и красного – такое же, как на знамёнах соседней Речи Посполитой. Ничего удивительного в этом нет – с 1668 г. Московское царство и Речь Посполитая, подписав договор о «Вечном мире», становятся союзниками. «Гербовое знамя» царя Алексея Михайловича в 1669 г. было создано польскими художниками, вышившими золотого двуглавого орла на белом знамени с широкой красной каймой.

Насколько можно судить по сведениям, сообщаемым одним из виднейших российских флаговедов П. И. Белавенцом в его труде «Краткая записка о старых русских знамёнах», в конце XVII в. в ходе первых петровских походов значительная часть знамён русской армии была составлена либо таким же образом, как и «Гербовое знамя» – белое полотнище с широкой красной каймой, либо наоборот – красное полотнище с белой каймой, в обоих случаях сочетание цветов – красный, белый и золотой [2]. Поскольку польский орёл всегда был белым, то можно предположить, что русские и польские знамёна того времени цветом орлов главным образом и различались. Воспринимаемое в настоящее время как российское сочетание белого, синего и красного существовало и в Речи Посполитой, проявившись в XVIII в. в «Знамени Барской конфедерации», использовалось сторонниками независимости Польши с 50-х гг. XVIII в. до конца XIX в.

В 90-е гг. XVIII в. в Московском государстве используется множество знамён, часть которых очень сходна с более поздними флагами. Например, таким было знамя, использовавшееся Петром I в его «корабельных забавах» и известное как «Флаг царя Московского». На этом знамени (невзирая на более позднее название «флаг», фактически это знамя) золотое изображение двуглавого орла было нанесено на фоне трёх полос ткани одинаковой ширины – белой, синей и красной.

О происхождении бело-сине-красного «полосатого» флага можно судить по сведениям, приводимым всё тем же П. И. Белавенцом о том, что в Оружейной палате строились потешные знамёна и прапоры для царевичей, детей царя Алексея Михайловича, там же были построены первые русские судовые знамёна [2]. Таким образом, ответ на вопрос, откуда появились трёхцветные бело-сине-красные знамёна, очень прост – из детских игрушек юных царевичей Петра и Ивана Алексеевичей. Ни-

какой «мистики» здесь нет, и поиски глубинных смыслов цветов и их взаимного расположения лишены смысла.

Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что Пётр I для детских игр своего сына и наследника Алексея, впоследствии им же и убитого, приказал сделать в 1700 г. именно такое знамя.

В ходе Нарвского сражения значительная часть петровских войск воевала под трёхцветными знамёнами с двуглавым орлом. Большое количество этих знамён после поражения под Нарвой попало к шведам, благодаря чему точно известно, как они выглядели.

20 января 1705 г. Пётр I своим указом ввёл флаги для торговых речных судов[1]. Характерно, что в названии указа речь идёт о флагах, а в тексте – о более привычных и понятных знамёнах, и судовладельцам запрещалось поднимать знамёна, кроме созданных по разосланному вместе с этим указом образцу. Цель и смысл этого указа не вполне понятны, поскольку достоверно неизвестно, какого рода «знамёна» речные суда, число которых измерялось тысячами, если не десятками тысяч, несли до этого.

Что побудило Петра отказаться от повсеместного использования бело-сине-красного знамени и созданных на его основе флагов, неизвестно. Но именно это происходит в 1720 г. В качестве военно-морского флага России окончательно учреждается так называемый «андреевский флаг» – белый флаг с синим косым крестом. Знамёна с косыми крестами широко применялись и до этого. Так, в армейских частях уже в 1700 г. использовались квадратные розовые знамёна с чёрным косым крестом, чёрные с розовым крестом, голубые с чёрным крестом, голубые с белым крестом и малиновой каймой и белые с голубым косым крестом (перечислены знамёна российских частей, сохранившиеся в качестве трофеев в Стокгольме на начало XX в.). Таким образом, «андреевский флаг» в петровское время не был исключительной принадлежностью флота – это было всего лишь одно из многочисленных военных знамён, приспособленное для использования в морских условиях.

В качестве царского штандарта начинает применяться жёлтое полотнище с чёрным двуглавым орлом в центре. Бело-сине-красный флаг с 1720 г. остаётся исключительно торговым.

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1649–1825 годов. – Т. 4, № 2021. – С. 285.

Главным в символике феодальной Российской империи продолжал оставаться герб, вся остальная государственная символика создавалась на его основе. Но если в допетровское время это был золотой двуглавый орёл на белом или красном поле, то при Петре и его преемниках орёл становится чёрным на золотом поле под влиянием германских геральдических традиций.

В 1742 г. вместо «Знамени царя Московского» создаётся «Государственное знамя», становящееся одной из коронационных регалий российских императоров. Государственные знамёна изготавливались несколько раз на протяжении последующей истории Российской империи, рисунок их несколько менялся, но основа оставалась одинаковой – чёрный двуглавый орёл на золотом поле. При Екатерине II лента «гербовых цветов» становится лентой ордена Св. Георгия, и это сочетание цветов широко используется до настоящего времени в виде «георгиевской ленточки».

Уменьшенные и упрощённые копии государственного знамени использовались для разных целей. Так, на картине «Низложение русских знамён около Вавра», отражающей события Польского восстания 1831 г., перед польскими войсками «низлагаются» жёлтые знамёна с чёрным двуглавым орлом.

Государственный флаг, символ буржуазных наций, в феодальной России отсутствовал. Первый флаг Российской империи был создан в 1858 г. Цвета флага, чёрный, золотой (жёлтый) и белый, – по отдельности не означали ничего, вместе, согласно указу Александра II[2], это были «гербовые цвета Империи», Про государственный флаг в тексте указа не говорилось ни слова, использование этого указа для определения того, что именно «флаг гербовых цветов» был первым государственным или национальным флагом, имеет в некоторой степени спекулятивный характер.

Сам указ очень короткий, он состоит из названия и отсылки к приложению, в котором незатейливо изображены «гербовые цвета». В тех же приложениях содержатся изображения более интересных, судя по всему, для императора вещей, например, пышные и детально прорисованные «Герб Его Императорского Высочества князя Николая Николаевича для Знаменского дворца», аналогичный герб великого князя

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1825–1881 годов. – Т. 33, № 33289. – С. 752.

Михаила Николаевича «для дачи Михайловка», великого князя Константина Николаевича «для Стрелинского дворца» (речь идёт всего лишь о гербах для загородных дворцов членов императорской фамилии в Петергофе и Стрельне). Сам же указ о «гербовых цветах» был подписан между указами «О назначении в Медико-хирургическую академию пятого помощника инспектора» и «О штате Департамента воинского казначейства по делам о земских повинностях», никакого «судьбоносного» значения ему не придавалось. В пост-советское время чёрно-жёлто-белый флаг в силу неясных причин иногда стали именовать «флагом имперских цветов».

Бело-сине-красный флаг продолжал оставаться торговым, использовавшимся в частных целях подданными русского царя. Такой флаг изображён поднятым над речной баркой в качестве флюгера на картине И. Е. Репина «Бурлаки на Волге», причём «вверх ногами».

Россия 60–80-х гг. XIX в., с большим трудом переходившая от феодализма к капитализму, не имела никакого интереса к флагу, символу буржуазных наций, и «флажные» проблемы ни власть, ни общество совершенно не занимали.

В 1883 г. для тех же целей, что и в 1858 г. («украшения флагами») предписано использовать бело-сине-красные флаги. Изменения цветов «флагов для украшения» можно связать с трансформацией внешнеполитической ориентации России. Если в 1858 г. при Александре II определяющими были связи с Австрией и многочисленными германскими государствами, то уже в начале царствования Александра III начинается переориентация русской внешней политики на Францию. Соответственно изменяются и флаги, черно-жёлто-белый близок к чёрно-красно-золотому «флагу германского единства», бело-сине-красный флаг сходен по сочетанию цветов с флагом Франции.

Иногда утверждается, что в 1887 г. чёрно-жёлто-белый флаг приказом по военному ведомству был объявлен «национальным». Однако документ, в котором содержится определение этого флага как «национального», называется «Описание вещей и инструментов для дивизионного лазарета, полевых госпиталей, подвижного и запасного временного госпиталя и военно-санитарного транспорта»[1], и вряд ли его составителей более всего интересовали проблемы «национального флага».

В 1896 г. перед коронацией Николая II бело-сине-красный флаг был объявлен «национальным во всех случаях»[2].

Сумбур во флагах приводил к тому, что в качестве действительно национального флага в России на рубеже XIX–XX вв. не воспринимался ни один из них.

Отсутствие общественного интереса к проблеме российского флага хорошо подтверждается простым фактом: не существует ни одного дореволюционного произведения искусства, посвящённого какому бы то ни было флагу Российской империи. Примером флага, действительно воспринимающегося как символ своей страны большинством её населения, является флаг США. Самое известное посвящённое ему произведение – “The Star-Spangled Banner” («Знамя сияющих звёзд»), государственный гимн США.

Однако в первые годы XX в. интерес к флагу в России усиливается. Это было связано как с внешними, так и с внутренними обстоятельствами. Внешние обстоятельства заключалась в том, что Россия активно участвует в империалистическом разделе мира в качестве одного из ключевых игроков, и ей требуется собственный флаг, подобный флагам других империалистических государств.

Внутренние обстоятельства заключаются в том, что на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи усиливаются центробежные тенденции, определяемые быстрым развитием этнических и социальных движений. «Охранителям» государственного единства и политического строя требуется флаг, под которым они могли бы проявлять свою преданность «Царю и Отечеству».

Уже во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. бело-сине-красные флаги изображаются на русских пропагандистских плакатах в качестве символа России. На плакатах времён Первой мировой войны бело-сине-красных флагов становится ещё больше.

При открытии Земли Николая II (современное название – Северная Земля) экспедицией Б. А. Вилькицкого над ней в знак принадлежности этих островов Российской империи был поднят бело-сине-красный флаг.

В ходе Октябрьской революции 1917 г. вновь, как и во время Февральской револю-

[1] Приказы по Военному ведомству. – СПб., 1887. – № 1. – 159.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1881–1913 годов. – Т. 16. – Ч. 1, № 12858.

ции, поднимаются красные флаги. Красное полотнище безо всяких эмблем, символов и гербов стало флагом Советской России с самого её возникновения до весны 1918 г. С подписанием Брест-Литовского мирного договора, предусматривавшего в числе прочих условий установление дипломатических отношений Советской России с государствами «Четверного союза», возникла неожиданная проблема – красный флаг не мог представлять Советскую Россию за её пределами, поскольку такой флаг не обозначал никакой государственной принадлежности. В июне 1918 г. создаётся флаг для зарубежных представительств Советской России. Флаг был красным, в крыже размещалась выполненная стилизованной под славянскую вязь надпись золотыми буквами «РСФСР».

С этого времени сохранялось присущее всем флагам советского времени сочетание красного и золотого цветов. Такое сочетание цветов использовалось на царских знамёнах допетровского времени, но после этого ни на каких российских флагах и знамёнах вплоть до 1918 г. не применялось. Таким образом, начало существования нового государства, Советской России, было ознаменовано возвратом к допетровским основам государственной символики.

В географическом отношении такие же процессы возвращения к допетровскому прошлому проявились в возвращении столицы в Москву. «Петербургская империя» была стёрта с лица Земли. Остатки этой империи вместе с олицетворявшим её в последние, наименее удачные, десятилетия существования бело-сине-красным флагом исчезают в огне Гражданской войны.

Красные с золотыми надписями флаги принимают и остальные советские республики. 30 декабря 1922 г. провозглашается создание нового государства, получившего название «Союз Советских Социалистических Республик». Это было единственное государство за всю историю человечества, не имевшее в своём названии никаких указаний на географическую принадлежность.

В состав СССР первоначально вошли РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и ЗСФСР (Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, просуществовала до 1937 г.). В «Договоре об образовании Союза ССР» указывалось, что «Союз Советских Социалистических Республик имеет свой флаг, герб и государственную печать» (п. 22 договора), но описания флага в нём не было. Первое официальное описание флага Союза ССР обнаруживается в Конституции СССР 1924 г.: «Государственный флаг Союза ССР состоит из красного или алого полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамлённой золотой каймой» (ст. 71).

В 1924 г. осуществляется «национально-государственное размежевание» в Средней Азии. В ходе этого размежевания Советским Союзом были аннексированы территории Бухарской и Хорезмской советских республик. Из частей этих государств, а также входившей в состав РСФСР Туркестанской АССР были образованы три новые республики, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Узбекистан и Туркменистан сразу же стали союзными республиками со своими флагами, выполненными по типовому образцу того времени (красное полотнище с золотой надписью). Таджикистан первоначально стал автономной республикой в составе Узбекистана, получив статут союзной республики в 1928 г.

В 1937 г. принимается новая Конституция СССР, в которой государственный флаг СССР описывался следующим образом: «Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамлённой золотой каймой».

С принятием этой конституции образуется сразу пять новых союзных республик. На три республики (Грузию, Армению, Азербайджан) разделяется ЗСФСР, и ещё две (Казахстан и Киргизия) выделяются из состава РСФСР. Все они получают красные флаги с надписями, обозначающими название республик.

В 1945 г. СССР и две союзные республики, Украинская ССР и Белорусская ССР, становятся членами – учредителями Организации Объединённых Наций (РСФСР в числе членов – учредителей ООН не была). С этого времени начинается создание новых флагов союзных республик, на которых национальные особенности каждой республики обозначались с использованием цветных полос.

РСФСР получила новый «цветной» флаг последней из всех союзных республик, в 1954 г. Первый «цветной» флаг был создан для Украинской ССР в 1949 г.,

позднее, в 1951 г., такие флаги получают Белорусская и Грузинская ССР; в 1952 г. – Узбекистан, Азербайджан, Молдавия, Киргизия, Армения; в 1953 г. – Казахстан, Литва, Латвия, Таджикистан, Туркмения, Эстония и Карело-Финская ССР (упразднена в 1956 г.). Новый флаг РСФСР состоял из двух цветов – красного и голубого. Однако голубая полоса размещалась вдоль древка, и занимала всего 1/8 площади флага.

Красный флаг безо всяких символов, эмблем и надписей до 1991 г. поднимался над зданиями, использовавшимися Коммунистической партией Советского Союза (КПСС), но официального флага КПСС не имела.

В 1977 г. принимается последняя Конституция СССР. Государственный флаг СССР не меняется. Вслед за Конституцией СССР в 1978 г. принимается новая Конституция РСФСР, в которой в качестве государственного флага подтверждается красный флаг с голубой полосой у древка.

С началом Перестройки в СССР в его союзных республиках поднимаются «новые старые» флаги. В РСФСР «демократические» силы используют бело-сине-красный флаг, «консервативные» – чёрно-жёлто-белый, «коммунистические» – красный. Но первые выборы Президента РСФСР в 1990 г. и провозглашение «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» 12 июня 1990 г., в настоящее время отмечаемое как «День России», происходили под последним её советским флагом – красным с голубой полосой у древка.

В августе 1991 г. после провала так называемого «путча» «официальным национальным флагом РСФСР» Постановлением Верховного Совета становится бело-лазорево-алый флаг, объявленный при этом «историческим флагом России»[1]. На волне «революционного энтузиазма» нелепость происходящего никого не смущала – Постановлением Верховного Совета фактически отменялось одно из положений Конституции РСФСР. Не существует понятия «официальный национальный флаг»; ни «лазоревый», ни «алый» до этого на флагах России не использовались никогда («алый» цвет определялся как один из цветов флага СССР в 1924 г.). Осенью, 1 ноября 1991 г., бело-лазорево-алый флаг был утверждён в качестве государственного путём внесения изменений в Конституцию РСФСР. Фактически этот флаг был флагом «российской демократии» и одновременно «флагом протеста» против коммунистической власти, тогда же и возникшим и не имевшим никаких исторических корней. Позднее, 25 декабря 1991 г., этот флаг поднимается над московским Кремлём на месте спущенного в тот же день государственного флага СССР.

Под бело-лазорево-алым флагом Российская Федерация переживает один из самых трудных периодов своей истории, 1992–1993 гг.

11 декабря 1993 г., за день до референдума о новой конституции, флаг Российской Федерации меняется указом президента. Бело-лазорево-алый флаг заменяется бело-сине-красным флагом. Граждане России об этом изменении, как и обо всех предшествующих, были лишь оповещены. Официально новый флаг описывался следующим образом: «Государственный флаг Российской Федерации представляет собой прямоугольное полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цвета»[2]. Изменение цветов государственного флага с «бело-лазорево-алого» на «бело-сине-красный», представлявшее собой в сущности отмену флага 1991 г. и введение нового флага, для российского общества прошло совершенно не замеченным. Но в декабре 1993 года после прошедших в октябре того же года в Москве боёв с использованием танков, которые сторонники Б. Н. Ельцина применяли против законно избранного Верховного Совета России, подавляющее большинство населения совершенно не интересовали вопросы государственной символики.

В Конституции Российской Федерации, в отличие от конституций СССР и РСФСР, описание флага отсутствует, говорится лишь о том, что этот флаг устанавливается конституционным законом (ст. 70). Федеральный конституционный закон «О государственном флаге Российской Федерации» был принят в декабре 2000 г., через семь лет после принятия Конституции 1993 г. Флаг, установленный указом Б. Н. Ельцина в декабре 1993 г., этим законом изменён не был.

К сожалению, до настоящего времени последовательность цветов российского флага не всегда известна некоторым жите-

[1] Об официальном признании и использовании Национального флага РСФСР: постановление Верховного совета РСФСР от 22 августа 1991 г. № 1627/1-I.

[2] О государственном флаге Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 декабря 1993 г. № 2126.

лям России, и можно столкнуться с тем, что при вывешивании флага он размещается «вверх ногами», красной полосой сверху, а на рисунках изображается иногда, например, с красной полосой в середине [11].

При этом герб Российской Федерации сохраняет сочетание красного и золотого цветов, впервые сформировавшееся в государственной символике допетровского Московского государства, затем исчезнувшее и возродившееся уже как основное сочетание цветов символики советского времени. Если в силу каких-то обстоятельств в Российской Федерации появится «флаг гербовых цветов», он будет повторять цвета флага СССР.

Исключать подобное развитие событий вряд ли стоит. Сочетание красного и золотого является для России не менее историческим, чем белого, синего и красного. Для значительной части населения Российской Федерации время существования СССР представляется «золотым веком», при этом сама современная РФ воспринимается в качестве «государства – продолжения» Советского Союза. Флаг СССР воспринимается как один из основных символов Победы в Великой Отечественной войне, и флаг, который поднял в космос Ю. А. Гагарин 12 апреля 1961 г. Массовое восприятие нынешнего флага России очевидно не является столь же положительным.

Трёхцветный флаг современной России в полной мере не воспринимается как символ страны. Трудно представить себе ситуацию, в которой, например, спортсмены из США, Великобритании или Китая или другой страны мира согласились бы выступать на Олимпийских играх под «нейтральным» флагом, как это было с российскими участниками зимней Олимпиады в Пхенчане 2018 г. Запрет на участие российских спортсменов в крупных соревнованиях, наложенный в конце 2019 г., приведёт к тому, что российского флага не будет и на летней Олимпиаде 2020 г.

Тем не менее, к этому флагу многие уже привыкли. Более того, в процессе создания региональной символики Российской Федерации некоторые субъекты Федерации создавали свои флаги на основе трёхцветного флага России 1993 г. Это, например, Ленинградская область, Мордовия и некоторые другие. Крым принял флаг на основе российских цветов ещё в то время, когда он входил в состав Украины. Но у некоторых субъектов Федерации флаги созданы на основе флага РСФСР 1954–1991 гг. Это Алтайский край, Владимирская и Кемеровская области; флаг Орловской области напоминает флаг Украинской ССР, а флаги Амурской и Магаданской областей сходны с флагами республик Советской Прибалтики. У всех трёх городов федерального значения, Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, полотнища флагов красные, а в центре находится герб города.

Заключение. Вексиллологические проблемы не являются ключевыми ни для общественной географии, ни для социальной философии. Но использование общественно-географических и социально-философских подходов позволяет не только описывать флаги с традиционных геральдических позиций, но и устанавливать, какие условия и факторы определяли создание и исчезновение этих флагов. Флаги являются характерными символами западноевропейской цивилизации, появляясь в период капитализма и представляя собой явление, характерное для «буржуазно-национального» этапа развития общества.

Это хорошо подтверждается сведениями об изменениях российского флага. Сохранение до конца XIX в. преимущественно феодальной структуры российского общества привело к крайне медленному формированию нации и её символов, включая флаг. Скачкообразный переход «от феодализма к социализму» привёл к появлению советской символики, но символика эта имела формально идеологический, а не национальный характер, будучи при этом построенной на сочетании цветов допетровского Московского царства.

Ликвидация советского строя в начале 90-х гг. XX в. вызвала к жизни новую символику, фактически современную происходившим событиям, однако объявленную «исторической». Флаг современной России менялся дважды, в 1991 и 1993 гг. – первый раз после событий августа 1991 г., второй раз после вооружённого противостояния октября 1993 г. Для современной Российской Федерации характерно сочетание «дореволюционного» бело-сине-красного флага и герба, построенного на красно-золотом сочетании цветов советской эпохи.

Список литературы

1. Бабаева Т. Б. Государственная символика: эстетические аспекты // Философия права. 2008. № 3. С. 25–28.
2. Белавенец П. И. Краткая записка о старинных русских знамёнах. СПб.: Сенатская тип., 1911. 78 с.
3. Бойцов М. А. Вексиллологические традиции средневековой Европы // Signum. 2013. № 7. С. 19.
4. Вилинбахов Г. В. Знамя или флаг? // Signum. 2013. № 7. С. 5–13.
5. Вилинбахов Г. В. Коллекция знамён Государственного Эрмитажа // Signum. 2013. № 7. С. 253–275.
6. Вилинбахов Г. В. Русские знамёна. СПб.: СПбГУ, 2005. 288 с.
7. Григорьев А. А. Роль знаков, символов и образов в географическом страноведении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2009. № 3. С. 98–110.
8. Ларионов В. Е. Символика цветов и первоначальный рисунок государственного флага России // Культурное наследие России. 2018. № 1. С. 18–22.
9. Опрятов В. И. Геральдика и вексиллология как науки о государственных символах и их соотношение с конституционным правом // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 2. С. 177–180.
10. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. СПб.: Alexandria, 2019. 448 с.
11. Петров Н. В. Флаг России: фоносемантические механизмы памяти и фольклорные тексты // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 166–191.
12. Фадеичева М. А. Возможно ли символическое единство на пост-советском пространстве? // Политэкс. 2014. № 1. С. 253–260.
13. Фадеичева М. А. Государство-праздник и государство-будни: к вопросу о возможности ещё одной типологии современных государств // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 91–94.
14. Elgenius G. National Flag Origins: Religion, Revolution and Rivalry // Symbols of Nations and Nationalism. London Palgrave Macmillan. 2011. Vol. 53. Pp. 25–50. DOI: 10.1007/978-0-230-31704-8-3.
15. Medway D., Light D., Warnaby G., Byrom J., Yong C. Flags, society and space: Towards a research agenda for vexillgeography // Area. 2019. Vol. 51, No. 4. Pp. 689–696. DOI: 10.1111/area.12516.
16. Smith W. American Perspectives on Heraldry and Vexillology // Raven. 1999. Vol. 6. Pp. 41–53. DOI: 10.5840/raven199964.

Статья поступила в редакцию 15.01.2020; принята к публикации 20.02.2020

Сведения об авторах

Мартынов Василий Львович, доктор географических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; e-mail: lwowich@herzen.spb.ru; https://orcid.org/0000-0002-7741-1719.

Сазонова Ирина Евгеньевна, кандидат географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; e-mail: iesazonova@herzen.spb.ru; https://orcid.org/0000-0002-3456-1223.

Вклад авторов в статью

В. Л. Мартынов – основной автор, осуществлял анализ, систематизацию и оформление статьи.

И. Е. Сазонова проводила сбор данных, анализ и систематизацию материалов исследования.

Библиографическое описание статьи

Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Общественно-географические и социально-философские подходы к изучению вексиллологических проблем // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 121–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-121-130.

References

1. Babaeva, T. B. Symbols of state: aesthetic aspects. Filosofya prava, pp. 25–28, vol. 3, 2008. (In Rus.)
2. Belavenets, P. I. Brief memorandum about ancient Russian banners. St. Petersburg. Typography of Senate. 1911. (In Rus.)
3. Boitsov, M. F. Vexillological traditions of Middle-Age Europe. Signum, vol. 7, pp. 16–30, 2013. (In Rus.)
4. Vilinbachov, G. V. A banner or a flag? Signum, vol. 7, pp. 5–13, 2013. (In Rus.)
5. Vilinbachov, G. V. Banner's collection of the State Hermitage. Signum, vol. 7, pp. 253–275, 2013. (In Rus.)
6. Vilinbachov G. V. The Russian banners. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishers, 2005. (In Rus.)

7. Grigoryev, A. A. The role of signs, symbols and images in regional geography. Vestnik SPbGu. Nauki o Zemle, vol. 3, pp. 98–110, 2009. (In Rus.)

8. Larionov, V. E. Symbolism of colors and initial drawing of the national flag of Russia. Kul'turnoje nasledije Rossii, vol. 1, pp. 18–22, 2018. (In Rus.)

9. Opryatov, V. I. Heraldry and vexillology as a science about the state symbols and their relationship with constitutional law. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 2, pp. 177–180, 2011. (In Rus.)

10. Pasturo, M. Symbolic history of the European middle ages. St. Petersburg: Alexandria, 2019. (In Rus.)

11. Petrov, N. V. Flag of Russia: phonosemantic mechanisms of memory and folklore texts. Antropologicheskij forum, vol. 21, pp. 166–191, 2014. (In Rus.)

12. Fadeicheva, M. A. Is symbolic unity possible in the post-Soviet space? Politex, no. 1, pp. 253–260, 2014. (In Rus.)

13. Fadeicheva, M. A. The state holiday and the state-weekdays: to the question about the possibility of another typology of modern States. Diskurs-Pi, vol. 1, pp. 91–94, 2014. (In Rus.)

14. Elgenius, G. National Flag Origins: Religion, Revolution and Rivalry. Symbols of Nations and Nationalism. London: Palgrave Macmillan. 2011: 25–50. DOI: 10.1007/978-0-230-31704-8-3. (In Engl.)

15. Medway, D., Light, D., Warnaby, G., Byrom, J., Yong, C. Flags, society and space: towards research agenda for vexillgeography. Area, no. 4, pp. 689–696, 2019. DOI: 10.1111/area.12516. (In Engl.)

16. Smith, W. American Perspectives on Heraldry and Vexillology. Raven, vol. 6, pp. 41–53, 1999. DOI: 10.5840/raven199964. (In Engl.)

Received: January 15, 2020; accepted for publication February 20, 2020

Information about author

Martynov Vasily L., Doctor of Geography, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia; 48, Moyka River emb., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: lwowich@herzen.spb.ru; https://orcid.org/0000-0002-7741-1719.

Sazonova Irina E., Candidate of Geography, Associate Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia; 48, Moyka River emb, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: iesazonova@herzen.spb.ru; https://orcid.org/0000-0002-3456-1223.

Contribution of authors to the article

V. L. Martynov – the main author, development of the article concept, systematization of research materials, analysis.

I. Ye. Sazonova collection of material, systematization of research materials, article design.

Reference to the article

Martynov V. L., Sazonova I. E. Socio-geographical and Socio-philosophical Approaches to the Study of Vexillological Problems // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 121–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-121-130.

http://www.zabvektor.com
ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 327.5
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-131-141

Бэлла Александровна Красноярова,
Институт водных и экологических проблем СО РАН
(г. Барнаул, Россия);
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: bella@iwep.ru

Александр Викторович Кротов,
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: krotov_av@mail.ru

Диалектика стратегического развития Центрально-Евроазиатского трансграничного региона в условиях современных вызовов

В статье рассматриваются современные вызовы и риски стратегического развития стран Центрально-Евроазиатского трансграничного региона, расположенного на периферии от главных центров принятия геополитических и геоэкономических решений, национальные экономики которых имеют относительно низкую конкурентоспособность в современном мире. Осуществив анализ геоэкономического положения рассматриваемой территории в связи с изменившимися экономическими и политическими условиями бытования внутриконтинентальных регионов, показано, что вызовы и новые возможности находятся в постоянном диалектическом взаимодействии. С возникновением новых границ и государств, значительным ростом экономики Китая и других стран Юго-Восточной Азии появляется одновременно как неотмеченный ранее спектр возможностей для внутренних, удалённых от моря пространств, увеличивается вероятность конфликтов этнического, ресурсно-сырьевого, политического и культурного характера развития трансграничных областей. В рамках системно-диалектической методологии выявлены потенциальные экономические, геополитические, экологические риски развития рассматриваемого ультраконтинентального трансграничного региона в контексте появления новых крупных инфраструктурных проектов, увязывающих в одно целое весь континент. Цель проведённого исследования – выявить диалектику возможностей и рисков развития Центрально-Евроазиатского трансграничного региона в случае реализации транспортно-логистических мегапроектов – транзитной трансконтинентальной магистрали – Экономический пояс Шёлкового пути и др. Предложены отдельные территории – точки роста, расположенные в зоне пересечения интересов нескольких акторов регионального развития, существующих и создаваемых транспортных коммуникаций. В случае формирования своеобразного каркаса трансграничных промышленно-инновационных кластеров, связанных с развитием внутренних хабов, появляется возможность снизить риски однозначной зависимости от превосходящего на порядок китайского хозяйственного комплекса.

Ключевые слова: Центрально-Евроазиатский трансграничный регион, цивилизационные вызовы, конфликты регионального развития, трансконтинентальные магистрали, центры развития

Bella A. Krasnoyarova,
Institute of Water and Environmental Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Barnaul, Russia);
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail: bella@iwep.ru

Alexander V. Krotov,
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail:krotov_av@mail.ru

Risks of Strategic Development of the Central Eurasian Region in the Context of Modern Challenges

The article discusses modern challenges and risks of the strategic development of countries of the Central Eurasian cross-border region located on the periphery of the main centers for the adoption of geopolitical and geoeconomic decisions, whose national economies have relatively low competitiveness in the modern world.

© Красноярова Б. А., Кротов А. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Having carried out an analysis of the geo-economic situation of the territory in question in connection with the changing economic and political conditions of life of the inland regions, it was shown how the challenges and new opportunities exist in constant dialectical interaction. With the occurrence of new borders and states, the significant growth of the economy of China and other countries of Southeast Asia, the previously unremarked spectrum of possibilities appears for internal spaces remote from the sea. In addition, the likelihood of conflicts of ethnic, resource, political and cultural nature of the development of cross-border areas is increasing. Within the systemic dialectic methodology framework, potential economic, geopolitical, we identified environmental risks of the development of the ultra-continental cross-border region in the context of the occurrence of new large infrastructure projects. They connect the whole continent in one goal. The purpose of the study is to identify the dialectic of opportunities and risks for the development of the Central Eurasian cross-border region in the case of the implementation of transport and logistics megaprojects. Separate territories, growth points located in the zone of intersection of interests of several actors of regional development are proposed. In the case of the formation of a framework of cross-border industrial and innovative clusters, it becomes possible to reduce the risks associated with the Chinese economic complex.

Keywords: Central Eurasian cross-border region, civilizational challenges, conflicts of regional development, transcontinental highways, development centers

Введение. Мировое сообщество на стыке тысячелетий вступило на путь постиндустриального развития, и этот постулат не вызывает сомнений не только в научных и властных кругах, но и у большинства образованного и думающего населения. Достаточно проследить динамику занятости практически во всех странах, отметив постоянный рост занятых в инфраструктурных отраслях и долю производств с использованием ИТ-технологий. Стремительно растет цифровизация экономики развитых и развивающих стран [12; 14]. Но, к сожалению, данные тенденции не только не сглаживают ситуацию в этих странах, а также между ними, но и ведут к дальнейшему расслоению общества и появлению новых цивилизационных вызовов.

Придерживаясь классического, на наш взгляд, определения вызова А. Дж. Тойнби, считавшего, что любой цивилизационный вызов побуждает к росту, развитию, к решению стоящих перед обществом задач, а отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию, мы считаем, что определённое географическое положение также может выступать таковым. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, «исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста» [13]. В этом случае сложно не согласиться с Тойнби, и развитие цивилизации показывает, насколько обилие природных ресурсов развращает общество и, наоборот, их отсутствие или сложные природно-климатические условия способствуют мобилизации иных, как правило, интеллектуальных ресурсов. Россия на собственном примере убеждается в объективности данной аксиомы. Имея богатейший ресурсный потенциал, наша страна занимает, по данным ЮНЕСКО, 62-е место в мире по уровню технологического развития (между Коста-Рикой и Пакистаном); 67-е – по уровню жизни; 127-е – по показателям здоровья населения и 182-е – по уровню смертности среди 207 стран мира[1].

Тойнби считал, что каждое испытание на прочность, будь то природный или иноплеменный вызов, есть настоящий двигатель *или локомотив, по К. Марксу*, исторического процесса, пробуждающий творческую энергию этноса и поднимающий его на новую ступень развития, а иногда и способствующий рождению новых цивилизаций.

Каждая цивилизация сталкивается со своим набором вызовов, и возможность ответа на них в значительной мере определяется уровнем развития культуры общества, понимаемая нами вслед за С. И. Гессеном в весьма широком диапазоне[2], который в категории «культура» объединил три слоя развития общества – образованность, гражданственность и цивилизация. В свою очередь образованность включает науку, искусство, нравственность и религию; гражданственность – право и государственность; цивилизация – хозяйство (экономику) и технику.

В современном мире выделяют такие глобальные вызовы, как демографические, экологические, энергетические; вызовы со-

[1] Статистика ЮНЕСКО. Россия в фактах и цифрах. – Текст: электронный // Статистика ЮНЕСКО. Свободная энциклопедия. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/koblenz/post161248219 (дата обращения: 09.01.2020).

[2] Гессен С. И. Основы педагогики. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с.

циально-экономических трансформаций; религиозные, причем последние проявляются как в процессах толерантности религий и их течений, так и в их вырождении и столкновении. И каждый из названных вызовов имеет национальные и пространственно-временные особенности проявления [9].

Не останавливаясь подробно на особенностях глобальных вызовов, обратимся лишь к тем, что характерны для ультраконтинентальных горных и предгорных территорий Центрально-Евроазиатского трансграничного региона. Специфику их проявления, на наш взгляд, определяет практически экспоненциальный рост экономики и геополитической роли Китая на протяжении последних десятилетий [10], а также продолжающееся влияние ведущих западных стран, которые одновременно являются ориентиром потребительского стандарта и мерилом социально-экономического успеха. Темпы этого роста меняются, но направление остаётся неизменным, что существенно усиливает риски функционирования национальных экономик стран этого региона, сохранения национальной культуры и самостоятельных траекторий их развития и выбора стратегии.

Вынужденные идти по пути догоняющего развития, отстающие экономики, как правило, жертвуют отдельными важнейшими для функционирования национальных сообществ свойствами и качествами жизни. Есть опасность, что передовые экономики, осознавая все факторы современного функционирования мирового и национального хозяйства, в отличие от «непосвящённых» стран и территорий будут сбрасывать балласт, без которого сами прожить не могут, но который наименее эффективен в настоящее время. Например, сохранение передовых позиций в науке, образовании, медицине, средствах развлечения, отдыхе и досуге, безопасности и передовых технологиях будет поддерживаться преимущественно в собственных границах, создавая такие условия и качество жизни, что наиболее талантливые и эффективные представители третьего мира вынужденно мигрируют из родных пространств в надежде максимально реализоваться. Тем самым обескровливаются местные экономические и интеллектуальные позиции третьих стран, ставя их в вечно проигрывающее и догоняющее положение. Получается своеобразный замкнутый круг.

Возможно и не самый худший вариант развития, когда развивающиеся страны проходят все стадии исторического хозяйственного пути, присущего развитому миру, только за более быстрый период времени и даже, может быть, без слишком очевидных ошибок природоохранного и финансово-производственного плана. Но последние статистические данные показывают, что разрыв между богатыми и бедными обществами увеличивается. Такими темпами создавшееся положение может закрепиться навсегда. В условиях действия либеральных законов и мирового рынка самые ценные активы отстающих территорий прямо или через местных держателей перейдут во владение и пользование странам так называемого золотого миллиарда, транснациональным корпорациям и, возможно, отдельным крупнейшим экономикам третьего мира.

Внутренние территории Евроазиатского региона не всегда в историческом плане по душевым показателям производства, политического и культурного веса были на таких низких позициях, как сейчас. Достаточно перечислить такие территории, которые в разное историческое время оказывали огромное влияние на сопредельные земли или пространства более значимые. Могущество монголов простиралось на территории, на порядок превосходящие площадь современной Монголии (которая почти в 3 раза больше любой современной западноевропейской страны); Ферганская долина, Самаркандское и Бухарское ханства манили путешественников и завоевателей. На тот период времени отсутствие близости морских путей не оказывало такого решающего влияния на место в мировом рейтинге, как степень развитости прилегающих территорий и государств.

Центрально-Евроазиатский трансграничный регион, на наш взгляд, включает страны, традиционно относящиеся к Центральной Азии, которые ранее в рамках СССР именовались Средней Азией[1], Монголию и Казахстан, а также северо-западную часть Китая (СУАР) и юг Сибири – регионы, расположенные на территории Алтае-Саянской горной области[2].

[1] Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И. Физическая география СССР. Азиатская часть: учебник для студентов геогр. фак. ун-тов. – 3-е изд. – М.: Мысль, 1978. – 512 с.

[2] Центральная Азия. – Текст: электронный // Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Центральная_Азия (дата обращения: 09.01.2020).

Картосхема Центрально-Евроазиатского трансграничного региона

Map of Central Eurasian cross-border region

Границы Центрально-Евроазиатского региона вполне логично вписываются в сформулированную для данных целей математико-статистическую формулу центрального положения, где крайними точками выступают многочисленные долготно-широтные координаты Евразии по сторонам света.

Объединение данных пространств в единый макрорегион обосновано не только природно-территориальной общностью, но и тем фактом, что их прошлое развитие в культурном, политическом, экономическом, языковом, этнорелигиозном и транспортно-логистическом разрезах шло совместно. Все рассматриваемые территории являются отдалёнными как от морских побережий, так и от главных центров принятия политических и экономических решений в мире; являются ультраконтинентальными и имеют, соответственно, относительно низкую, за исключением отраслей сырьевого, прежде всего энергетического, характера, конкурентоспособность своего хозяйства.

Методология и методы исследования. Цель проведённого исследования – выявить диалектику возможностей и рисков развития Центрально-Евроазиатского трансграничного региона в случае реализации инфраструктурных мегапроектов – транзитной трансконтинентальной магистрали – Экономический пояс Шёлкового пути и др. Задачи исследования: оценить риски развития; оценить возможности развития; соотнести возможности и риски развития Центрально-Евроазиатского трансграничного региона. Исследование проведено в рамках системно-диалектического подхода развития любой территориальной системы. При этом она изучается на разных стадиях своего развития – формирования, функционирования и развития. Данный подход применим для того чтобы показать, как в современных условиях в результате деформации всей мирохозяйственной системы из-за различных факторов глобального и макрорегионального масштаба происходят негативные изменения в исследуемых пространствах. На планетарном уровне это очевидное сейчас изменение климата, реальное и, к сожалению, прогрессирующее опустынивание на равнинных и межгорных пространствах рассматриваемого макрорегиона и таяние ледников в горах, а также

смена технологических, социально-экономических укладов и ведущих факторов мирового развития – передел сфер влияния и рынков сбыта. На макротерриториальном уровне – в результате привнесённого воздействия – освоения новых месторождений полезных ископаемых и строительства транснациональных транспортно-логистических коммуникаций – нами выявлен широкий спектр влияния на хозяйственные, геополитические, геоэкономические, социокультурные и экологические стороны жизнедеятельности рассматриваемого пространства. В результате рассмотрения мировой практики функционирования крупных трансконтинентальных проектов, особенностей и моделей развития стран Центральной Евразии их страноведческая и экономико-географическая характеристика позволили предложить некоторые пути их развития в условиях финансово-экономического и геополитического давления Китая и третьих стран в новых стратегических условиях [1]. Использование статистических данных и применение математико-статистического аппарата позволили подтвердить центральное ультраконтинентальное положение данного региона со всеми вытекающими из этого проблемами социально-экономического характера, сложностями и возможностями, которые даёт совокупность ресурсного, культурно-исторического и людского потенциала, этого важнейшего пока не объединённого значимыми союзами и соглашениями пространственно-срединного объекта [3]. При этом очень продуктивен подход американских авторов, работающих в области новой экономической географии, выкладки которых были использованы при анализе конкурентных преимуществ рассматриваемой территории [15].

Результаты исследования и их обсуждение. В данном срединном пространстве Евразии пересекаются геополитические и геоэкономические интересы ведущих мировых факторов. К их числу, наряду с США, Китаем и Россией, можно будет отнести в случае полного освобождения от санкций и Иран. Эти страны (за исключением США), предлагающие в том числе свои модели социально-культурного развития, имеют через регионы Центральной Евразии общие границы, соответственно, могут осуществить совместные трансграничные мегапроекты. В случае их эффективной реализации каждая из отмеченных держав получает очень существенные дивиденды. Естественно, для развитых стран совершенно неприемлема ситуация объединения в союз центрально-евроазиатских пространств по типу ЕС или НАФТА (тем более НАТО) с тремя главными «возмутителями спокойствия» в западном мире. Ведь в случае позитивного результата к данному суперконгломерату начнут тяготеть четвёртая экономика мира – Индия, её главный современный противник Пакистан и забытый лидер Ближнего Востока, развивающаяся Турция. Совместными усилиями они смогут урегулировать ситуацию в Афганистане и получить грандиозные возможности по созданию общего экономического (может, политического или геополитического) пространства, включающего как внутренние, так и морские регионы, на территории которого сейчас проживает около 3,55 млрд чел.

Рассматриваемая территория обладает высоким потенциалом не только возможностей развития, но и возникновения конфликтов этнического, ресурсно-сырьевого, политического и культурного характера. Часть из них уже имеют место, многие – носят латентный характер и сдерживаются более сильными державами. Получив независимость, государства региона стоят перед выбором путей развития; и одним из них является вариант развития транзитных трансконтинентальных магистралей – Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), предложенный осенью 2013 г. Председателем Китая Си Цзиньпином, очень заманчив для их экономик. Но предложенный известный мегаинвестиционный проект несёт за собой множество рисков, необходимость учёта которых в стратегических документах развития данных государств чрезвычайно важна. В то же время не следует забывать, что и другие инфраструктурные проекты трансконтинентального характера, проходящие через Центрально-Евроазиатский трансграничный регион, также не однозначны, если просчитать все издержки от нарушения состояния окружающей среды, использования в действительности ограниченных местных капиталов и инвестиционных возможностей до продолжающейся зависимости от более сильных соседей. Рассмотрим лишь некоторые из потенциальных рисков в случае реализации столь масштабных проектов.

Экономические риски. Территории, через которые пройдут трансконтиненталь-

ные пути, сразу открываются для международной конкуренции. ЭПШП способствует либерализации международной торговли. Тем более что к китайскому транзитному коридору может присоединиться Индия, заинтересованная в развитии своего «Шёлкового» пути «Север – Юг»[1]. И победителем в данной ситуации может однозначно стать Китай, который чётко проводит политику соблюдения собственных интересов, последовательно реализуя концепцию создания Восточной Среднеазиатской экономической зоны, идею строительства Евроазиатского материкового моста – связующего «два материковых моста» – железные дороги СУАР – Кашгар – Ош – Ферганская долина – Иран с Транссибом и иные более поздние проекты. Проигравшими – местные сообщества, потому что создание современной инфраструктуры по доставке китайских товаров в Европу приведёт к ухудшению положения местных производителей [7]. В этих проектах пока не обговариваются варианты защиты от дешёвого импорта, в их реализации не просматривается участие формальных и общественных институтов, контролирующих и регулирующих социальные и экологические аспекты деятельности зарубежных инвесторов. И в сложившейся ситуации, по мнению Ксавье Рише[2], можно получить «одного победителя и многих проигравших».

Кроме того, существенную часть доходов в экономике центрально-евроазиатских стран составляют поступления рентного характера. Однако в случае формирования «транзитной» экономики вместо стабилизации национальных экономик может создаться политическая система присвоения доходов от транспортно-транзитной деятельности узким кругом элитарных слоёв общества с элементами благотворительности в виде прямой помощи остальному населению (или его части) и косвенного перераспределения доходов. При этом стимулов для развития высокотехнологичных производств может и не возникнуть.

Геополитические риски. Либерализация рынков способствует формированию открытого общества, к чему большинство стран Центрально-Евроазиатского региона, относящихся в основном к исламскому миру, ещё не готово. Возможно дальнейшее расслоение общества, активизация процессов ксенофобии и синофобии, возникновение конфликтов между радикально настроенной частью национального общества и так называемыми «западниками», настроенными на европейский образ жизни и европейские ценности. Кроме того, нельзя не учитывать неоднородность самого ислама, наличие неразрешимых противоречий между множеством его течений да и усиление терроризма, который также зачастую имеет исламистские корни. Всё это мало способствует развитию данных стран в рамках одной стратегии.

Экологические риски реализации проекта ЭПШП также весьма серьёзны и связаны не столько со строительством и эксплуатацией транспортных магистралей, сколько с последующей индустриализацией прилегающих территорий, их экологической колонизацией. Трудно допустить, что китайские инвесторы, экономика которых до сих пор находится в основном на этапе «коричневых» – экологоёмких технологий, будут внедрять ресурсосберегающие и экологически безопасные технологии «зелёной» экономики в транзитных государствах. Они ориентированы на получение быстрой отдачи от своих вложений, а не на создание высокотехнологичных и со временем конкурентных на мировом рынке рабочих мест. Всё это будет нести дополнительные антропогенные нагрузки на чрезмерно перенаселённые равнинные территории и стимулировать рост населения и производства в экологически значимых горных экосистемах, способствуя их разрушению.

Объективная проблема вододефицита в регионе осложняется не решением вопросов вододеления, когда большая часть водных ресурсов формируется в горных регионах Таджикистана и Кыргызстана, а потребляется – в Казахстане, Туркмении, Узбекистане, при этом нет политического основания, жёстко определяющего объём и режим их изъятия. На территории Кыргызстана, например, формируется 75,2 % стока Сырдарьи, в Таджикистане – 2,7 % стока Сырдарьи и 74 % Амударьи, в Узбекистане – 15,2 и 8,5 %, соответственно[3]. В итоге большинство стран региона функционируют в условиях вододефицита, причём вне международного поля норматив-

[1] Индия создаёт свой собственный Шёлковый путь. – URL: http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122402/Шепард. (дата обращения: 09.01.2020). – Текст: электронный.

[2] Рише Ксавье. Один победитель и многие проигравшие // Гудок. – 2017. – № 120. – 19 июля.

[3] Статистика стран мира. Экономика, численность населения, государственное устройство стран мира. – Текст: электронный // Страны мира. – URL: http://www.iformatsiya.ru (дата обращения: 09.01.2020).

но-правового регулирования водопользования в трансграничных речных бассейнах, так как до сих пор не подписали международные соглашения в этой области [6].

Особого внимания с позиций экологических рисков заслуживают горные территории вдоль южных границ Азиатской России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана, которые в результате транспортно-инфраструктурного обустройства могут стать зоной совместного ускоренного освоения труднодоступных в настоящее время природных ресурсов – биологических, водных, минерально-сырьевых, рекреационных. При этом следует учитывать особый экосистемный статус горных территорий с возможностью развития эксклюзивных специализаций, в том числе связанных с развитием туризма. Не исключая позитивные примеры горных районов Швейцарии, офшорных мини-государств Лихтенштейна, Андорры, Сан-Марино, следует учитывать, что в современных условиях Центральной Азии если и достигнуты позитивные результаты в душевых показателях производства или уровня жизни, то они связаны либо со сравнительно большими (с учётом местных возможностей населения и хозяйства) инвестициями центров, либо за счёт иных, например, экологических издержек. Для Восточно-Казахстанской области, например, сравнительный экономический успех привёл к мировому лидерству по особо опасным загрязнениям. Туристские специализации Алтая и Тувы реализуются за счёт инфраструктурных проектов государства, без них здесь было бы возможно развитие лишь экстремальных видов туризма.

Если проанализировать налоговые платежи в местные бюджеты, то окажется, что сектор гостеприимства в значительной мере работает в серой зоне, а дотационность региональных бюджетов, несмотря на готовую инфраструктуру, составляет рекордные для страны 75–80 %. То есть реальная, а не дотируемая относительная успешность горных ультраконтинентальных регионов возможна только при включении в их проекты внешних территорий, обладающих более высоким потенциалом человеческого, производственного и технологического капитала. В таблице приведены расстояния до крупнейших мировых портов в разных частях света Евразии, от столиц регионов и стран Центрально-Евроазиатского трансграничья, что лишний раз подчёркивает необходимость инфраструктурной увязки их внутренних пространств.

Расстояние до морских портов от столиц территорий и стран Центрально-Евроазиатского трансграничного региона (по прямой)

Расстояние до портов, км	*Урумчи*	*Барнаул*	*Ташкент*	*Усть-Каменогорск*	*Кызыл*	*Улан-Батор*
Архангельск	3 360	2 626	2 918	2 917	3 516	4 244
Новороссийск	3 822	3 427	3 585	3 378	4 066	5 160
Владивосток	3 402	3 666	3 522	3 772	3 143	1 999
Шанхай	3 361	3 890	3 658	3 803	3 128	2 224
Мумбаи	3 469	3 931	3 827	3 546	3 620	4 415
Санкт-Петербург	3 872	3 255	3 455	3 407	4 058	4 903
Среднее расстояние	3 547	3 466	3 494	3 470	3 588	3 824

Эффективность подобных проектов будет только при встраивании собственных стратегий в интересы кратно превосходящих по политической и экономической мощности акторов. У России имеются свои транспортно-транзитные интересы в регионе [2]. По мнению Л. Б. Вардомского, стране необходимо строительство меридиональных соединений, которые связывают Новосибирск и Китай, Тюмень и Индию, Красноярск и Китай, Саратов и Иран (через центрально-евроазиатские территории) [5]. Не следует забывать и о проекте Трансевразийского пояса вдоль Транссиба, выдвинутом ОАО «Российские железные дороги». Его реализация приведет к модернизации транспортной инфраструктуры и будет способствовать переформатированию хозяйства прилегающей территории.

Для РФ не входящие в её состав центрально-евроазиатские пространства представляют большую ценность ввиду нескольких причин. Во-первых, Россия не смогла избавиться от экспортной зависимости своих сырьевых товаров. Во-вторых, эти регионы практически идентично обладают такими же ресурсами и конкурируют друг с другом на международных рынках.

При этом часто себестоимость их производства ниже российской. В-третьих, здесь пока ещё есть рынок для отечественных технологичных товаров. В-четвёртых, России просто необходимы в современных условиях как страны, максимально дружественно настроенные к нашему народу, языку и культуре, так и спокойное приграничье [8].

К сожалению, нет однозначных научных либо экспертных долгосрочных прогнозов по стоимости на мировых рынках сырьевых, в том числе и энергетических, товаров для реального и точного планирования наполняемости государственных бюджетов. Несмотря на ограниченный характер и реальную истощаемость запасов многих видов минерального сырья, нет чёткого понимания того, по какой цене можно будет продавать данные продукты через 20 и более лет. В работах Л. А. Безрукова [4] и Ю. Л. Пивоварова [11] эта ситуация с разными контекстами подробно проанализирована.

Ещё сложнее определить, какая доля из продаваемого сырья останется местному населению. Вопрос даже не в цене на рынке, а в прибыльности этих проектов для местных сообществ. Стоимость технологий, инфраструктуры, техники, ведущих специалистов и предполагаемая вывозимая прибыль сторонних инвесторов могут быть такими, что придётся экономить на удалённых, ультраконтинентальных территориях практически на всём: природоохранных мероприятиях, зарплатах и безопасности местной рабочей силы, создании приемлемых социальных и культурно-досуговых условий бытия рядового населения.

Поэтому одним из важнейших факторов более или менее равноправного и максимально приемлемого качественного развития внутренних удалённых территорий является возможность местного научно-аналитического сообщества участвовать в разработке, принятии решений по стратегическому планированию видов и способов хозяйственного, в том числе инфраструктурного, освоения регионов, а также их включению в процессы обсуждения и управления национальными и межнациональными мегапроектами, реализуемыми на их территории. Хотелось бы подчеркнуть, что имеется в виду не столько бизнес-властная вертикаль стран и регионов внутренних евроазиатских пространств, сколько интеллектуальная национальная элита данных территорий, которую через включение в прибыль проектов нельзя (и невыгодно) массово заинтересовать и сделать адептами неэффективного, неправильного развития местных территорий.

Заключение. Проведённый анализ развития стран Центрально-Евроазиатского трансграничного региона показал, что развитие транзитных трансконтинентальных маршрутов, несмотря на рассмотренные риски, связанные с их освоением, может не только дать дополнительные инвестиции, а потом стабильный доход, но и в какой-то степени объединить и стабилизировать рассматриваемое пространство, получить синергетический эффект от комплексного и согласованного развития отдельных стран и регионов. Для его получения требуется общая социально-экономическая стратегия их развития, разработанная с учётом местных особенностей неоднородной территории. Уже на первоначальном этапе нужно выделить ядра или территории опережающего развития, на которых будут сосредоточены будущие предприятия и возникнут новые центры, возможно и на основе ранее функционирующих, которые получат новый импульс для своего развития. Необходимо выявление приемлемой производственно-инвестиционной специализации такого уровня инновационности, чтобы в среднесрочной перспективе не возникло опасения чрезмерного отставания от передовых приморских пространств и ведущих мегарегионов мира.

В долгосрочной перспективе, согласно нашим выводам, требуется создание каркаса мощных агломерационных экономик, плотно взаимосвязанных между собой. Нельзя допустить излишней конкуренции между центрально-евроазиатскими странами, иначе не будут реализованы максимальные выгоды от реальных и потенциальных преимуществ территорий. Данная стратегия кроме институциональных норм сотрудничества должна включать и ряд крупных инвестиционных проектов макрорегионального значения, например, создание приграничных промышленно-инновационных кластеров освоения и переработки полезных ископаемых, строительство гидротехнических сооружений энергетического и водохозяйственного назначения, создание хабов и иных инфраструктурных объектов. В числе последних можно назвать, например, формирование Ташкентско-Шимкентского хаба и строительство

Рубцовско-Семейского трансграничного промышленного узла, уже в настоящее время имеющих определённые предпосылки создания. Идея кластерного развития уже далеко не нова, но достаточно актуальна в научном дискурсе, и логично по максимуму использовать преимущества существующего географического положения [16; 17].

На наш взгляд, в Центрально-Евроазиатском трансграничном регионе должны быть связаны все входящие территории и в транспортно-инфраструктурном, и в промышленно-стадийном корпоративном плане. Нужны местные транснациональные компании, работающие в основном на рынках рассматриваемой территории с довольно значительным и людским, и экономическим совокупным потенциалом. И только в результате суммирования совместных усилий есть возможность создания новых центров дополнительной прибавочной стоимости с обязательным наличием штаб-квартир во внутренних городах. В развитых странах, например, есть несколько примеров эффективного и, соответственно, очень конкурентоспособного в мировом пространстве функционирования срединных центров. В США есть два крупнейших авиаузла во внутренних регионах – в Чикаго и Атланте, аналогично один из важнейших хабов всей Европы – внутренний Франкфурт-на-Майне. В нашем случае к названному Ташкентско-Шимкентскому авиаузлу необходимо сформировать ещё как минимум три значимых мегапорта. Это российские Барнаул и Иркутск, а в Китае есть смысл создания нового центра не в Урумчи, а гораздо ближе к юго-восточным границам СУАР для полного взаимодействия с провинциями внутреннего Китая и притяжения не только самых ультраконтинентальных территорий государства, но и прилегающих к ним его центральным областям. Все четыре предлагаемых авиаузла одновременно должны стать важнейшими новыми промышленно-инновационными площадками Центрально-Евроазиатского пространства.

Отмечены чрезвычайные перспективы в формировании нового промышленного кластера лёгкой промышленности в Ферганской долине на стыке границ Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, где сейчас одновременно с наличием избыточной массы рабочей силы, высокой плотности населения существует очаг напряжённости этнорелигиозного и межэлитного характера. В разрешении данного конфликта заинтересованы в том числе Китай и Россия. Сейчас ТНК отказываются от многих массовых производств в Китае, пытаясь перенести их во Вьетнам, Бангладеш, но Ферганская долина находится как раз на ЭПШП, а очаг потенциального сепаратизма крайне опасен для внутренних регионов поднебесного государства. Здесь же находятся огромные объёмы выращиваемого сырья как растительного, так и животного происхождения, а также исторические рынки России, готовые потреблять массовый продукт бывших республик Средней Азии. В этом случае всё-таки удастся избежать ловушки северного и удалённого положения, которое несколько гиперболизировано описано в известной работе Хилл и Гэдди [18].

В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на конкретных проектах промышленно-инновационного развития Барнаула и Иркутска, но отметим, что в первом случае необходима плотная связь с Новосибирской и Новокузнецко-Прокопьевской агломерациями, а во втором возможно продвижение туризма в монгольском направлении и промышленно-услуговая кооперация с соседней страной. Тогда озеро Хубсугул и окрестности могут составить конкуренцию Байкалу, с одной стороны, а с другой – разгрузить его и увеличить совокупный рекреационный потенциал трансграничного региона. На наш взгляд, смысл формирования данных узлов и центров и состоит в создании таких межгосударственных и межрегиональных объединений, которые, опираясь на собственные силы и интересы внешних игроков, создавали лучшие условия для развития местных сообществ.

Список литературы

1. Баденков Ю. П. Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие – разнообразие моделей развития. М.: ГЕОС, 2017. 479 с.

2. Балдано М. Н. Роль России в развитии международных транспортных коридоров Евразии // Азиатская Россия: история и современный дискурс: сб. науч. ст. Новосибирск: Апельсин, 2010. 280 с.

3. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Гео, 2008. 369 с.

4. Безруков Л. А. Экономико-географическое макроположение Сибири и проблема эффективности ее хозяйства // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 149–158.

5. Вардомский Л. Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО. 2015. № 8. С. 59–78.

6. Винокуров Ю. И., Красноярова Б. А. Водно-экологический градиент международного сотрудничества в Центральной Азии // Вода и водные ресурсы: системообразующие функции в природе и экономике: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Г. Пряжинская. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2012. С. 387–394.

7. Глинкина С. П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийского экономического союза // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: материалы Третьего международного форума. М.: Ин-т экон. стратегий, 2014. С. 59.

8. Кротов А. В. Вызовы геополитического и геоэкономического характера центральноазиатским территориям в контексте их ультраконтинентального положения // Society and Security Insights. 2018. № 2. С. 139–158.

9. Кузык Б. Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Институт экономических стратегий, 2008. 864 с.

10. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай – Россия-2050: стратегия соразвития. М.: Ин-т экон. стратегий, 2006. 654 с.

11. Пивоваров Ю. Л. Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // Известия РАН. Серия «География». 1997. № 5. С. 114–124.

12. Тимохин Д. В. Цифровизация экономики: современное состояние, проблемы и перспективы развития в России // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 3. С. 57–66.

13. Тойнби А. Дж. Постижение истории: пер. с англ. / сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; закл. ст. Е. Б. Рашковского. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

14. Asheim B. T., Isaksen A. Regional Innovation Systems: The integration of Local “Sticky” and Global “Ubiquitous” Knowledge. Paper presented in the Proceeding of the “Conference on Regional Innovation Systems in Europe”. Donostia-San-Sebastian, 1999. September-October.

15. Krugman C. R., Obstfeld M. International Economics: Theory and Policy, sixth edition. Boston: Addison Wesley, 2003. 754 p.

16. Enright M. Why Clusters are the Way to Win the Game // World Link. 1992. № 5. July-August. Pp. 24–25.

17. Enright M. The Geographical Scope of Competitive Advantage // Stuck in the Region? Changing scales for regional identity / ed. by E. Dirven, J. Groenewegen and S. van Hoof. Utrecht, 1993. Pp. 87–102.

18. Fiona Hill, Clifford Gaddy. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 240 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2020; принята к публикации 25.02.2020

Сведения об авторах

Красноярова Бэлла Александровна, доктор географических наук, профессор, Институт водных и экологических проблем СО РАН; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Молодёжная, 1; Алтайский государственный университет; 656038, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; e-mail: bella@iwep.ru; https://orcid.org/0000-0002-0008-1635.

Кротов Александр Викторович, кандидат географических наук, доцент, Алтайский государственный университет; 656038, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; e-mail: krotov_av@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-8050-5126.

Вклад авторов в статью

Б. А. Красноярова осуществляла анализ, систематизацию и оформление статьи.

А. В. Кротов проводил сбор данных, анализ и систематизацию материалов исследования.

Библиографическое описание статьи

Красноярова Б. А., Кротов А. В. Диалектика стратегического развития Центрально-Евроазиатского трансграничного региона в условиях современных вызовов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 131–141. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-131-141.

References

1. Badenkov, Yu. P. Life in the mountains. Natural and cultural diversity: a variety of development models. M: GEOS, 2017. (In Rus.)

2. Baldano, M. N. Russia’s role in the development of international transport corridors of Eurasia. Asian Russia: the history and modern discourse. Novosibirsk: Apelsin, 2010. (In Rus.)

3. Bezrukov, L. A. Continental-oceanic dichotomy in international and regional development. Novosibirsk: Geo, 2008. (In Rus.)

4. Bezrukov, L. A. Economic and geographical macroposition of Siberia and the problem of the efficiency of its economy. Geography and nature. resources, no. 3, pp. 149–158, 2007. (In Rus.)

5. Vardomsky, L. B. Transit potential of Kazakhstan in the context of Eurasian integration. ECO, no. 8, pp. 59–78, 2015. (In Rus.)

6. Vinokurov, Yu. I., Krasnoyarova, B. A. Water-ecological gradient of international cooperation in Central Asia. Water and water resources: system-forming functions in nature and economy: Book of Abstracts, ed. by V. G. Pryazhinskaya. Novocherkassk: PSRSPU (NPI), 2012: 387–394. (In Rus.)

7. Glinkina, S. P. Chinese strategy for post-Soviet space development and fate of Eurasian Economic Union. Russia in the XXI century: global challenges and prospects for development, Proceedings of III International Forum. Moscow: 21–22 October 2014: 59. (In Rus.)

8. Krotov, A. V. Geopolitical and geo-economic challenges to the Central Asian territories in the context of their ultra-continental position. Society and Security Insights, no. 2, pp. 139–158, 2018. (In Rus.)

9. Kuzik, B. N. Russia in the civilized dimension: Fundamental principles of innovation development strategy. M: Institute of Economic Strategies, 2008. (In Rus.)

10. Kuzik, B. N. China – Russia – 2050: development strategy. M: Institute of Economic Strategies, 2006. (In Rus.)

11. Pivovarov, Yu. L. Compression of intensively used space: the concept of macro-regional development of Russia. Izv. RAS. Ser. Geo, no. 5, pp. 114–124, 1997. (In Rus.)

12. Timokhin, D. V. Digitalization of the economy: current status, problems and development prospects in Russia. Human. Society. Inclusion, no. 3, pp. 57–66, 2018. (In Rus.)

13. Toynbee, A. J. Understanding History: Trans. from Engl. M: Progress, 1991. (In Rus.)

14. Asheim, B. T., Isaksen A. Regional Innovation Systems: The integration of Local “Sticky” and Global “Ubiquitous” Knowledge, Proceeding of the Conference on Regional Innovation Systems in Europe. Donostia-San-Sebastian: 30 September 1999 – 2 October 1999. (In Engl.)

15. Krugman, C. R., Obstfeld M. International Economics: Theory and Policy, sixth edition. Boston: Addison Wesley, 2003. (In Engl.)

16. Enright, M. Why Clusters are the Way to Win the Game. World Link, no. 5, pp. 24–25, 1992. (In Engl.)

17. Enright, M. The Geographical Scope of Competitive Advantage. Stuck in the Region? Changing scales for regional identity. Ed. by Dirven E., Groenewegen J., van Hoof S.Utrecht, 1993: 87–102. (In Engl.)

18. Fiona Hill, Clifford Gaddy. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003. (In Engl.)

Received: January 22, 2020; accepted for publication February 25, 2020

Information about author

Krasnoyarova Bella A., Doctor of Geography, Professor, Institute of Water and Environmental Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 1 Molodezhnaya st., Barnaul, 656038, Russia; Altai State University; 61 Lenina ave., Barnaul, 656038, Russia; e-mail: bella@iwep.ru; https://orcid.org/0000-0002-0008-1635.

Krotov Alexander V., Candidate of Geography, Associate Professor, Altai State University; 61 Lenina ave., Barnaul, 656038, Russia; e-mail:krotov_av@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-8050-5126.

Contribution of authors to the article

B. A. Krasnoyarova the organizer of research, who formulates the problem of research and conclusions.

A. V. Krotov – analysis and systematization of research materials, preparation of the manuscript.

Reference to the article

Krasnoyarova B. A., Krotov A. V. Risks of Strategic Development of the Central Eurasian Region in the Context of Modern Challenges // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 131–141. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-131-141.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	*Минимальный объём*
Научно-исследовательская статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/ основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – **на русском языке** строчными буквами (не заглавными), **на английском языке** – с заглавной буквы пишутся все слова названия, кроме артиклей: a, an, the; союзов: and, but, nor, or, предлогов короче пяти букв, частицы to перед инфинитивом.

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить References согласно следующим требованиям:

• автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);
• название работы/ источника (перевод на английский язык);
• выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация);
• указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1,* в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170 × 240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции
672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126)

Ответственный секретарь
Седина Елена Витальевна
e-mail: zab-nauka@mail.ru
Тел. +7(3022) 35-24-79

SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared should not exceed 40,000 characters with spaces.

Genre	Minimum length
Research article (theoretical or empirical articles that contain the main results obtained by the author)	0.5 printer's sheet *(20,000 characters)*
Scientific reports and papers	0.3 printer's sheet *(12,000 characters)*
Reviews	0.2 printer's sheet *(8,000 characters)*

SUBMISSION PACKAGE

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's surname and the title of the article.
2. Electronic version of publishing agreemnt.
3. Information about the author.

THE STRUCTURE OF THE PAPER SUBMITTED TO THE EDITORIAL BOARD

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Author's name, patronymic (middle name), surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, **country** (in Russian and English).

Affiliation (permanent place of work or place of a research project) in Russian and English.

Mail address (in Russian and English).

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowcase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, as, that,* etc. – when fewer than 5 letters are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of research and should include background, aims, methods, results, and conclusion but should not contain any references.

Keywords or **word combinations** (5–7) are separated by a comma (in Russian and English).

The body text of the paper should include the parts: Introduction, Methods, Results, Discussion, Conclusion. **The names of the parts should be in bold type**.

The paper should include in-text references to the works cited. References are given in square brackets, indicating the source number and the page number, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon [1; 3; 4].

References are arranged in alphabetical order and should include no less than 15 sources including no less than 5 foreign sources. References in foreign languages should follow references in Russian.

Textbooks, social and political essays, archives, reference, dictionary and legislative materials are mentioned after "References" in the section "**Sources**", they are continuously numbered or are given in the text of the paper as footnotes (in the bottom of the page). A footnote marker is the Arab figure, per page numbering.

The list of references is made out according to state standard specification (GOST) P. 7.0.5-2008. For each source the publishing house, total of pages are surely specified.

References in Russian should be translated into English and meet the following requirements:

– author (s) (transliteration in BSI, BGN formats);

– title of the work/source (English translation);

– imprint: city, publishing house, year of publishing, volume/issue, pages (transliteration);

– source language (in Rus.).

Selfcitations should not exceed 20 %.

Citations should not exceed 30 %.

ARTICLE FORMAT REQUIREMENTS

Languages of publications: Russian, English, China.

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom –2 cm, left and right –2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

If using additional languages in a manuscript, a PDF copy should be submitted.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s (authors’) names.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ё”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. **All captions in Russian and English** should be attached as a separate list to the article.

Figures must not exceed 1/4 length of the text.

Papers that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to zab-nauka@mail.ru

Address of the Editorial Board
129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, The Editorial Board (Room 126)

Executive Secretaries
Sedina Elena V.
e-mail: zab-nauka@mail.ru
Tel. +7(3022) 35-24-79